

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.В. Кирчанов

**ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ДОКТРИН США**

Учебно-методическое пособие для вузов

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2007

УДК 32
ББК 65.6
Ф43

Утверждено научно-методическим советом факультета международных отношений 5 марта 2007 г., протокол № 3

Р е ц е н з е н т
канд. юрид. наук А.В. Новиков

Учебное пособие подготовлено на кафедре международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

Рекомендовано для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета всех форм обучения.

Для направления: 080200 (521300) – Регионоведение

Для специальности: 030701 (350200) – Международные отношения

Цитаты в тексте пособия аутентичны тексту первоисточника.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

1.1. Основные теоретические школы науки международных отношений	4
1.2. Государственный Департамент и проблемы разработки и реализации американской внешнеполитической стратегии	15
1.3. Американские аналитические центры и проблемы формирования внешней политики	36

II. ПРАВЫЕ ДИСКУРСЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН США

2.1. Проблемы глобальной гегемонии и внешней политики США в работах Збигнева Бжезинского	44
2.2. Вызовы изоляционизма: Патрик Бьюкенен и проблемы американской внешней политики	64
2.3. Проблемы внешней политики США в работах Анатоля Ливена	76

III. АКАДЕМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

3.1. Неомарксистская традиция в американской науке международных отношений (основные аспекты теории Иммануила Валлерстайна)	93
3.2. Основные проблемы внешней политики США в работах Дмитрия Саймса	108
3.3. Основные проблемы американской внешней политики в работах Джозефа Ная	125
Заключение	147
Список литературы	157

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

1.1. Основные теоретические школы науки международных отношений

Проблемы теоретических основ внешней политики США в отечественной политической науке принадлежат к числу малоизученных проблем. Между тем развитие американской внешней политики имеет свою теоретическую основу. В США действует несколько крупных научных и исследовательских центров, аналитических структур, которые занимаются изучением как истории внешней политики, так и разработкой аналитических материалов по заказу американских министерств и ведомств. Кроме этого, следует принимать во внимание традиции американской политической мысли XX века, в рамках которой возникло несколько научных школ, представители которых занимались изучением проблем, связанных с историей и теорией внешней политики и международных отношений.

Окончательное оформление американской науки теории международных отношений произошло в 1950-е годы, когда она оформилась в самостоятельное направление научно-исследовательской деятельности, отделившись от смежных наук – политологии, истории и социологии. В отечественной политологии проблемы различных американских теорий международных отношений относятся к числу почти неизученных тем. С другой стороны, главы и разделы о различных теориях присутствуют в большинстве учебных пособий, посвященных международным отношениям. Но ни в одной из этих работ теоретические проблемы не составляют основы исследования.

Хрестоматийной и классической в этом отношении стала книга московского социолога П.А. Цыганкова «Теория международных отношений»¹. Но и в этой книге теоретические аспекты занимают только две главы из шестнадцати. С другой стороны, на современном этапе в провинциальных университетах динамично развиваются факультеты и кафедры международных отношений, а классический труд П.А. Цыганкова, который уже выдержал несколько изданий, нередко остается недоступным или малодоступным в библиотеках провинциальных университетов. Однако полное освоение науки международных отношений невозможно без знания теоретических основ формирования внешних политик в отдельных государствах, развития и функционирования системы международных отношений.

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков. – М., 2003.

В центре этой первой лекции будут различные концепты теорий международных отношений, а именно – политический реализм и неореализм, которые в значительной степени повлияли на развитие политической науки в США, определив по ряду направлений основные парадигмы ее развития.

Настоящее пособие ни в коем случае не рассматривается и не позиционируется автором как альтернатива существующим разработкам в сфере теорий международных отношений. Оно призвано, с одной стороны, дополнить их, с другой, облегчить процесс усвоения этого материала студентами-международниками провинциальных университетов – в первую очередь, студентами факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

Среди ведущих идеологов *политического реализма* были Рэйнхолд Нибур, Джордж Кеннан, Кеннет Томпсон, Генри Киссинджер, Эдвард Карр, Арнолд Уолфэрс.

Анализируя работы этих авторов, основные положения политического реализма могут быть сведены к следующему:

- 1) главными и наиболее важными акторами международных отношений следует признавать национальные государства;
- 2) международные отношения имеют анархичный характер;
- 3) столкновение интересов различных государств универсально и неизбежно;
- 4) основная цель национального государства в проведении внешней политики состоит в обеспечении и поддержании своей безопасности;
- 5) влияние отдельного государства неотделимо от его силы.

В политическом реализме государство осознается как политический организм, который в состоянии рационально действовать с политической точки зрения. Политический реализм предусматривает, что только государство является той легитимной институцией, которая в праве проводить политику в отношении других акторов международных отношений. Примечательно, что подход политического реализма к государству отличается замкнутостью и ограниченностью – полноправными участниками международных отношений американские политические реалисты признавали только наиболее сильные и влиятельные государства. В концептах политического реализма суть международных отношений состоит именно в отношениях между государствами – поэтому участие или неучастие государства в международных отношениях будет залогом сохранения международной стабильности или причиной ее разрушения.

Анализируя отношения между отдельными государствами, как основными акторами международных отношений, политический реализм акцентирует немалое внимание на том, что отношения между ними могут иметь только анархический характер, что вызывается тем, что каждое государство в проведении, формировании и развитии своей внешней политики при-

нимает во внимание исключительно свои собственные интересы. В такой ситуации международные организации имеют маргинальный характер, являются очень слабыми и не в состоянии изменить существующие отношения между отдельными государствами.

Поэтому в качестве объекта изучения политический реализм выбирает, как правило, конфликт между отдельными акторами международных отношений. Природа и проявления таких конфликтов разнообразны. Крайней формой такого конфликта, согласно политическому реализму, может быть война. Такой подход в значительной степени сужает и несколько упрощает исследовательский диапазон – в политическом реализме история международных отношений развивается почти исключительно как история войн, военных столкновений и конфликтов. Война выступает и в роли того фактора, который определяет отношения между отдельными государствами, поэтому отношения между ними могут проявляться не только в форме военного противостояния, но и как заключение различных союзов и соглашений, как правило, военного или оборонительного характера.

Безопасность – одна из категорий, которыми широко оперировал политический реализм. Политические реалисты указывали на то, что ни одно государство, даже очень мощное, территориально крупное и политически влиятельное, не в состоянии создать такие внешние условия, которые гарантировали безопасность. Такая ситуация является важнейшим стимулом, который толкает национальные государства к наращиванию собственных сил и увеличению военного потенциала. Согласно политическому реализму, почти невозможно достичь полной безопасности в международных отношениях. Что является причиной того, что отношения между государствами бывают очень напряженными. Такая международная напряженность является результатом того, что попытки одного государства выстроить собственную безопасность неизбежно вели к ответной реакции прочих акторов международных отношений. Поэтому политический реализм уподобил развитие международных отношений игре с нулевой суммой – усиление одного национального государства неизбежно ведет к пропорциональному ослаблению другого.

Неореализм можно интерпретировать как продолжение традиций американского политического реализма. Крупнейшими идеологами и теоретиками неореализма следует признать Кэннэга Уолца, Робэрта Гилпина, Джозефа Грико, Джона Миршаймера.

Американский неореализм базируется на анализе таких проблем и понятий, как «национальные интересы», «сила в мировой политике», «рациональное поведение». С другой стороны, теоретики неореализма указывают на необходимость существенных изменений методологического инструментария, полагая необходимым более активно заниматься изучением конкретных данных и поиском закономерностей. Указывая на это, неореалисты констатируют и необходимость того, что исследователь-

международник должен всегда принимать во внимание фактор целостности мира. В такой ситуации национальные государства несколько смещаются на периферию внимания исследователя.

Американский неореализм попытался теоретизировать международные отношения как науку. Теоретики неореализма в такой ситуации указывают на необходимость отдельного изучения таких проблем, как «международные отношения» и «мировая политика». Неореализм поставил под сомнение более ранний тезис о том, что мировая политика представляет собой сумму внешних политик отдельных национальных государств. Мировая политика в неореализме – целостная система, которая действует, развивается и существует в соответствии со своими, присущими лишь ей, законами. Закономерности же в развитии мировой политики американские неореалисты склонны объяснять присущей ей структурностью.

В такой ситуации в концептах американского неореализма основными акторами международных отношений становятся государства и союзы между отдельными государствами. С другой стороны, отношения между отдельными акторами международных отношений имеют беспорядочный характер, по причине чего основными целями отдельных акторов являются защита собственных интересов, достижение безопасности государства и сохранение существующей ситуации в международных отношениях без значительных изменений. Средствами реализации таких целей могут быть различные союзы между акторами международных отношений. Такие отношения могут развиваться в форме различных конфликтов между отдельными государствами или в форме войны – крайнего проявления конфликта.

Согласно **неолиберализму** (Р. Кохэн, Х. Милнэр), основными акторами международных отношений являются национальные государства и различные межправительственные и негосударственные организации. Благодаря тому, что характер акторов различен, природа международных отношений изменяется от анархической к ограниченно анархической. Деятельность различных международных организаций приводит к тому, что отношения между государствами становятся несколько более упорядоченными и стабильными. Основным средством достижения такой ситуации является распространение ценностей либеральной демократии и институтов рынка. В такой ситуации более заметными становятся процессы глобализации: растет взаимная зависимость между отдельными участниками международных отношений, а национальное государство постепенно теряет свою монополию – его роль постоянно сокращается.

Что касается **неомарксизма** (С. Амин, Р. Кокс, И. Валлерстайн), то основные его положения мы можем свести к следующему:

1) основными акторами международных отношений являются не акторы в классическом понимании (не национальные государства и различные организации – государств или неправительственные);

2) ведущую роль в развитии международных отношений играют центр, периферия / периферии, полупериферия / полупериферия;

3) природа международных отношений имеет империалистический и эксплуататорский характер;

4) основными целями отдельных акторов международных отношений являются преодоление крайностей процесса глобализации, который ведет к росту различий между отдельными участниками международных отношений;

5) основное средство развития международных отношений – различные интеграционные процессы;

6) в рамках международных отношений развивается процесс постепенного отрыва центра от периферии;

7) формирование международной несимметрии в пользу наиболее сильных государств, что ведет к игнорированию проблем и интересов более слабых акторов международных отношений;

8) конечная цель развития международных отношений – постепенное преодоление эксплуатации и освобождение от нее.

Политический реализм как течение в современной теории международных отношений возник на фоне кризиса межвоенного периода и, заявляя о себе как о «реализме», постулировал вовсе не некую познаваемую в принципе реальность, существующую независимо от наблюдающего ее исследователя, способного якобы сорвать с нее покровы идеологий, а первичность практики, с ее специфическими для каждой сферы человеческой деятельности реалиями по отношению к теории. «Политическим» же такой реализм являлся потому, что концентрировался на одной конкретной сфере человеческой деятельности: политике. Однако в рамках этого направления политика оказывалась зачастую не просто одной из сфер деятельности, но той сферой, в которой, посредством «борьбы за могущество и мир», формировались этические идеалы и устанавливался единый порядок, пусть даже и поддерживаемый такими ненадежными механизмами, как баланс сил. В конце концов, европейская практика баланса сил отличалась от античной (или от баланса в торговле) тем, что желанное равновесие достигалось не как непредвиденное следствие ревностного состязания с соседями, а в результате разумной заботы о спокойствии целого².

Эдвард Халэтт Карр был британским дипломатом и историком международных отношений. Несмотря на британское гражданство, работы Карра нашли понимание и в американском научном сообществе. Поэтому, изучая формирование внешнеполитических доктрин США, следует принимать во внимание и исследования неамериканских авторов. Это объясняется тем, что американская наука международных отношений формиро-

²Астров А. Обходной маневр в теории международных отношений: От реализма к традиционализму // А. Астров // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 5.

валась и развивалась не только исключительно на американском опыте – американские исследователи интегрировали в свои теории и некоторые положения своих европейских коллег, что в частности и относится к работам Э.Х. Карра.

Исходной посылкой Э. Карра было утверждение о том, что под влиянием динамичной истории начала XX века, бурных политических перемен и событий, например первой мировой войны в ведущих странах Западной Европы и Америки изменилось само отношение к развитию и формированию внешних политик. Втягивание общества в дискуссии по внешнеполитическим вопросам поставило перед исследовательскими сообществами задачу выработки новых теоретических и методологических подходов к изучению международных отношений.

Поэтому исследователи пришли к выводу, что политическая мысль представляет собой не просто совокупность построений относительно тех или иных политических процессов, но сама по себе является формой политического действия. С другой стороны, стало очевидно, что политическая наука, в том числе – и наука международных отношений – наука не только о том, что реально существует или существовало в международных отношениях, но и о том, что будет – иными словами, наука о международных отношениях в том виде, в котором им следует существовать.

С другой стороны, Карр указывал на то, что излишнее конструирование моделей международных отношений может оказаться в значительной степени бесполезной практикой. Он высказывал мнение, что модели являются и будут оставаться только моделями, далекими от реализации. Более того, по словам Карра, значительная часть теорий о международных отношениях не имеет значения, а является, наоборот, бесполезными, так как они остаются только теориями, которые невозможно применить в реальной ситуации. Поэтому, Карр призывал, изучая международные отношения, исходить в первую очередь от существующей реальности, а уже потом от личных предпочтений исследователя. Тем самым Карр заложил в изучение международных отношений принципиально важную связку теории и практики.

Рассматривая проблемы международных отношений, Карр значительное внимание уделял и проблемам внутренней политики. По его мнению, верное понимание истории международных отношений периода конца первой мировой войны было бы невозможно без обращения к внутреннему американскому дискурсу. Поэтому Карр анализировал то, как война изменила настроения американского общества, постепенно вынудив его отказаться от политики изоляционизма. С другой стороны, Карр указывает и на то, что в этом случае американский политический истеблишмент оказался далек от политической последовательности – США, будучи одним из инициаторов создания новой международной организации, Лиги Наций, тем не менее, в ее состав так и не вошли.

Примечательно и то, что, анализируя проблемы теории международных отношений, Карр важное внимание уделил такому принципу, как плюрализм точек зрения и возможных интерпретаций одних и тех же событий. Анализируя различные школы изучения внешней политики, Карр признает, что концепты европейских континентальных социал-демократов среди всех прочих теорий нередко оказывались в числе наиболее сильных и влиятельных. Это он был склонен объяснять «интеллектуальным превосходством левых». С другой стороны, признавая весь теоретический потенциал социал-демократических теорий международных отношений, Карр констатировал и их бесспорную практическую слабость.

Один из крупнейших теоретиков реализма Ганс Моргентау указывал на то, что целью его научной активности было создание целостной теории международных отношений. Сама теория должна была иметь не только чисто методологическое, то есть научное, но и практическое значение. Иными словами, он позиционировал свои выводы как своеобразное руководство к действию для политиков.

Исходной посылкой концепции Моргентау было утверждение о том, что, с точки зрения политического реализма общество и политика в своем развитии должны подчиняться объективным законам. Источник этих законов – сама человеческая природа. Поэтому перед исследователем стоит двоякая задача: кроме разработки своей теории функционирования такой сферы общественной жизни как международные отношения он сначала должен понять те законы, в соответствии с которыми действует сам человек. Моргентау, например, писал, что «политический реализм утверждает, что политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, имеющими свои корни в человеческой природе. Чтобы усовершенствовать общество, нужно, в первую очередь, понять законы, по которым оно живет. Эти законы действуют, оставаясь глухими к нашим предпочтениям, человек может бросить им вызов, лишь рискуя провалом». С другой стороны, Моргентау указывает и на то, что реализм признает законы политики в качестве объективных закономерностей. Поэтому возможно и создание теории, которая описывала и объясняла бы развитие системы международных отношений.

Моргентау высказал предположение, что в рамках теории международных отношений исследователь должен установить необходимые факты и проинтерпретировать их. Однако полное и правильное понимание фактов, составляющих основу международных отношений, возможно только при условии анализа как причин, так и результатов тех или иных событий. Анализ фактов не был возможен, согласно Моргентау, без изучения целого комплекса внешних факторов, важнейшими из которых он считал интересы отдельных акторов международных отношений.

Согласно Моргентау, именно понятие интереса было важнейшей категорией политического реализма. Сам интерес проявляется в терминах вла-

сти. Моргентау полагал, что именно власть является связующим звеном между выводами исследователями и теми явлениями политической жизни, анализом которых он занимается. Понятия власти и интереса в концепции Моргентау выступают тесно связанными. Именно эта связь, по его словам, дала исследователям возможность четкого разграничения между различными сферами политики, между внутренней и внешней политикой, между политическими и неполитическими явлениями.

Но в такой ситуации безусловного примата политического Моргентау предостерегал от абсолютизации политических явлений. Иными словами, полное или стремление к полному пониманию политики невозможно без обращения со стороны исследователя к другой, неполитической, проблематике. Поэтому наряду с необходимым изучением политических процессов Моргентау указывает на такое же нужное изучение механизма принятия решений, что невозможно без обращения, например, к психологическим мотивам и внутренним побуждениям политика, принимающего то или иное решение, в том числе – и внешнеполитическое. Но в такой ситуации существует опасность излишней абсолютизации этого человеческого фактора в принятии внешнеполитических решений. Поэтому Моргентау указывал на то, что положительные или негативные намерения политика дают нам право утверждать, что его решения будут иметь такой же, положительный или отрицательный, характер.

Поэтому, согласно политическому реализму, не каждая отдельная политика развивается на рациональных и объективных началах – личные предпочтения представителей элиты могут стать теми факторами, которые в силах существенно изменить направленность политики. В такой ситуации Моргентау был вынужден признать то, что создание полностью рациональной теории международных отношений, которая объясняла бы все явления международной жизни невозможно. Вот почему политический реализм признал, что в политической реальности свою роль играет и политическая случайность. В международных отношениях наряду с рационально основанными действиями возможны и обратные явления, вызванные иррациональностью.

Возвращаясь к проблеме интереса, которая была заявлена Моргентау в качестве одной из основных категорий анализа, отметим, что политический реализм исходит из того, что, несмотря на то, что интерес является объективным, он лишен статичности. Моргентау полагал, что именно интерес раскрывает саму суть политики, но вместе с тем, несмотря на свой нестабильный характер не зависит от конкретных политических условий и обстоятельств. Именно стремление реализовать свои политические интересы заставляет государства вступать в борьбу за влияние над территориями, торговыми путями, коммуникациями, ресурсами.

Комментируя эту особенность международных отношений, Моргентау писал: «...международная политика, как и любая политика, это борьба за

влияние. Каковы бы ни были конечные цели международной политики, оно всегда – самая непосредственная цель. Государственные деятели, народы могут, в конечном счете, добиваться свободы, безопасности, процветания или самого влияния. Они могут определять свои цели в форме религиозного, философского, экономического или социального идеала. Они могут надеяться, что этот идеал материализуется через свою внутреннюю энергию, путем божественного провидения или естественным ходом человеческого развития...».

В целом, политический реализм Моргентау загонял политика и исследователя в некий тупик. С одной стороны, они должны помнить о моральном значении политических действий и о том, что результаты некоторых исследований тоже имеют моральное значение для того общества, членами которого являются политик и исследователь. С другой стороны, и политическое и научное сообщества понимают то, что далеко не все действия, совершаемые на международной арене, являются правильными с точки зрения морали и нравственности. Поэтому политические реалисты были вынуждены признать, что достаточно сложно приложить моральные принципы к политическим реалиям.

Стремясь вырваться из этого методологического тупика, Моргентау предложил компромиссное решение. Политический реализм не признает возможности достижения тождества между универсальными моральными законами и теми моральными нормами, которые характерны для той или иной нации. В такой ситуации, при которой политика становится ареной противостояния между нациями-государствами, международная политика является борьбой за власть.

Изучая этот аспект международных отношений, исследователь вынужден помнить, что степень участия отдельных государств в мировой политике может быть различной. С одной стороны, не все действия одного государства в отношении другого государства являются политическими. Поэтому они могут преследовать и неполитические цели и могут быть не связаны с распространением власти. С другой стороны, вовлеченность отдельных государств в международные отношения может быть различной. США и СССР в свое время играли куда большую роль, чем Аргентина и Чили, но роль двух последних была несравнимо больше влияния, например Монако или Лихтенштейна.

Поиск компромисса в такой ситуации оказывается чрезвычайно сложным, и в данном случае на помощь политикам приходит дипломатия. Именно благодаря усилиям дипломатии, согласно Моргентау, возможно выделить закономерности развития мировой политики. Суммируя положения работ Моргентау, укажем, что эти законы сводятся к следующему:

1) дипломатия должна быть свободна от крайностей политической идеологии («...дипломатия должна быть свободна от духа крестовых походов. Это первое правило дипломатии, пренебрежение которым чревато

риском войны. Религиозные войны показали, что попытки навязать собственную религию как единственно верную тщетны, не говоря уже о цене. Потребовалось столетие почти беспрецедентного кровопролития, опустошения и варварства, чтобы убедить противников, что две религии могут взаимно терпеть друг друга... От ответа на этот вопрос зависит дело мира. Ибо только если ответ будет утвердительным, может сформироваться моральный консенсус, основанный на разделяемых убеждениях и общих ценностях, – консенсус, достигаемый в рамках дипломатии мира. Только тогда дипломатия сможет взять на себя конкретные политические проблемы, требующие мирного решения...»);

2) цели внешней политики должны формироваться через призму национального интереса («...это второе правило дипломатии, направленной на поддержание мира. Национальный интерес миролюбивой страны может формулироваться только через призму национальной безопасности, а она должна предполагать целостность национальной территории и неприкосновенность ее институтов. Национальная безопасность в таком случае – это тот необходимый минимум, который дипломатия должна защищать адекватными возможностями и бескомпромиссно. Но дипломатия должна всегда прислушиваться к радикальным изменениям, которые претерпела национальная безопасность в ядерную эпоху. До ее наступления страна могла использовать свою дипломатию, чтобы строить свою безопасность за счет других стран. Сегодня, если исключить радикальное смещение ядерного баланса сил в пользу одной страны, дипломатия, чтобы гарантировать одну страну от ядерного уничтожения, должна обезопасить все страны...»);

3) дипломатия должна учитывать мнения других стран, а не только того государства, интересы которого она представляет («...ничто так не губительно для нации, как крайний эгоизм и полное нежелание принимать во внимание естественные страхи и надежды других. Каковы национальные интересы других стран, если смотреть на них через призму национальной безопасности, и как их совместить с твоими собственными? Определение национальных интересов в терминах национальной безопасности более достижимо, интересы двух противостоящих стран более совместимы в рамках биполярной системы, нежели в любом ином балансе сил...»);

4) государство должно быть готово в зависимости от ситуации уступить свои позиции конкурентам («...если страна определила свои национальные интересы как интересы национальной безопасности, она уже способна жертвовать своими отдаленными форпостами, расположенными вблизи или внутри сферы национальной безопасности другой страны, и отойти в пределы собственной сферы, являющейся самодостаточной. Эти отдаленные форпосты ничего не дают для ее национальной безопасности. Они являются лишь помехой и не могут быть сохранены в случае войны. Безопасность обоих блоков будет тем больше, чем обширнее дистанция,

разделяющая их сферы национальной безопасности. Каждая из сторон может провести линию на достаточном удалении от противоположной стороны, давая понять, что нарушение этой линии или даже приближение к ней будет означать войну. Как же тогда быть с промежуточными пространствами, находящимися между двумя демаркационными линиями...»);

5) отдельные акторы международных отношений должны не только слепо отстаивать свои интересы, но и должны быть готовы к компромиссу («...страны должны быть готовы к компромиссу по всем вопросам, которые не являются для них жизненно важными. Любое правление, человеческая выгода, радость, любая добродетель и разумное действие основаны на компромиссе и торге. Мы уравниваем неудобства: что-то отдаем и что-то берем; уступаем какие-то права, которыми хотят пользоваться другие. Мы должны жертвовать какими-то естественными свободами, чтобы пользоваться благами от общей принадлежности к великой империи. Но во всех честных сделках плата за то, что удается выторговать, должна быть пропорциональной. Никто не будет торговать тем, что дорого его сердцу...»).

В центре теоретических и практических разработок Кеннета Уолца две категории – национальные государства, как акторы международных отношений и война как крайняя форма конфликта между ними. Принимая во внимание сосуществование достаточно значительного количества независимых государств, которые проводят и выстраивают свою политику в соответствии с собственными интересами и потребностями, с одной стороны, и то, что не существует общих и всеми признанных норм и законов в развитии международных отношений, с другой, возникновение конфликта, в том числе и военного, становится неизбежным.

В такой ситуации каждое государство имеет перед собой исключительно свои собственные цели. Участие государства в международной политике становится только средством достижения определенных политических результатов. Государство, в свою очередь, является сложной структурой, в рамках которой существуют различные политические группы, партии, течения и идеологии. Одно из настроений, которое может существовать в государстве, патриотизм.

Со временем идеи патриотизма могут соединиться с идеями национальности. Это ведет к тому, что на международную арену выходит национализм. Национализм, в свою очередь, связан с двумя процессами – во-первых, развитие идеи национального суверенитета и, во-вторых, все более широкое политическое участие масс. Именно национализм гарантирует государствам единство, которое, в свою очередь, позволяет им участвовать в мировой политике. Участие же отдельных государств в международной политике стимулирует единство государствообразующих наций.

Суммируя положения работ реалистов и неореалистов, мы можем сформулировать их в виде нескольких пунктов:

1) политика и общество в целом управляется объективными законами, укорененными в природе человека, попытки изменения которых всегда обречены на неудачу, поэтому можно создать теорию, более или менее отражающую эти законы;

2) политический реализм учитывает значимость политического действия с моральной точки зрения и неизбежное противоречие между моральным предписанием и требованиями политического действия;

3) основной признак политического реализма – концепция интереса, определяемого в терминах власти и силы;

4) интерес, определяемый как власть и сила, является объективной, универсальной категорией, потому что содержание и способ властвования обусловлены политическим и культурным контекстом;

5) отказ от отождествления моральных устремлений конкретного государства с универсальными моральными законами – ни одно государство не обладает монопольным правом на мораль, на установление того, что морально, а что – нет, с моральной точки зрения.

Дальнейшие лекции будут строиться по следующему принципу: принимая во внимание, что американская наука международных отношений в значительной степени персонализирована и тон в ней задает несколько ярких и оригинальных мыслителей, другие лекции будут представлять собой анализ основных концепций таких американских авторов, как Джозеф Най, Дмитрий Саймс, Анатолий Ливен, Иммануил Валлерстайн, Збигнев Бжезинский.

1.2. Государственный Департамент и проблемы разработки и реализации американской внешнеполитической стратегии

Разработкой американской внешней политики занимается американский президент со своими экспертами и советниками, а непосредственной реализацией – Государственный Департамент США во главе с государственным секретарем. Государственный Департамент кроме этого занимается и аналитической деятельностью, призванной обобщить внешнеполитические достижения и скорректировать внешнюю политику США в тех или иных направлениях.

Издания и публикации Государственного Департамента США – аналитическая площадка и средство популяризации внешнеполитической доктрины Америки. Аналитические службы Государственного Департамента уделяют особое внимание самому формированию внешней политики США, роли в развитии внешнеполитической стратегии отдельных американских политических институтов, например, Конгрессу: «...Конгресс играет важную роль в формировании внешней политики США. Президент при необходимости берет инициативу на себя, однако в соответствии с

нашей Конституцией Президент и Конгресс представляют собой равноправные ветви государственной власти, и поддержка Конгрессом зачастую необходима для обеспечения успеха внешней политики. Если же, напротив, Конгресс не поддерживает политику Президента или даже поддерживает ее, но без энтузиазма, это подрывает данную политику и ограничивает ее успех...»³. То, что американский Конгресс играет свою роль в развитии и формировании американской внешней политики, служит доказательством устойчивости и стабильности американской политической системы. С другой стороны, вовлеченность в процесс формирования политики Конгресса обеспечивает участие во внешнеполитической дискуссии различных групп американского общества.

Комментируя эту функцию американского Конгресса в 2000 году, Томас Пикеринг отмечал, что «...весь внешнеполитический истеблишмент очень серьезно относится к роли Конгресса в решении любой внешнеполитической проблемы, требующей рассмотрения. Неизменно обсуждается вопрос о том, как и каким образом проинформировать Конгресс, получить мнения конгрессменов и проанализировать подход этого органа к обсуждаемой проблеме. Почти по каждому серьезному внешнеполитическому вопросу имеются два ряда соображений, связанных с Конгрессом. Первый относится к политике, а именно к тому, как Конгресс, представляющий собой весьма авторитетную и важную часть американской системы государственной власти, отреагирует на ту или иную проблему с политической точки зрения. Мы заслушиваем мнения отдельных членов Конгресса, а также его руководства и председателей комитетов. Во-вторых, на Конгресс возлагается весьма важная обязанность финансирования правительственных программ как в процессе формирования годового бюджета, так и часто в порядке выделения средств на чрезвычайной основе путем дополнительных ассигнований. Поэтому учет соображений Конгресса с точки зрения финансирования представляется весьма важным...»⁴.

В 2006 году Государственный Департамент посвятил один из номеров своего журнала «Внешняя политика США» ее региональным аспектам. В отношении Европы американские аналитики исходят из того, что между американской и европейской политической культурой существует немало общего и исторически США и Европа готовы к взаимному диалогу и сотрудничеству: «...наши общие ценности обеспечивают сохранение партнерства между Европой и Америкой даже в процессе его трансформации,

³ Байден Дж. Р. Точка зрения демократов: Конгресс и внешняя политика / Дж. Р. Байден // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2000. – Март.

⁴ Меняющаяся динамика процесса разработки внешней политики США. Интервью с заместителем Государственного секретаря США по вопросам политики Томасом Р. Пикерингом // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2000. – Март.

необходимой для того, чтобы противостоять новым вызовам. Многие из главных международных вопросов XX века были, по существу, о политической и экономической организации Европы, но мир после 11 сентября ставит вопросы о том, может ли сохраняться и укрепляться свобода в значительной части мира. В результате евро-атлантические партнеры теперь сообща работают в несопоставимых регионах по всему миру...»⁵. Ближний Восток, наоборот, представляется американским аналитикам как крайне сложный и проблемный регион, который требует к себе внимательного отношения и привлечения к американской политике европейских партнеров: «...на Ближнем Востоке США сталкиваются с глубоко укоренившимися, хроническими проблемами. Мы ставим своей целью укрепление сотрудничества в борьбе с глобальной террористической угрозой и предупреждение актов терроризма, направленных против нас и наших друзей, а также поддерживаем стремления к утверждению человеческого достоинства и проведению реформ и прилагаем усилия для достижения прочного мира для Израиля, Палестины и соседствующих с ними государств...»⁶. Если США сталкиваются в регионе Ближнего Востока с проблемами, то им приходится искать пути для их решения.

Наилучший вариант эволюции Ближнего Востока значительная часть американского исследовательского сообщества видит в его последовательной демократизации: «...наши политические цели исходят из двух основополагающих принципов. Первый из них состоит в поддержке свободы, справедливости и человеческого достоинства, что подразумевает борьбу против тирании, деятельность в поддержку эффективного демократического правления и усилия по обеспечению роста благосостояния за счет свободной и справедливой торговли и разумной политики развития. Второй основополагающий принцип нашей глобальной стратегии заключается в решении сложнейших современных проблем путем сотрудничества с постоянно расширяющимся сообществом демократических режимов...»⁷. Демократизация превратит этот регион в более стабильный и предсказуемый с точки зрения политических последствий, приблизит его к Европе политически и экономически. Демократизация станет стимулом для углубления и расширения американо-европейско-ближневосточного диалога. И последнее, но, вероятно, и наиболее важное: демократизация Востока резко сократит возможности международного терроризма для использования региона в качестве своего плацдарма.

⁵ Фрид Д. Европа / Д. Фрид // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2006. – Сентябрь.

⁶ Уэлч Д. Ближний Восток / Д. Уэлч // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2006. – Сентябрь.

⁷ Уэлч Д. Ближний Восток / Д. Уэлч // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2006. – Сентябрь.

Успешная реализация внешней политики США в этих регионах невозможна без теоретической основы. Американский Государственный Департамент, указывая на особое место США в мире («...на заре нового века Соединенные Штаты оказались глубоко вовлеченными в дела зарубежного мира – глубже, чем когда-либо прежде в своей истории, и в более широком мировом масштабе, чем любая другая страна. США поддерживают дипломатические отношения примерно со 180 суверенными государствами. Их вооруженные силы в большей или меньшей мере размещены по всему миру. Их роль в мировой экономике беспрецедентна и в определенной степени проявляется практически во всех остальных странах. Наконец, они входят в многочисленные международные институты. Другие государства обращаются к Соединенным Штатам за руководством, за помощью в обеспечении своей безопасности и своего благополучия, за дипломатическими средствами при предотвращении войны и установлении мира и за мудрым советом при планировании работы международных организаций, охватывающих широкий диапазон человеческой деятельности...»⁸), признает и то, что США, как самое мощное государство в современном мире, вынуждены играть в мировой политике особую роль. Именно такая глубокая вовлеченность США в международные процессы требует от американского Государственного Департамента взвешенного подхода⁹.

Формирование внешней политики США не ограничивается исключительно американским Государственным Департаментом. Департамент при выработке отношения Соединенных Штатов к тем или иным международным проблемам ориентируется и на позиции других американских министерств и ведомств: «...способность Соединенных Штатов воздействовать на ход развития международных событий таким образом, чтобы это служило интересам США, будет в значительной степени зависеть от умения Государственного департамента совместно с министерством обороны и другими ведомствами творчески и в духе сотрудничества реагировать на общие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в процессе изменения мировой обстановки. Мир, в котором мы живем, в настоящее время переживает революцию в области технологии, средств связи и информации; в сфере организационных структур; в отношениях между странами и между правительством и народом в отдельных странах; в способности многона-

⁸ Хантер Р.Э. Аналитические центры помогают формировать американскую внешнюю политику и политику в области безопасности / Р.Э. Хантер // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2000. – Март.

⁹ Кирчанов М.В. Концептуальные аспекты формирования американской европейской, ближневосточной и антитеррористической политики / М.В. Кирчанов // Концепты развития американской внешней политики Администрации Джорджа Буша-младшего. Антология текстов американских политологов – аналитиков и сотрудников Государственного департамента / сост. и вступительная статья М.В. Кирчанова. – Воронеж, 2007. – С. 4–10. [он-лайн PDF версия доступна на <http://ejournals.pp.net.ua>].

циональных корпораций и других неправительственных организаций оказывать воздействие на ход развития событий на международной арене и в характере реагирования региональных и международных организаций на конфликты, гуманитарные катастрофы и стихийные бедствия...»¹⁰. Именно такой внутригосударственный диалог является одной из гарантий относительно эффективной внешней политики США. Сотрудничество между различными государственными структурами, с другой стороны, способствует укреплению позиций США в мире.

Американская аналитика указывает и на то, что успешная внешняя политика возможна в условиях согласия и конструктивного диалога между двумя основными политическими американскими партиями – демократами и республиканцами. Среди американского исследовательского сообщества существует мнение, что внешнеполитические вызовы, которые исходили от коммунистического блока до начала 1990-х годов, способствовали достижению некоторого единства среди американских политиков. Но распад СССР, превращение США в единственную сверхдержаву разрушили это негласное политическое соглашение: «...Соединенные Штаты обладают беспрецедентной мощью на мировой арене, но президентам все труднее обеспечивать поддержку своей внешней политики внутри страны. Они больше не могут рассчитывать на то, что Конгресс и общественность будут идти у них на поводу. Клинтон победил в таких вопросах, как расширение НАТО, прекращение войны в Боснии и обеспечение утверждения Сенатом Конвенции о химическом оружии лишь после того, как использовал все имеющиеся у него рычаги для создания двухпартийной поддержки в Конгрессе. Но даже при этом победа была одержана с минимальным отрывом. По другим же вопросам – от политики в отношении Китая и торговой политики до глобального потепления – инициативы Клинтона пали жертвами политических раздоров в Капитолии. Двухпартийность ради безрассудной политики бывает опрометчивой, точно так же, как партийность во имя праведного дела – мудрой. Ясно одно: одних президентских призывов недостаточно для того, чтобы не дать политическим разногласиям выходить за пределы страны. К традиции Трумэна и Ванденберга американская внешняя политика вернется лишь тогда, когда этого потребует американская общественность...»¹¹.

Один из принципов, на котором базируется теоретическая основа американской внешней политики, идея т. н. «добросовестного управления». Аналитики американского Государственного Департамента, например По-

¹⁰ Ньюсом Э. Объединение силовых и дипломатических средств для обеспечения безопасности / Э. Ньюсом // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2000. – Март.

¹¹ Линдсей Дж. М. Новые партийные подходы к американской внешней политике / Дж. М. Линдсей // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2000. – Март.

ла Добрянски, этому принципу уделяют особое внимание: «...американская внешняя политика всегда поощряла принципы добросовестного управления, и новая инициатива Президента Буша подтверждает этот подход. С помощью выделенных средств, совместных предприятий и международного диалога Соединенные Штаты поддерживают зарубежные страны и побуждают их проводить такую политику и формировать свои правительства таким образом, чтобы человеческое достоинство и свобода могли в них процветать. Некоторые из принципов, отстаиваемых Соединенными Штатами, восходят еще к временам древней Греции. Другие принципы выработаны в более поздние времена или представляют собой уроки, извлеченные из истории Соединенных Штатов и других стран...»¹².

Все эти элементы являются неотъемлемыми частями добросовестного управления. Под самим же «добросовестным управлением» понимается следующее: «...в широком смысле слова добросовестное управление способствует обеспечению основополагающих и всеобщих прав человека. Поскольку Соединенные Штаты считают, что политическая власть принадлежит народу, ФВТ ориентирован на поддержку тех принципов управления, которые помогают людям строить свою жизнь в справедливом, равноправном и демократическом обществе. Мы хотим предоставить развивающимся странам инструменты, необходимые им для просвещения своих граждан и для участия в реализации возможностей, предлагаемых глобальной экономикой. Мы работаем над тем, чтобы искоренить коррупцию и укрепить основу для уважения прав человека, а также имущественных прав...»¹³.

Для реализации этой политики, по мнению П. Добрянски, необходимы несколько условий, важнейшие из которых – приверженность государства демократическим институтам: «...основной и важнейший принцип добросовестного управления состоит в том, что политические институты страны должны быть демократическими. По словам одного из величайших американских президентов Авраама Линкольна, демократия представляет собой "власть народа, волей народа и для народа". Это означает, что права и принципы демократического правления могут и должны применяться универсально. Они не являются чисто американским изобретением. Право каждого человека свободно высказываться о своем правительстве – это базовое право человека, вытекающее из ценности каждого отдельного человеческого существа...»¹⁴.

¹² Добрянски П. Принципы добросовестного управления / П. Добрянски // Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

¹³ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

¹⁴ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

В целом, идея защиты и популяризации в мире американской демократии, объяснение американского демократического опыта, участие США в постепенной и последовательной демократизации политических режимов – одни из центральных мотивов в политической риторике Государственного Департамента¹⁵. Об особой демократической миссии США говорят и руководители американского внешнедипломатического ведомства: «...мы знаем, что марш демократии не прост. Наша собственная история заключается в том, как люди, которые далеко не совершенны, веками стремились осуществить высокие идеалы демократических принципов. Глядя на то, как к этому же стремятся другие, мы должны относиться к ним с уважением и убежденностью, что они тоже смогут реализовать свои устремления...»¹⁶. Пола Добрянски в связи с этим пишет, что «...Соединенные Штаты твердо привержены идее оказания помощи правительствам другим стран в процессе их демократического развития. Поэтому правительство и граждане США активно помогают зарубежным странам укреплять демократические институты, содействовать становлению нарождающейся демократии и показывать в истинном свете те правительства, которые отказывают своим гражданам в основополагающих правах и свободах...»¹⁷.

Подобная политика является следствием тех демократических ценностей, на которых основывается вся американская государственность: «...мир, процветание и свобода – на этих принципах основана уникальная форма внешней политики, известная как американский интернационализм. У нас в Америке есть давняя традиция опоры на такие фундаментальные ценности и идеалы, как свобода слова, избирательное право, свобода вероисповедания и свобода печати, которые часто бросают вызов власти диктаторов и идеологов. В отличие от лидеров несвободных обществ, мы считаем экономические и политические свободы, права человека и возможности не привилегиями, раздаваемыми элитой своим фаворитам, а правами каждого человека, которые надо защищать и отстаивать...»¹⁸. Именно этот де-

¹⁵ Кирчанов М.В. Проблемы демократизации и борьбы с терроризмом в концептах американского Государственного Департамента / М.В. Кирчанов // Внешнеполитические концепты Администрации Джорджа Буша-младшего. Антология текстов американских политологов – аналитиков и сотрудников Государственного департамента / сост. и вступительная статья М.В. Кирчанова. – Воронеж, 2007. – С. 4 – 17. [он-лайн PDF версия доступна на <http://ejournals.pp.net.ua>]

¹⁶ Райс К. Предисловие / К. Райс // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2006. – Апрель.

¹⁷ Добрянски П. Освещая путь: усилия США по укреплению демократии во всем мире / П. Добрянски // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

¹⁸ Холмс К. Американский интернационализм: поощрение свободы, демократии и развития / К. Холмс // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

мократический опыт является условием успешной реализации Америкой политики «добросовестного управления».

Политика «добросовестного управления» в период администрации Дж. Буша-мл., в связи с усилением правого крыла американского интеллектуального и исследовательского сообщества, превратилась в одну из наиболее обсуждаемых тем. С другой стороны, американские аналитики не считают, что эта политика может использоваться исключительно в США и только во имя американских интересов. Она может и, согласно некоторым американским аналитикам, должна стать составной частью американской внешней политики. Поэтому внешнеполитическая стратегия США должна развиваться как мягкий экспорт американских ценностей, в первую очередь – политических. Этими ценностями, которые США могут предложить миру, должны быть свободные и честные выборы, независимый суд, демократические свободы и борьба с коррупцией.

Первый принцип – свободные выборы. Аналитические структуры американского Государственного Департамента процедуре выборов за рубежом уделяют особое внимание: «...свободные и честные выборы открыты и прозрачны для всех людей без дискриминации по половому, расовому или этническому признаку, которые производятся без принудительных мер со стороны государства или вмешательства государства. Более того, они создают основу для роста внутренних инвестиций и уменьшения оттока капитала. Право на свободные и честные выборы должно обеспечиваться соответствующими конституционными или законодательными гарантиями, так как только при честных выборах органы власти могут быть привлечены к ответственности перед своими гражданами. Избиратели должны иметь возможность свободно участвовать в политическом процессе, будь то через политические партии или гражданские организации...»¹⁹. Поддержка демократических ценностей и институтов, включая выборы, – одна из важнейших задач внешнеполитической американской стратегии, которая базируется на необходимости приоритетного сотрудничества США с именно демократическими государствами, так как это значительно облегчает ответ на современные вызовы, в том числе – на международный терроризм.

Независимость суда и прессы, СМИ, свобода слова – не менее важные принципы, на которых, по мнению Пола Добрянски, должна основываться политика «добросовестного управления»: «...справедливое и демократическое общество должно обеспечивать свободный обмен информацией и идеями. Наилучшим образом это реализуется в создании свободной и открытой прессы и в свободах слова и выражения мнений. Эти факторы также учитываются в качестве критериев оценки политических прав и граж-

¹⁹ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

данских свобод. Свободная пресса предоставляет избирателям информацию, необходимую им для принятия обоснованных решений. Она способствует обмену политическими аргументами, создавая «рынок идей», где не подавляется ни одно мнение, а выбирается лучшее. Свободная пресса также может сдерживать властные полномочия правительства, обеспечивая подотчетность государственных должностных лиц и организаций избирателям. Способность средств массовой информации освещать бизнес и экономику также важна для сохранения общественного доверия к рынкам и для привлечения иностранных и внутренних инвестиций. Право прессы свободно публиковать и редактировать материалы, критиковать и информировать представляет собой основополагающий принцип демократии...»²⁰. Реальное соблюдение этих прав и свобод, наряду с проведением свободных выборов, может стать серьезным препятствием на пути развития терроризма. Иными словами, политика «добросовестного управления» может стать действенным лекарством против любых проявлений экстремизма.

Пола Добрянски полагает, что политика США, направленная на утверждение демократии за пределами Америки, неразрывно связана с той борьбой, которую американская дипломатия ведет против международного терроризма: «...демократические государства оказываются более надежными партнерами в вопросах укрепления мира и безопасности, поддержки открытых и свободных рынков, защиты прав человека и основополагающих свобод, а также борьбы с международной преступностью и терроризмом. Демократические государства в большей степени способны избежать гуманитарных кризисов, не связанных со стихийными бедствиями, и готовы предоставлять политические, экономические и социальные возможности своим гражданам, помогая им полностью реализовать свой потенциал. Демократические государства толерантны и обеспечивают более благоприятные условия для того, чтобы люди разных вероисповеданий и культур могли жить в мире друг с другом. Демократические государства лучше заботятся об окружающей среде и в большей степени привержены идеям устойчивого развития и искоренения бедности. Короче говоря, процветание демократии отвечает интересам всех жителей нашей планеты. Соединенные Штаты не одиноки в этом убеждении, и наши усилия на этом направлении находят поддержку у множества партнеров...»²¹. Иными словами, именно демократические страны, которые при проведении своей внутренней и внешней политики, руководствуясь демократическим опытом и ценностями свободы и демократии, могут не только оказаться надежными

²⁰ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

²¹ Добрянски П. Освещая путь: усилия США по укреплению демократии во всем мире / П. Добрянски // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

партнерами США в борьбе с терроризмом, но и никогда не станут партнерами террористов.

Среди основных проблем, которые находятся в центре внимания Государственного Департамента США, – проблемы противодействия международному терроризму и борьбы с ним. Американские аналитики полагают, что современная террористическая угроза не является угрозой, направленной против исключительно США. Современный международный терроризм ставит под сомнение сами основы западной, в том числе и американской, модели политического развития. Поэтому аналитические службы американского дипломатического ведомства указывают на то, что борьба против международного терроризма должна вестись всеми заинтересованными государствами по ряду направлений: «...в ответ на теракты 11 сентября правительство США начало глобальную войну с терроризмом на пяти фронтах: военном, разведывательном, правоохранительном, финансовом и дипломатическом. Соединенные Штаты разработали стратегию борьбы с финансированием терроризма, основанную на трех опорах для выявления, ликвидации и сдерживания финансовых сетей террористов. Во-первых, мы проводим правоохранительные и разведывательные операции, позволяющие предавать спонсоров терроризма суду. Во-вторых, мы составляем специальные списки, чтобы открыто указывать имена людей и названия организаций, участвующих в террористической деятельности или поддерживающих ее, клеймить их позором и блокировать их активы. В-третьих, мы разработали программы по развитию потенциала для укрепления институтов наших иностранных союзников по активной борьбе с финансированием терроризма. Если первые две опоры ретроспективны, поскольку известные финансовые операции расследуются постфактум, то третья опора, связанная с развитием потенциала, ориентирована на укрепление возможностей стран по защите международных финансовых систем от злоупотреблений со стороны спонсоров терроризма...»²².

Анализ проблем терроризма в современном американском интеллектуальном сообществе нередко базируется на дихотомии «терроризм – диктатура»²³. Поэтому США декларируют свою готовность противостоять терроризму в любой точке земного шара и вести борьбу против террористической угрозы так долго, как этого будут требовать обстоятельства:

²² Реалуио С. Создание контртеррористического финансового режима / С. Реалуио // Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

²³ Кирчанов М.В. Основные тенденции развития внешнеполитической мысли США в период Администрации Джорджа Буша-младшего / М.В. Кирчанов // Американские внешнеполитические дискуссии в период Администрации Джорджа Буша-младшего. Антология текстов американских политологов – аналитиков Государственного Департамента / сост. и вступительная статья М.В. Кирчанова. – Воронеж, 2007. – С. 4 – 16. [он-лайн PDF версия доступна на <http://ejournals.pp.net.ua>]

«...мы будем разбивать террористические сети, привлекать к ответственности страны, укрывающие террористов, и противодействовать агрессивным тиранам, обладающим или стремящимся обладать ядерным, химическим и биологическим оружием, которое может быть передано союзникам-террористам. Это разные обличья одного и того же зла. Террористам нужно место, где можно строить заговоры, осуществлять подготовку и вести организационную работу. Тираны могут значительно расширить сферу своих смертоносных деяний благодаря союзу с террористами. Террористы, устанавливающие тесные отношения с тиранами, могут приобрести технологии, позволяющие им убивать во все более массовом масштабе. Каждая из этих угроз приумножает опасность, создаваемую другой. И единственный путь к безопасности – эффективное противодействие и террористам, и тиранам...»²⁴. Иными словами, американская аналитика полагает, что террористы могут найти поддержку у диктаторских режимов, а сами диктаторские режимы могут проводить политику террора в своих государствах или стимулировать и поддерживать террористические организации.

Изучая внешнюю политику США, американские аналитики полагают, что Америка стала жертвой террористического нападения по причине того, что внешняя политика 1990-х годов допустила несколько ошибок. Американские политологи указывают, что США неверно расставили политические акценты и определили политические приоритеты: вместо того, чтобы реально бороться против международного терроризма, Государственный Департамент сосредотачивал свое внимание на борьбе с мелкими террористическими угрозами. Кроме этого, американская дипломатия переоценила свои успехи: «...мы позволили себе успокоиться, поверив в то, что, в общем и целом, одновременные массивные нападения, нападения с таким разрушительным потенциалом, которые мы видели в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября, судя по всему, не по силам большинству террористов, включая террористов, прямо или косвенно связанных с Усамой бин Ладеном. Трагические события того сентябрьского дня наглядно показали, насколько глубоко ошибочными были подобные предположения. В этом отношении мы, пожалуй, переоценили значение своих прошлых успехов (например, того, что нам во многом удавалось срывать большинство террористических операций бин Ладена в период со времени взрывов бомб в посольствах в августе 1998 года до нападения на эсминец США "Коул" в ноябре 2000 года), некомпетентность террористов и их склонность к совершению ошибок (например неудачную попытку Ахмада Рессама въехать в Соединенные Штаты из Канады в декабре 1999 года). На самом деле более впечатляющим и обескураживающим является тот факт, что, по всей вероятности, планирование этих нападений и нападения в Адене на эсми-

²⁴ Райс К. Баланс сил в пользу свободы / К. Райс // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2002. – Декабрь.

нец США "Коул" в ноябре прошлого года происходило в одно и то же время, что свидетельствует об оперативных и организационных возможностях одновременного координирования нескольких крупномасштабных нападений...»²⁵.

С другой стороны, американские аналитики полагают, что дипломатия – один из наиболее эффективных методов борьбы против международного терроризма: «...дипломатия имеет важнейшее значение в борьбе с современным международным терроризмом, который во многих отношениях не признает границ между государствами. В пределах досягаемости террористических групп оказываются все новые районы земного шара. Борьба с сетью террористических групп, подобной той, в которую входит возглавляемая Усамой бин Ладеном организация "Аль-Кайда", требует совместных усилий многих государств, поскольку деятельностью этой сети охвачены территории многих стран. Эффективная дипломатия, направленная против терроризма, выполняет роль своего рода цементирующего состава, который соединяет эти усилия в единое целое, не давая им приобрести фрагментарный характер. Формирование контртеррористической коалиции после совершенных 11 сентября террористических актов стало самым последним и наглядным подтверждением того, что помощь зарубежных партнеров нужна Соединенным Штатам в противодействии даже тем угрозам, которые направлены исключительно против Соединенных Штатов...»²⁶. Именно в рамках дипломатической активности США могут достичь немалых результатов, найдя новых союзников и обеспечив поддержку своей политике на международной арене.

Американские аналитики не отвергают и более ранние внешнеполитические концепции и доктрины, полагая, что они могут оказаться вполне действенными и эффективными в борьбе против международного терроризма: «...стратегия национальной безопасности не опровергает полувековой доктрины и не отбрасывает политику сдерживания и устрашения. Эти стратегические концепции могут и по-прежнему будут использоваться там, где это целесообразно. Но некоторые угрозы носят настолько катастрофический характер и могут осуществляться столь неожиданно средствами, которые не поддаются отслеживанию, что сдерживать их невозможно. Экстремистов, которые, похоже, рассматривают самоубийство как святое дело, вряд ли можно сдерживать. А новая технология требует нового представления о том, когда угроза реально становится "неминуемой". Так что, исходя из здравого смысла, Соединенные Штаты должны быть готовы, по необходимости, принимать меры до того, как угрозы полностью материализуются».

²⁵ Хоффман Б. Терроризм и борьба с ним после 11 сентября / Б. Хоффман // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2001. – Ноябрь.

²⁶ Пиллар П.Р. Инструменты борьбы с терроризмом / П.Р. Пиллар // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2001. – Ноябрь.

лизуются...»²⁷. Но и в такой ситуации, признавая собственный уникальный исторический опыт, обращаясь к достижениям прошлого, американская демократия не ратует за возвращение назад, к политике изоляционизма.

Примечательно, что в изучении антитеррористической политики американская аналитика не игнорирует и зарубежный, например индонезийский, опыт борьбы против терроризма и террористической опасности: «...взрывы бомб, произведенные террористами на острове Бали в 2002 году, и ответные действия индонезийского правительства и международного сообщества на эти террористические нападения являются убедительным примером исследования конкретного случая стратегии борьбы против финансирования терроризма. На практике эта стратегия представляла собой конкретные действия, совершаемые посредством проведения операций, направленных на всеобъемлющее полицейское правоприменение, мобилизацию общественного мнения и создание соответствующего потенциала борьбы с терроризмом. 12 октября 2002 года Индонезии пришлось столкнуться с тем, что явилось самым масштабным террористическим актом после нападений террористов, имевших место в США за год до этого, а именно – 11 сентября 2001 года. Взрывы бомб на острове Бали со всей наглядностью показали Индонезии реальность международного терроризма. После этих бомбардировок Индонезия неустанно работала со своими международными партнерами, чтобы усилить свою систему защитных мер против террористических угроз, включая способы перекрытия потока финансовых средств, поступающих террористам...»²⁸.

Анализируя индонезийский опыт, американский Государственный Департамент указывает на то, что в рамках борьбы с терроризмом можно выделить несколько этапов. Первый этап связан с конкретными действиями местных властей, направленными на стабилизацию ситуации, наведение порядка, поиски и арест возможных организаторов и / или исполнителей террористического акта: «...при поддержке своих международных союзников Индонезия быстро приступила к проведению эффективной кампании по обеспечению соблюдения закона с тем, чтобы провести расследование и поймать террористов, ответственных за это нападение. В Индонезии прибегли к услугам австралийских и американских правоохранительных экспертов с тем, чтобы помочь этой стране в различных аспектах расследования взрывов на Бали – от выявления жертв до определения каналов, по которым поступали деньги на совершение данного теракта. На сегодняшний день в связи с операцией "Бали" арестованы 80 членов "Джамаа аль Исламия". В результате приложения скоординированных усилий

²⁷ Райс К. Баланс сил в пользу свободы / К. Райс // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2002. – Декабрь.

²⁸ Реалуио С. Ответ на теракт на острове Бали: история международного успеха / С. Реалуио, С. Стейпдтон // Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

по применению закона, направленных на то, чтобы подготовить пакеты надежных доказательств, индонезийские судебные власти успешно преследовали в судебном порядке преступников, которые произвели взрывы, и на июнь 2004 года вынесли 33 обвинительных приговора, включая три смертных и многочисленные приговоры к пожизненному тюремному заключению...»²⁹. Залогом успеха подобных операций является всестороннее сотрудничество, с одной стороны, властей и общества, а с другой – специальных служб различных государств.

Второй этап в борьбе против терроризма имеет уже не внутрисоветский, а международный характер. По мнению аналитиков американского Государственного Департамента, государство, ставшее жертвой террористического нападения, не только может, но и в праве требовать от международного сообщества более активного участия в борьбе против терроризма. В индонезийском случае это проявилось в том, что, основываясь на материалах и доказательствах, собранных правительством и спецслужбами Индонезии, ООН признало ряд организаций, которые обвинялись Индонезией в совершении преступлений, террористическими: «...23 октября 2002 года партнерство 52 стран потребовало, чтобы Организация Объединенных Наций признала "Джамаа аль Исламию" террористической сетью, и, когда ООН сделала это, поддержало данное признание. Более 150 юрисдикций согласились заблокировать активы, имеющие своей целью осуществление планов, связанных с деятельностью ДИ. Это признание представляло собой появление самого широкого и заметного союза против террористической группировки со времени признания "Аль-Кайды" и Талибана террористическими группировками после нападений на Соединенные Штаты 11 сентября. Членов ООН обязали заморозить и арестовать активы, связанные с ДИ...»³⁰. Таким образом, успешная борьба против терроризма невозможна усилиями только одного государства или в рамках двухсторонних консультаций («...чтобы подчеркнуть важность международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом и способствовать возрождению местной экономики, 17–18 декабря 2002 года Индонезия и Австралия провели совместную Конференцию по борьбе с отмыванием денег и финансированием террористов, в которой приняли участие представители 33 стран и 14 международных организаций. Участники этой конференции горячим одобрением встретили принятое ООН международное решение о признании "Джамаа аль Ислами" террористической сетью и призвали к расширению международного сотрудничества посредством проведения правоохранительных и разведывательных операций, также наращивания потенциала борьбы с терроризмом в Юго-Восточной Азии и районе Тихо-

²⁹ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

³⁰ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

го океана...»³¹), а должна, согласно аналитикам американского внешнеполитического ведомства, вестись совместно, при значительной координации усилий.

Аналитики Государственного Департамента считают, что в борьбе с международным терроризмом межправительственные организации должны играть более активную роль. Кроме этого, некоторые представители американского аналитического сообщества настаивают на том, что необходимо реанимировать роль ООН в мировой политике. Что касается Организации Объединенных Наций, то, согласно американской аналитике Государственного Департамента, ООН должна несколько измениться: «...мы хотим, чтобы ООН соответствовала замыслу своих основателей, обязывающему все государства-члены вносить вклад в международный мир и безопасность, обеспечивая своим гражданам свободу, здоровье и экономические возможности. Мы стремимся обеспечить эффективный многосторонний подход. Многосторонняя дипломатия должна приносить не просто пустые декларации – она должна осязаемо продвигать мир, свободу, устойчивое развитие, здравоохранение и гуманитарную помощь на благо рядовых граждан на каждом континенте. Когда организации ООН работают хорошо, Соединенные Штаты воодушевлены этим. Если они не выполняют своего назначения, Соединенные Штаты обязаны об этом заявить. Мы добиваемся рационального управления ресурсами ООН. Эффективная ООН должна разумно тратить свои ресурсы. Те, кому адресована помощь по ее программам, должны реально ее получать. Соединенные Штаты будут работать с другими государствами-членами, обеспечивая обоснованное управление и финансирование организаций и программ ООН. Мы будем и впредь содействовать реформам, повышающим дееспособность и эффективность ООН...»³². В случае добровольной смены имиджа ООН имеет все шансы реально увеличить свое влияние и начать реально участвовать не только в обсуждении международных проблем, но и выработке конкретных решений и в их реализации. Если ООН действительно изменилась, аналитики американского Государственного Департамента в 2003 году предложили четко сформулировать главные приоритеты в деятельности ООН. Согласно американской концепции, существует пять направлений реформы Организации, а именно: 1) сохранение мира и защита мирных граждан, которым угрожают войны и тирания; 2) поставить многосторонний подход на службу демократии, свободе и эффективному управлению; 3) помогать странам и лицам, испытывающим крайнюю нужду; 4) содействие ориентированному на результа-

³¹ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

³² Холмс К. ООН и американская многосторонняя дипломатия: принципы и приоритеты для создания лучшего мира / К. Холмс // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

ты экономического развитию; 5) настаивать на реформах и бюджетной дисциплине в ООН³³.

Кроме ООН американские аналитики уделяют особое внимание роли НАТО. В самой общей перспективе расширение НАТО осознается как один из инструментов демократизации, последовательной десоветизации: «...двигаясь в будущее, НАТО решает региональные и глобальные по своему характеру задачи. Мы должны помнить, что Европа еще не в полном составе. Несколько стран, принятых в члены на Пражском саммите, займут свои места за столом на Стамбульском саммите, но в Европе еще остаются демократические страны, стремящиеся вступить в НАТО. Наша идея единой и свободной Европы не будет реализована до тех пор, пока такие страны, как Украина, Албания, Македония и Хорватия, не станут полноправными членами трансатлантического сообщества. Новые и старые союзники заинтересованы в том, чтобы помочь этим странам выполнить политические, экономические и военные требования членства в НАТО...»³⁴. Иногда НАТО позиционируется как действенный инструмент борьбы с советским наследием в странах, которые до распада СССР вынужденно входили в Организацию Варшавского договора. Такой подход нередко характерен для американских аналитиков восточноевропейского, например польского, происхождения. Другие представители американского аналитического сообщества в целом также позитивно настроены в отношении расширения НАТО на Восток.

Среди американского политического сообщества нет единства мнений относительно стран Центральной и Восточной Европы, но республиканцы полагают, что американская дипломатия в период ее активного заигрывания с Россией в первой половине 1990-х годов допустила ряд серьезных ошибок в отношении центрально- и восточно-европейских стран. Часть деятелей республиканской партии, особенно те, что связаны с Государственным Департаментом, указывают, что «...самый большой моральный вызов, на который мы должны ответить на заре нового столетия, состоит в том, чтобы исправить ошибки, допущенные в прошлом веке в Ялте, когда Запад отдал страны Центральной и Восточной Европы на откуп Сталину и обрек их на рабство за железным занавесом...». Вхождение новых стран в НАТО понимается в США как, своего рода, восстановление исторической справедливости, возвращение в Европу, откуда эти страны были насильственно вырваны русским коммунизмом: «...мы начали процесс исправления этих ошибок в 1998 году, когда Сенат проголосовал за прием Польши, Венгрии и Чешской Республики в состав НАТО. Однако прием Польши, Венгрии и Чешской Республики не смог полностью стереть тот шрам, ко-

³³ Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

³⁴ Бжезински Я. НАТО : трансформация альянса / Я. Бжезински // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Июнь.

торый остался после Ялты. В годы холодной войны я был в числе сенаторов, которые пытались защитить независимость стран, получивших известность как "плененные нации" (балтийские государства: Литва, Латвия и Эстония), и которые выступали за то, чтобы Соединенные Штаты никогда не признавали их незаконное присоединение к Советскому Союзу...»³⁵.

По мнению некоторых представителей американского академического сообщества, значительная часть граждан США положительно отнеслась к расширению организации за счет принятия в ее состав стран Центральной и Восточной Европы. Некоторые американские аналитики склонны объяснять это тем, что немалый процент американских граждан помнят и знают, что их предки прибыли в США именно из этого региона Европы: «...новые члены НАТО тесно связаны с Соединенными Штатами через чисто человеческие узы: более 25 млн американцев – выходцы из Центральной и Восточной Европы. Они также симпатизируют Соединенным Штатам благодаря проводившейся на протяжении десятилетий принципиальной внешней политике Америки. Латыши, литовцы и эстонцы знают, что США практически в одиночестве никогда не признавали насильственную аннексию их стран Советским Союзом в 1940 году. Как они сами, так и жители других стран Центральной и Восточной Европы помнят, как отмечались в США "Недели поработанных народов". Благодаря их мужеству и настойчивости Америки в противостоянии советскому империализму Европа сейчас стоит на пороге осуществления мечты стать "единой и свободной"...»³⁶. С другой стороны, американские аналитики полагают, что вступление новых стран в НАТО объективно будет влиять на повышение их безопасности. Интеграция в НАТО увеличит и число контактов между ними и США. Таким образом, расширение НАТО ведет к росту числа американских союзников, усиливая антитеррористическую коалицию.

Американские аналитики указывают и на то, что НАТО, где доминирует США, должна проводить и более активную политику на Ближнем Востоке: «...НАТО должно расширить свое взаимодействие с арабским миром и Израилем, чтобы помочь этим странам найти путь к мирному будущему на Большом Ближнем Востоке. Соединенные Штаты хотят, чтобы НАТО стало одним из главных элементов нашего долгосрочного участия в делах этого огромного региона. Недавние консультации союзников в регионе продемонстрировали определенную поддержку усиления отношений с НАТО. Долгосрочные перемены на Ближнем Востоке помогут ликвидировать основы террористического кризиса и дать демократии и граждан-

³⁵ Хелмс Д. К вопросу о выработке внешнеполитического курса США / Д. Хелмс // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2001. – Март.

³⁶ Байден Дж. Стамбульский саммит : соответствовать вызову / Дж. Байден // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Июнь.

скому обществу шанс пустить корни. Эту задачу должны взять на себя и европейцы, и американцы. Мы можем превратить Средиземноморский диалог НАТО в подлинное партнерство, предложив военную подготовку и учения и более тесные политические отношения, а также начать взаимодействие с другими странами региона в рамках Стамбульской инициативы по сотрудничеству...»³⁷. Постепенное проникновение НАТО на Восток, привлечение арабских стран к сотрудничеству с НАТО будет иметь двойной эффект. С одной стороны, США и НАТО укрепят свои позиции на Востоке, а с другой – активный диалог между Западом и Востоком в рамках американо-европейско-ближневосточного сотрудничества значительно сократит возможности терроризма для превращения Ближнего Востока в базу для террористической деятельности.

Американская аналитика полагает, что внешняя политика США в сфере борьбы против международного терроризма должна быть максимально взвешенной и продуманной. Кроме этого, она должна иметь и теоретическую основу. С другой стороны, американские политологи не отрицают и того, что в деле борьбы против террористической угрозы Соединенные Штаты должны не только учитывать мнение своих внешнеполитических партнеров, но непосредственно привлекать их к антитеррористической борьбе, поощряя их участие в этом: «...наши усилия должны быть полностью скоординированными, устойчивыми и продолжительными. Они потребуют приверженности делу, политической воли и терпения. Они должны преследовать реально достижимые цели и не давать поводов к возникновению ложных ожиданий или порождать последние. И, наконец, они должны избегать применения косметических или "успокаивающих" мер физической безопасности, которые носят лишь поверхностный характер и мало (если вообще) способствуют повышению уровня национальной и международной безопасности. В заключение следует признать, что борьба с терроризмом никогда не кончится. Поэтому наши поиски решений и новых подходов также должны носить постоянный и целеустремленный характер, быть соразмерными исходящей от наших противников угрозе как в плане новизны этих решений и подходов, так и с точки зрения нашей решимости в борьбе с терроризмом...»³⁸.

Анализируя внешнюю политику, в том числе и через НАТО, американское научное сообщество указывает на необходимость более подробного и глубокого изучения внутренней ситуации в тех странах, с которыми США поддерживают отношения. Американское исследовательское сообщество признает, что средний американец мало знает о Ближнем и Сред-

³⁷ Бернс Р. Н. НАТО остается нашим важнейшим альянсом / Р.Н. Бернс // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Июнь.

³⁸ Добрянски П. Освещая путь: усилия США по укреплению демократии во всем мире / П. Добрянски // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2003. – Март.

нем Востоке: «...проблемы, касающиеся отношения Запада к Большому Ближнему Востоку, дополняются недостатком понимания ислама, Ирана и арабского мира, а в некоторых случаях и открытыми или неявными культурными и расовыми предрассудками...»³⁹. В этом контексте американские аналитики предостерегают от крайне однозначных оценок в духе концепции «столкновения цивилизаций». Отрицая наличие конфликта между Востоком и Западом, они акцентируют внимание на том, что два эти мира в одинаковой мере далеки от единства. Поэтому, предлагается иное объяснение: «...несмотря на утверждения Хантингтона, реальной проблемой является не "столкновение цивилизаций" между Западом и арабским / исламским миром, а столкновение внутри арабского / исламского мира. Реальной проблемой является, может ли он справиться с собственными политическими, культурными, экономическими и демографическими проблемами путем реформ и эволюции или же он столкнется с длительным периодом насилия и революций...»⁴⁰. Акцентируя особое внимание на политике США и НАТО в регионе Ближнего Востока, американские аналитики стремятся доказать, что восточная политика США не менее важна, чем политика в отношении Европы.

Особое место в этих концептуальных построениях американского аналитического сообщества принадлежит Ирану. Мнения американских интеллектуалов в отношении этой страны чрезвычайно разнообразны от игнорирования до популяризации необходимости решительных действий, направленных, с одной стороны, на недопущение того, чтобы Иран стал ядерной страной, а с другой – на смену правящего режима. Например, Генри Сокольски, директор Образовательного центра по вопросам политики нераспространения оружия массового поражения, указывает на то, что ядерная программа Ирана может стать причиной широкой дестабилизации ситуации в регионе: «...если у Ирана есть законное право приобретать ядерные объекты, которые совершенно ему не нужны и которые не имеют соответствующих гарантий безопасности, что удержит соседей Тегерана от того, чтобы последовать его примеру и тоже стать странами, обладающими ядерным оружием? На самом деле, что помешает созданию того мира, против появления которого неоднократно предостерегал Эль-Барадей: мира с 20 или более государствами, которые вот-вот создадут бомбу, и бесконечно уверенными в том, что их ядерные потенциалы смогут обеспечить им защиту? Мы знаем, к чему привели в 1914 году наращивание военной мощи и взаимные подозрения – к Первой и Второй мировым войнам, которые унесли жизни свыше 100 млн человек. Представьте себе аналогичную

³⁹ Кордесман Э.Х. Усилия Запада в области безопасности и Большой Средний Восток / Э.Х. Кордесман // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Июнь.

⁴⁰ Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Июнь.

пороховую бочку – только теперь с обладающими ядерным оружием соперниками, которые простираются от Пекина до Вашингтона и от Алжира до Японии...»⁴¹.

Американские аналитики предполагают, что Ближний Восток станет той площадкой, где американская дипломатия и внешнеполитическая стратегия будут держать своеобразный экзамен на прочность и способность реагировать и отвечать на новые современные вызовы: «...будущее НАТО будет определяться исходом событий на Большом Ближнем Востоке. Это историческая ноша для всех нас в регионе с богатой культурой и историей, который пока не определил своего места в современном мире. Наш подход должен сочетать тонкость и дальновидность, равно как и решимость и целеустремленность...»⁴². Именно политика США на Ближнем Востоке важна в контексте борьбы с международным терроризмом: демократизация региона, привнесение демократических ценностей в значительной степени ослабит позиции террористических групп и укрепит американские позиции в регионе.

Но среди американского исследовательского сообщества, особенно той его части, которая близка к Государственному Департаменту, звучат и критические голоса, которые указывают на то, что НАТО следует несколько изменить свою стратегию. Например, Чарлз Купчан указывает на то, что в случае если НАТО и США прислушаются к критическим голосам, доносящимся из исследовательского сообщества, то они смогут извлечь несколько уроков. Суммируя их содержание, Ч. Купчан пишет, что: «...ни один альянс не может функционировать успешно в отсутствие общей стратегии или при наличии конкурирующих стратегий. Любой альянс имеет значение только тогда, когда его члены корректируют свою политику с учетом интересов своих партнеров – когда они делают друг для друга такое, чего они не стали бы делать, если бы альянса не существовало. Общая стратегия не требует равных потенциалов. Дополнительность – это актив, а не пассив. Если США являются незаменимой страной в плане своей военной мощи, то европейцы, разумеется, являются незаменимыми союзниками в других формах потенциалов, от которых зависит качество политического управления. Настало время уточнить цели и выгоды европейской интеграции. Европейцы должны определиться с темпами и масштабами европейской интеграции. Но реакция Америки на этот процесс будет зависеть от того, как лидеры и электорат Евросоюза будут воспринимать роль

⁴¹ Сокольски Г.Д. Политика в отношении Ирана : ограничить использование ядерной энергии мирными целями / Г.Д. Сокольски // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2005. – Март.

⁴² Хейгел Ч. Роль НАТО в обеспечении безопасности на Большом Ближнем Востоке / Ч. Хейгел // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Июнь.

союза...»⁴³. Если речь идет об изменении политики НАТО, то это автоматически означает и необходимость значительных перемен в современной внешней политике США как страны, которая выступает в качестве главного гаранта и условия существования и функционирования Организации Северо-Атлантического Договора.

Борьба против международного терроризма, по мнению аналитиков Государственного Департамента, может быть успешной в случае постоянного наращивания потенциала антитеррористических средств и мер. Это наращивание может иметь несколько проявлений. Первое – обучение правоприменению и совершенствование законодательной базы борьбы с терроризмом. В этом направлении страны, пострадавшие от терроризма, не только могут, но и должны рассчитывать на помощь США и международного сообщества: «...сразу же после взрывов бомб на Бали Соединенные Штаты, Япония и Австралия провели многостороннюю работу по оказанию Индонезии помощи в борьбе с терроризмом. В 2003 году Управление координатора по борьбе с терроризмом при Государственном департаменте запланировало и выделило Бюро Государственного департамента по обеспечению безопасности дипломатического корпуса финансовые средства для реализации программы помощи в борьбе с терроризмом на сумму 8 млн долларов, которая имеет своей целью подготовку, оснащение и организацию подразделения по борьбе с терроризмом, действующего в составе Индонезийской национальной полиции...»⁴⁴. Но, согласно американскому Государственному Департаменту, международное сотрудничество не должно ограничиваться лишь этим.

Аналитики Госдепартамента указывают на то, что в Индонезии США оказывали местным властям помощь в борьбе и против финансовой деятельности террористических организаций: «...помимо наращивания потенциала в сфере полицейского правоприменения многосторонняя помощь Индонезии включает в себя крупномасштабные усилия по защите финансовой системы от злоупотребления ею со стороны террористов. Свыше 820 000 долларов было выделено органам Соединенных Штатов на оказание Индонезии технической помощи и подготовку ее специалистов в области борьбы против финансирования террористов и отмывания ими денег (БФТ/БОД). В сентябре 2002 года, за месяц до взрывов на Бали, Соединенные Штаты предприняли начальные шаги к наращиванию потенциала БФТ/БОД наряду с составлением приблизительной оценки режима борьбы Индонезии против предоставления террористам финансовых средств. В сентябре 2003 года была отправлена на место вторая группа экспертов для дальнейшей оценки потенциальных возможностей Индонезии в этой борь-

⁴³ Купчан Ч.Э. Обновление атлантического партнерства / Ч.Э. Купчан // Внешняя политика США. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Июнь.

⁴⁴ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

бе. Индонезия достигла значительного прогресса в укреплении своей способности ведения борьбы против финансирования террористов в пяти основных элементах, необходимых для создания эффективного режима борьбы против предоставления терроризму финансовых средств...»⁴⁵. Этот финансовый аспект имеет и другую сторону, о чем неоднократно писали американские аналитики и эксперты.

Например, Хуан Карлос Сарате указывает на необходимость координации деятельности не только государств, но и отдельных министерств и ведомств в борьбе против международного терроризма. В США в рамках такой политики успешно развивается сотрудничество между Государственным Департаментом, с одной стороны, и Управлением по терроризму и финансовой разведке, с другой: «...президент Джордж Буш-мл. и министр финансов Джон Сноу недавно объявили о создании нового управления в составе Министерства финансов для активизации наших долгосрочных усилий по разрыву финансовых связей террористов и лучшей защите финансовой системы США от преступной деятельности. Управление по терроризму и финансовой разведке (ТФР) консолидирует стратегические, правоохранные, регулирующие, международные и аналитические функции Министерства финансов и добавляет к ним необходимые разведывательные компоненты. Это изменение позволит нам лучше развивать и ориентировать наш разведывательный анализ и финансовые данные, такие как данные о банковской секретности, чтобы мы могли отслеживать, как террористы используют финансовые системы, и разрабатывать методы, позволяющие их остановить. Оно также позволит нам эффективнее осуществлять наши санкции и программы по обеспечению регулирования и тесно сотрудничать с посольствами и частным сектором по всему миру в целях укрепления международной коалиции против финансирования терроризма...»⁴⁶.

1.3. Американские аналитические центры и проблемы внешней политики

Отличительная особенность формирования американских доктрин внешней политики состоит в том, что в США активно действует цент аналитических центров, связанных с различными фондами и учреждениями. Некоторые из этих организаций действуют при американских университетах, ведомствах или департаментах. Другие связаны с частными или госу-

⁴⁵ Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

⁴⁶ Сарате Х.К. Банкротство террористов / Х.К. Сарате // Экономические перспективы. Журнал Государственного Департамента США. – 2004. – Сентябрь.

дарственными фондами, созданными в честь американских политиков – конгрессменов, сенаторов или президентов. В центре настоящей лекции – проблемы деятельности таких научно-аналитических и исследовательских центров в контексте развития и формирования американской внешней политики. В США действует немало таких организаций, важнейшие из которых «Центр Никсона», Эллиоттская школа международных отношений при Университете Джорджа Вашингтона, различные центры изучения мира, международных отношений и безопасности.

Центр Никсона (Nixon Center) был создан по инициативе бывшего американского президента Ричарда Никсона в 1994 году, за три месяца до его смерти. С самого начала деятельности Центра в качестве основных и приоритетных направлений исследовательской деятельности было определено изучение национальных интересов, проблем международной безопасности, процветания Америки в мире. С другой стороны, предполагалось, что в рамках своей работы исследователи Центра будут уделять внимание не только американской, но и азиатской, латиноамериканской, европейской и ближневосточной проблематике. Таким образом, среди направлений исследовательской активности Центра сложились два мощных течения, связанные соответственно с изучением американской и иностранной, иными словами – мировой, политики. Кроме этого, предполагалось, что Центр будет пытаться соотносить развитие международных отношений с политическими традициями Соединенных Штатов, их устойчивой приверженностью к демократическим ценностям и гражданским свободам.

Само создание Центра было продиктовано тем, что американские политики были вынуждены заново выстраивать отношения с миром, который значительно отличался от того, в котором они привыкли действовать на протяжении 1980-х годов. Президентом Центра стал выходец из бывшего СССР Дмитрий Саймс (Simes). До этого Дм. Саймс являлся главой русских и евразийских программ в Центре Карнеги для изучения мира, директором советских и восточно-европейских исследовательских программ, профессором-исследователем по изучению Советского Союза в Университете Джона Хопкинса. Кроме этого, Дм. Саймс преподавал в Калифорнийском Университете, Университете Беркли и Колумбийском Университете. Подобно другим научно-аналитическим организациям Центр Никсона ведет исследовательскую деятельность, занимается организацией семинаров и конференций, издает научную литературу. Один из наиболее интересных издательских проектов Центра – журнал «The National Interest». В марте 1995 года Центр Никсона организовал и провел конференцию «После победы: защита значения Америки в неопределенном мире» («After Victory: Defining an American Role in an Uncertain World»). Среди других исследователей Центра Николас Гвоздев (профессор Джорджтаунского Университета), Томас Э. Хоммэл (Эллиоттская школа международных отношений).

В настоящее время среди приоритетных направлений исследований – изучение роли и места американской внешней политики в современном постбиполярном мире и участие США в борьбе против международного терроризма. В 2007 году Центр Никсона планирует вести исследования по нескольким программам, среди которых «Иммиграция и национальная безопасность» («Immigration and National Security» – планируется исследовать основные дискурсы и связи между миграцией, терроризмом и национальной безопасностью США), «Региональные стратегические программы (Средний Восток и Каспийский бассейн)», Э («Regional Strategic Programs (Middle East and Caspian Basin)» – проблемы внешней политики США в отношении Ирана и Ирака), «Стратегические исследования» («Strategic Studies» - исследования международной безопасности и изучение терроризма), «Американо-русские отношения» («U.S.-Russian Relations» – исследования в сфере американской внешней политики, российско-американских американо-русских отношений, влияния российской внутренней политики на международные и двухсторонние отношения), «Энергетическая безопасность и климат» («Energy Security and Climate» – изучение проблем связи внешней политики, экономики и экологической безопасности в глобальном контексте).

Эллиоттская школа международных отношений при Университете Джорджа Вашингтона (The Elliott School of International Affairs at The George Washington University) является одним из старейших центров, которые занимаются изучением международных отношений и внешней политики. Начало изучения этой тематики в Университете Джорджа Вашингтона началось в 1898 году. В 1988 году Школа была названа в честь Ллойда Эллиотта – президента Университета. Школа занимается изучением проблем международных отношений, мировой политики, внешней политики США. Большинство ее исследователей являются одновременно и преподавателями Университета Джорджа Вашингтона, что является залогом достаточно высокого научного уровня ее исследований, разработок и аналитических отчетов. При Школе существуют Институт мировых и международных исследований (The Institute for Global and International Studies), Институт европейских, российских и евразийских исследований (The Institute for European, Russian and Eurasian Studies).

Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), возглавляемый Ричардом Хаасом, является одной из наиболее влиятельных исследовательских институций в сфере внешней политики и международных отношений в США. Совет по международным отношениям был создан в 1921 году по инициативе Питера Гросе. Совет призван заниматься изучением американской внешней политики, ее истории и со-

временного состояния⁴⁷. Совет издает журнал «Foreign Affairs» – одно из влиятельнейших печатных американских изданий, посвященное международной проблематике⁴⁸. Совет обладает одним из крупнейших в США архивов, который дает исследователям возможность проведения комплексных и фундаментальных исследований в сфере американской внешней политики⁴⁹. Среди директоров Совета были Дэвид Рокфеллер (1949–1985), Збигнев Бжезинский (1972–1977), Генри Киссинджер (1977–1981), Питер Гарнофф (1986–1993)⁵⁰.

Центр оборонной информации (The Center for Defense Information), возглавляемый Брюсом Блэром, занимается анализом проблем национальной безопасности США, изучением международной безопасности. Центр является одним из научно-аналитических центров, где идет изучение проблем, связанных с ядерным оружием, космосом, ПРО и изменениями военной системы и доктрины в США. Центр издает журнал «Defense Monitor», изучает проблемы оборонной политики и безопасности не только в США, но и в мире – в Европе, России, Азии.

Школа международных отношений при Колумбийском университете (Columbia University's School of International Affairs) была создана в 1946 году. К 1950 году в ее рамках действовало уже три исследовательских центра – Русский институт, занимавшийся изучением СССР, Восточно-Азиатский институт, призванный анализировать проблемы Восточной Азии, и Европейский институт. Школа издает «The Journal of International Affairs». Среди его авторов – всемирно известные ученые и политики: Ханна Арендт, Вилли Брандт, Збигнев Бжезинский, Кеннет Уолц, Джимми Картер.

⁴⁷ The Council on Foreign Relations: A Record of Fifteen Years. – Washington, 1937; The War and Peace Studies of the Council on Foreign Relations. – Washington, 1946; The Council on Foreign Relations: A Record of Twenty-five Years. – Washington, 1947; Whitney H. Early History of the Council on Foreign Relations / H. Whitney. – Washington, 1960; Bundy W.P. The Council on Foreign Relations and Foreign Affairs: Notes for a History / W.P. Bundy. – Washington, 1994.

⁴⁸ The Challenge to Isolation, 1937–1940. – N.Y., 1952; Hyland W.G. Foreign Affairs at 70 / W.G. Hyland // Foreign Affairs. – 1992. – Fall. – P. 171 – 193; Perloff J. The Shadows of Power : The Council on Foreign Relations and the American Decline / J. Perloff. – Appleton, 1989; Santoro C.M. Diffidence and Ambition : The Intellectual Sources of United States Foreign Policy / C.M. Santoro. – Boulder, 1992.

⁴⁹ Kraft J. School for Statesmen / J. Kraft // Harper's. – 1958. – July; Nagorski Z. A Member of the CFR Talks Back / Z. Nagorski // National Review. – 1977. – December 9; Parmar I. The Issue of State Power : The Council on Foreign Relations as a Case Study / I. Parmar // The Journal of American Studies. – 1995. – Vol. 29. – № 1; Jakab E. The Council on Foreign Relations / E. Jakab // Book Forum. – 1978. – Vol. 3. – № 4.

⁵⁰ Schulzinger R.D. The Wise Men of Foreign Affairs / R.D. Schulzinger. – N.Y., 1984; Wala M. The Council on Foreign Relations and American Foreign Policy in the Early Cold War / M. Wala. – Providence, 1994.

Институт мировой безопасности (World Security Institute) – независимый научно-исследовательский центр, который занимается изучением проблем международных отношений и внешней политики. Исследовательский приоритет Института – анализ проблем, вызовов и угроз безопасности. В рамках Института существует и активно действует **Центр оборонной информации (Center for Defense Informno)**. Среди проектов, над которыми работает институт в настоящее время, проблемы военной реформы в США, поиски новой стратегии США в Ираке, проект изучения терроризма, проект космической безопасности, проект ракетной обороны.

Национальный демократический институт международных отношений (National Democratic Institute for International Affairs) занимается изучением не только современных международных отношений, но и перспективами развития демократии и демократических ценностей в мире. Институт занимается проведением конференций и семинаров, в рамках которых происходит популяризация демократии. С Институтом сотрудничают многочисленные европейские и американские организации, призванные заниматься популяризацией демократии. Особое внимание Институт уделяет работе с организациями демократической ориентации из развивающихся стран или государств, находящихся на этапе демократического транзита.

Институт Северной Америки (North American Institute), во главе которого находится Билл Ричардсон, относится к числу академических учреждений, которые специализируются на изучении региональных аспектов в современных международных отношениях. Институт изучает проблемы международных отношений, внешней политики и экономических связей между государствами, входящими в состав НАФТА. Институт занимается популяризацией северо-американской проблематики. Среди проблем, над которыми работают сотрудники Института, проблемы мягких и прозрачных границ между тремя государствами Северной Америки, перспективы развития трехсторонних отношений между США, Канадой и Мексикой.

Институт мировой политики (World Policy Institute) в своем современном виде оформился в начале 1990-х годов, хотя был создан незадолго после завершения Второй мировой войны, в 1948 году. Его создание было вызвано тем, что после завершения холодной войны и распада Советского Союза перед американской дипломатией возникли новые задачи. Институт, переименованный в 1952 году в Институт международного правительства (Institute for International Government), в 1954-м – в Институт международного порядка (Institute for International Order), в 1973-м – в Институт мирового порядка (Institute for World Order), был призван стимулировать дискуссии в исследовательском сообществе относительно проблем американской внешней политики и той роли, которую следует играть Америке в современном мире. Перед собой Институт мировой политики ставит несколько задач, среди которых – поиск новых путей развития и изменения

американской внешней политики при активном участии общества в этой внешнеполитической дискуссии; изучение связи между внутренней и внешней политикой в контексте внешнеполитической стратегии США; привлечение нового поколения исследователей, журналистов, политических и общественных деятелей к активному обсуждению проблем роли и места США в мире. Институт издает «World Policy Journal».

Институт занимается исследованиями по нескольким проектам, среди которых – евразийский проект (The Eurasia Project), кубинский проект (Cuba Project), антитеррористический проект (Counterterrorism Project). Евразийский проект был начат Институтом в 1998 году. В его рамках сотрудники Института изучают такие проблемы, как нация и государственное строительство (основное внимание акцентируется на развитии наций и национализма, идентичности в новых государствах в контексте государственного и политического строительства), угрозы и вызовы безопасности (изучение проблем этнического национализма и террористической угрозы), проблемы устойчивого развития (анализ проблем, связанных с реформой инфраструктуры и советским политическим наследием в новых государствах). Кубинский проект планируется как изучение проблем кубино-американских отношений и перспектив демократизации политического режима на Кубе.

Институт международных исследований в Монтерее (Monterey Institute of International Studies), расположенный в Калифорнии, является уникальным центром, где ведется изучение международных отношений и внешней политики. Институт представляет собой не только исследовательский, но и крупный образовательный центр. Особое внимание при приеме студентов уделяется знаниям иностранных языков. В Институте обучаются, как правило, билингвальные студенты, владеющие не только английским, но и испанским языком. Поэтому Институт международных отношений в Монтерее является центром развития американского мультикультурализма. Институт был основан в 1955 году Гаспардом Вэйссом, Рэмзном Бёрдом и Дуайтом Морроу. С самого начала в деятельности Института особое внимание уделялось той роли, которую играют знания иностранных языков и культур в процессе подготовки специалиста по международным отношениям.

Во главе **Института глобальных конфликтов и сотрудничества (Institute on Global Conflict and Cooperation)** находится Сьюзэн Шёрк – специалист по проблемам Азии, ранее работавшая в Государственном Департаменте США. В своей деятельности особое внимание она уделяет проблемам американо-китайских отношений и международным отношениям в регионе Тихого океана. Почетным директором Института является Херберт Йорк, начало карьеры которого связано с его участием в Манхэттонском проекте в годы Второй мировой войны. Позднее Х. Йорк находился на государственной и дипломатической службе. Из других исследователей

Института упомянем Эли Берман (директор исследовательских программ по проблемам международной безопасности), Джэфа Винсэнта (директор исследовательских программ по международной экологической политике).

Институт глобальных конфликтов и сотрудничества ведет активную издательскую деятельность. В рамках серии «Policy Paper» Институт публикует сборники материалов и статей, посвященные различным аспектам международной безопасности и внешней политики США. В центре внимания различных публикаций Центра – широкий круг вопросов, связанных с различными аспектами места Соединенных Штатов в мире, проблемы европейской политики и региональных исследований. Новейшие публикации посвящены контролю над вооружениями⁵¹, проблемам общей европейской внешней политики, проблемам военного баланса и баланса сил на Ближнем Востоке⁵², проблеме безопасности на Корейском полуострове в контексте внешних политик США, РФ, Китая, КНДР, Южной Кореи и Японии⁵³. Значительное внимание в своих публикациях Институт уделяет проблемам энергетической составляющей в международных отношениях. В центре ряда публикаций и проблемы периферийных регионов в современной системе международных отношений⁵⁴.

Институт глобальных конфликтов и сотрудничества разрабатывает несколько исследовательских проектов, среди которых – Северо-Восточный Азиатский диалог сотрудничества (Northeast Asia Cooperation Dialogue, реализация с 1993 года, изучение перспектив международного сотрудничества в Азии), Контроль над вооружениями и развитие безопасности на Ближнем Востоке (Arms Control and Security Improvement in the Middle East, реализация с 1997 года, изучение роли внешней политики США в развитии международных отношений на Ближнем Востоке), Семинар по управлению глобальной и региональной безопасностью (Workshop on Global and Regional Security Governance, реализация программы нача-

⁵¹ Waltz K.N. Peace, Stability, and Nuclear Weapons (Policy Paper 15) / K.N. Waltz. – San Diego, 1995.

⁵² Building Toward Middle East Peace: Working Group Reports (Policy Paper 01). – San Diego, 1992; Pervin D. Workshop on Arms Control and Security in the Middle East (Policy Paper 04) / D. Pervin. – San Diego, 1993; Chrzanowski P.L. Workshop on Arms Control and Security in the Middle East III (Policy Paper 07) / P.L. Chrzanowski. – San Diego, 1994; Promoting Regional Cooperation in the Middle East (Policy Paper 14) / eds. F. Wehling, L. Dunn, Ali Ghezawi, Y. Avnimelech, H. Adelman, R. Rosecrance. – San Diego, 1996; Jentleson B. The Middle East Arms Control and Regional Security (ACRS) Talks: Progress, Problems, and Prospects (Policy Paper 26) / B. Jentleson. – San Diego, 1996.

⁵³ Shirk S.L., Twomey Ch.P. Northeast Asia Cooperation Dialogue II, Tokyo, Japan, May 16–17, 1994, Conference Papers (Policy Paper 09) / S.L. Shirk, Ch.P. Twomey. – San Diego, 1994.

⁵⁴ Keller E.J. African Conflict Management and the New World Order (Policy Paper 13) / E.J. Keller. – San Diego, 1995.

лась после распада СССР в связи с изменениями в мировой политике, значительный стимул программа испытала после террористической атаки 11 сентября на США, что сделало исследования в сфере безопасности особенно актуальными и перспективными).

Таким образом, развитие американской внешней политики имеет теоретическую основу. В США действует несколько крупных научных и исследовательских центров, аналитических структур, которые занимаются изучением как истории внешней политики, так и разработкой аналитических материалов по заказу американских министерств и ведомств. Активная деятельность этих организаций – залог и гарантия не только динамичного развития американской политологии и науки международных отношений, но и одно из условий столь динамично развивающейся внешней политики.

II. ПРАВЫЕ ДИСКУРСЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН США

2.1. Проблемы глобальной гегемонии и внешней политики США в работах Збигнева Бжезинского

Збигнев Бжезинский (Бжезински) – знаковая фигура в истории американской политологии. На протяжении своей жизни Бжезинский успевал побывать гражданином Польши, Канады и США. Именно в Америке он превратился в одного из наиболее авторитетных политологов и теоретиков международных отношений⁵⁵.

Збигнев Казимеж Бжезинский родился в Варшаве в семье польского дипломата. С 1938 года жил в Канаде, в 1950-е годы стал гражданином США. В Канаде Бжезинский закончил Университет МакДжилла со степенью магистра, а в США – Гарвардский университет, где получил степень доктора политических наук. После этого Бжезинский некоторое время занимался преподаванием в Гарварде, а в 1961 году перешел в Колумбийский университет, где возглавил там научный и исследовательский институт (Institute on Communist Affairs), занимавшийся изучением проблем коммунизма⁵⁶. В середине 1960-х годов Збигнева Бжезинского назначают членом совета планирования Государственного Департамента – так в жизни американского профессора польского происхождения начался

⁵⁵ Brzezinski Z. The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism / Z. Brzezinski. – NY., 1956; Brzezinski Z. Soviet Bloc: Unity and Conflict / Z. Brzezinski. – NY., 1961; Brzezinski Z. Ideology and Power in Soviet Politics / Z. Brzezinski. – NY., 1962; Brzezinski Z. Alternative to Partition: For a Broader Conception of America's Role in Europe / Z. Brzezinski. – NY., 1965; Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era / Z. Brzezinski. – NY., 1970; Brzezinski Z. The Fragile Blossom: Crisis and Change in Japan / Z. Brzezinski. – NY., 1972; Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981 / Z. Brzezinski. – NY., 1983; Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest / Z. Brzezinski. – NY., 1986; Brzezinski Z. Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century / Z. Brzezinski. – NY., 1989; Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. – NY., 1997; Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership / Z. Brzezinski. – NY., 2004.

⁵⁶ О Збигневе Бжезинском существует обширная литература, но в советской и российской (особенно, в т.н. патриотической историографии) вокруг имени Зб. Бжезинского возник ареол злого гения и русофоба. См., напр., показательные, но в значительной степени и односторонние, работы, где отражен преимущественно негативный дискурс восприятия его концепций. См.: Ефимов Н.Н. В чем опасность геостратегии Бжезинского для России? / Н.Н. Ефимов // Военная мысль. – 1999. – № 5. – С. 31 – 38; Кожакин Е.В. Россия в политических исследованиях Збигнева Бжезинского 1950–1960-х гг. / Е.В. Кожакин // История и историография зарубежного мира в лицах. - Самара, 2001. – Вып. 5. – С. 158 – 170; Пирогов Г.Н. Данилевский в зеркале З. Бжезинского / Г.Н. Пирогов // Коммунист. – 2000. – № 5. – С. 88 – 126.

новый этап. Бжезинский активно втягивается в американскую политику. В частности он был первым, кто предложил объяснять особенности политических процессов и развития политических институтов в СССР с позиций концепции тоталитаризма. В 1960-е годы З. Бжезинский занимал различные посты в США: он являлся советником в администрациях Р. Кеннеди, советником по внешней политике Л. Джонсона. В 1977–1981 годах Бжезинский занимал должность помощника президента по национальной безопасности в правительстве Картера.

Одна из наиболее значительных книг Збигнева Бжезинского, которая помогает сформировать целостное представление о его концепции международных отношений, – «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы». Бжезинский полагает, что среди всех мировых регионов Евразии принадлежит особая роль. Именно там разворачивается борьба за влияние, контроль, ресурсы и в итоге за будущее, точнее за то – каким оно будет. И в такой ситуации особую роль в развитии Евразии, в определении ее судьбы могут и должны играть США: «...Евразия, следовательно, является "шахматной доской", на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию – стратегическое управление геополитическими интересами. Стоит отметить, что не далее как в 1940 году два претендента на мировое господство – Адольф Гитлер и Иосиф Сталин – заключили недвусмысленное соглашение (во время секретных переговоров в ноябре 1940 г.) о том, что Америка должна быть удалена из Евразии. Каждый из них сознавал, что инъекция американского могущества в Евразию положила бы конец их амбициям в отношении мирового господства. Каждый из них разделял точку зрения, что Евразия является центром мира и тот, кто контролирует Евразию, осуществляет контроль над всем миром. Полвека спустя вопрос был сформулирован по-другому: продлится ли американское преобладание в Евразии и в каких целях оно может быть использовано?...»⁵⁷. В такой ситуации закономерно возникает вопрос о том, какой должна быть американская внешняя политика.

Отвечая на него, З. Бжезинский указывает, что политика США должна быть взвешенной, продуманной, базироваться исключительно на рациональных основаниях. Именно такая политическая стратегия может привести не только к триумфу американской политики, но и к всемирному триумфу демократии: «...окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способ-

⁵⁷ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Зб. Бжезинский. – М., 1998. – С. 3.

ный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке...»⁵⁸. Перед этим выбором Америка была поставлена всей своей историей.

Бжезинский полагает, что политическая и экономическая история Америки привела к формированию такого типа государственности, который оказался способным не только вести активную внешнюю политику, но и базировать ее на экспорте и предложении своих ценностей миру: «...фундамент растущих геополитических амбиций Америки обеспечивался быстрой индустриализацией страны. К началу первой мировой войны экономический потенциал Америки уже составлял около 33 % мирового ВВП, что лишало Великобританию роли ведущей индустриальной державы. Такой замечательной динамике экономического роста способствовала культура, поощрявшая эксперименты и новаторство. Американские политические институты и свободная рыночная экономика создали беспрецедентные возможности для амбициозных и не имеющих предрассудков изобретателей, осуществление личных устремлений которых не сковывалось архаичными привилегиями или жесткими социальными иерархическими требованиями. Короче говоря, национальная культура уникальным образом благоприятствовала экономическому росту, привлекая и быстро ассимилируя наиболее талантливых людей из-за рубежа, она облегчала экспансию национального могущества...»⁵⁹. Начало триумфа американской политики З. Бжезинский склонен связывать с динамичной историей начала XX века.

Именно первые годы XX века, участие США в первой мировой войне, отказ от политики изоляционизма, втягивание США в мировую политику привели к тому, что США начинают не только утверждаться на международной арене, но постепенно и доминировать на ней: «...первая мировая война явилась первой возможностью для массивной переброски американских вооруженных сил в Европу. Страна, находившаяся в относительной изоляции, быстро переправила войска численностью в несколько сотен тысяч человек через Атлантический океан: это была трансокеаническая военная экспедиция, беспрецедентная по своим размерам и масштабу, первое свидетельство появления на международной арене нового крупного действующего лица. Представляется не менее важным, что война также обусловила первые крупные дипломатические шаги, направленные на применение американских принципов в решении европейских проблем. Знаменитые "четырнадцать пунктов" Вудро Вильсона представляли собой впрыскивание в европейскую геополитику американского идеализма, подкрепленного американским могуществом. За полтора десятилетия до этого Соединенные Штаты сыграли ведущую роль в урегулировании дальнево-

⁵⁸ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – С. 3.

⁵⁹ Там же. – С. 5.

сточного конфликта между Россией и Японией, тем самым также утвердив свой растущий международный статус. Сплав американского идеализма и американской силы, таким образом, дал о себе знать на мировой сцене...»⁶⁰. Но триумф Америки не стал результатом исключительно американской внешнеполитической активности.

Бжезинский связывает утверждение США на международной арене с кризисом европоцентристского мира. Те события, которые способствовали развитию и росту США, для Европы, наоборот, имели самые негативные результаты. Первая мировая война ослабила Европу, а Вторая – стала окончательной причиной того, что она уступила свои позиции США: «...европейская эра в мировой политике пришла к окончательному завершению в ходе второй мировой войны, первой подлинно глобальной войны. Боевые действия велись на трех континентах одновременно, за Атлантический и Тихий океаны шла также ожесточенная борьба, и глобальный характер войны был символично продемонстрирован, когда британские и японские солдаты, бывшие представителями соответственно отдалённого западноевропейского острова и столь же отдалённого восточноазиатского острова, сошлись в битве за тысячи миль от своих родных берегов на индийско-бирманской границе. Европа и Азия стали единым полем битвы...»⁶¹. Но именно эта негативная тенденция в европейской истории привела не только к ее упадку, но и к тому, что Европа оказалась заложницей в противостоянии двух сверхдержав – США и СССР.

В результате политической, экономической и идеологической конфронтации США и СССР Советский Союз потерпел крах. Распад Советского Союза и восточного блока и возвращение бывших советских саттелитов в Европу привели к тому, что Америка стала развиваться в принципиально новых условиях. Именно эта новая ситуация позволила Америке реализовать себя как единственная сверхдержава: «...в результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой. И все же глобальное господство Америки в некотором отношении напоминает прежние империи, несмотря на их более ограниченный, региональный масштаб. Эти империи опирались в своем могуществе на иерархию вассальных, зависимых государств, протекторатов и колоний, и всех тех, кто не входил в империю, обычно рассматривали как варваров. В какой-то степени эта анахроничная терминология не является такой уж неподходящей для ряда государств, в настоящее время находящихся под влиянием Америки. Как и в прошлом, применение Америкой "имперской" власти в значительной мере является результатом превосходящей организации, способности быстро мобилизовать огромные экономические и технологи-

⁶⁰ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – С. 6.

⁶¹ Там же.

ческие ресурсы в военных целях, неявной, но значительной культурной притягательности американского образа жизни, динамизма и прирожденного духа соперничества американской социальной и политической элиты...»⁶². Утверждению Америки в мире как единственной сверхдержавы способствует и ее уникальный опыт внутривнутриполитического развития.

Внутренняя жизнь Америки, по мнению З. Бжезинского, отличается значительной стабильностью, что стало результатом того, что в XX веке США обрели немалый политический и экономический опыт. Поэтому, по словам американского политолога, «...экономический динамизм Америки служит необходимым предварительным условием для обеспечения главенствующей роли в мире. Первоначально, непосредственно после Второй мировой войны, экономика Америки была независимой от экономики всех других стран и в одиночку обеспечивала более 50 % мирового ВВП. Экономическое возрождение Западной Европы и Японии, за которым последовало более широкое явление экономического динамизма Азии, означало, что американская доля от мирового ВВП в итоге должна была сократиться по сравнению с непропорционально высоким уровнем послевоенного периода. Тем не менее, к тому времени, когда закончилась холодная война, доля Америки в мировом ВВП, а более конкретно – ее доля в объеме мирового промышленного производства стабилизировалась примерно на уровне 30 %, что было нормой для большей части этого столетия, кроме исключительных лет непосредственно после Второй мировой войны...»⁶³. Такая экономическая мощь Америки существенно влияет и на отношения Америки с миром, в том числе и с теми государствами, которые развиваются в русле американской политики.

Бжезинский показывает, что современные США смогли выработать особую систему отношений со своими союзниками, отказавшись от политики традиционного принуждения, которой нередко руководствовались империи прошлого, и что в результате и привело к их кризису: «...в силу этих внутренних факторов американская глобальная система уделяет гораздо больше особого внимания методам кооптации (как в случае с поверженными противниками – Германией, Японией и затем даже Россией), чем это делали прежние имперские системы. Она, вероятно, широко полагается на косвенное использование влияния на зависимые иностранные элиты, одновременно извлекая значительную выгоду из притягательности своих демократических принципов и институтов. Все вышеупомянутое подкрепляется широким, но неосязаемым влиянием американского господства в области глобальных коммуникаций, народных развлечений и массовой культуры, а также потенциально весьма ощутимым влиянием американского технологического превосходства и глобального военного присутст-

⁶² Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – С. 8.

⁶³ Там же. – С. 14.

вия...»⁶⁴. Таким образом, Бжезинский указывает на то, что залогом американского успеха стало то, что американская стратегия при приоритете американских интересов пытается учитывать и интересы своих союзников.

Бжезинский полагает, что усиление Америки привело к тому, что она теперь в состоянии контролировать Евразию. Поэтому, по словам американского политолога, Евразия стала главным призом Америки после ее победы в холодной войне: «...главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте...». Бжезинский указывает на то, что триумф Америки в Евразии связан с особенностями самого региона, который не в силах объединиться что существенно упрощает доминирование США: «...в Евразии также находятся самые политически активные и динамичные государства мира. После Соединенных Штатов следующие шесть крупнейших экономик и шесть стран, имеющих самые большие затраты на вооружения, находятся в Евразии. Все, кроме одной, легальные ядерные державы и все, кроме одной, нелегальные находятся в Евразии. Два претендента на региональную гегемонию и глобальное влияние, имеющие самую высокую численность населения, находятся в Евразии. Все потенциальные политические и/или экономические вызовы американскому преобладанию исходят из Евразии. В совокупности евразийское могущество значительно перекрывает американское. К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении...»⁶⁵.

В то же время Бжезинский указывает на то, что изолированный анализ Евразии невозможен: изучение Евразии возможно только в европейском контексте. Бжезинский полагает, что Евразия, как регион, где находится несколько государств, которые в одинаковой степени претендуют на лидерство в регионе, никогда не сможет создать межгосударственное объединение в духе Европейского Союза. В такой ситуации Евразия обречена на постоянное влияние со стороны ЕС. Поэтому Америка в своей политике в отношении Евразии должна особое внимание уделять новой единой Европе. По мнению американского политолога, США не следует опасаться институционализации новой Европы – США, по словам Бжезинского, наоборот, должны внести свой посильный вклад в развитие европейской интеграции: «...появление по-настоящему единой Европы – особенно, если это должно произойти с конструктивной американской помощью – потре-

⁶⁴ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – С. 16.

⁶⁵ Там же. – С. 18.

бует значительных изменений в структуре и процессах блока НАТО, основного связующего звена между Америкой и Европой. НАТО не только обеспечивает основной механизм осуществления американского влияния в европейских делах, но и является основой для критически важного с точки зрения политики американского военного присутствия в Западной Европе. Однако европейское единство потребует приспособления этой структуры к новой реальности альянса, основанного на двух более или менее равных партнерах, вместо альянса, который, если пользоваться традиционной терминологией, предполагал наличие гегемона и его вассалов. Этот вопрос до сих пор большей частью не затрагивается, несмотря на принятые в 1996 году крайне скромные меры, направленные на повышение роли в рамках НАТО Западноевропейского союза (ЗЕС), военной коалиции стран Западной Европы. Таким образом, реальный выбор в пользу объединенной Европы потребует осуществления далеко идущей реорганизации НАТО, что неизбежно приведет к уменьшению главенствующей роли Америки в рамках альянса...»⁶⁶. Таким образом, более активная политика США в отношении Европы будет способствовать тому, что ЕС окажется в сфере американского влияния. В такой ситуации важнейшим каналом американского влияния в Европе становится НАТО.

С другой стороны, Бжезинский признает исключительную важность Европы для американской политики. По мысли американского исследователя, между США и Европой существует немало общего: история, религия, ценности. Такая ситуация в значительной степени облегчает американо-европейское взаимодействие: «...Европа является естественным союзником Америки. Она разделяет те же самые ценности; разделяет, главным образом, те же самые религиозные взгляды; проводит ту же самую демократическую политику и является исторической родиной большинства американцев. Прокладывая путь к интеграции государств-наций в коллективный надгосударственный экономический и, в конечном счете, политический союз, Европа указывает также направление к образованию более крупных форм постнациональной организации, выходящей за узкие представления и деструктивные эмоции, характерные для эпохи национализма. Это уже самый многосторонне организованный регион мира. Достижение успеха в области политического объединения этого региона может привести к созданию единой структуры, объединяющей 400 млн человек, которые будут жить в условиях демократии и иметь уровень жизни, сравнимый с тем, который существует в Соединенных Штатах. Такая Европа неизбежно станет мировой державой...»⁶⁷. Поэтому Бжезинский полагает, что американская стратегия в Европе должна быть взвешенной и продуманной, учитывать не только американские, но и европейские интересы.

⁶⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – С. 28.

⁶⁷ Там же. – С. 32.

Бжезинский полагает, что Европа будет динамично развиваться. Бжезинский указывает, что в состав ЕС войдут новые члены, страны Центральной и Восточной Европы: «...к 1999 году в ЕС войдут первые новые члены – страны Центральной Европы будут приняты в НАТО, хотя их вступление в Европейский Союз произойдет, вероятно, не ранее 2002–2003 годов. Тем временем Европейский Союз начнет переговоры с Балтийскими республиками об их вступлении в блок, а НАТО подобным же образом начнет продвигаться вперед в вопросе о членстве этих республик, а также Румынии, чтобы завершить этот процесс к 2005 году. В это же время другие Балканские государства могут, по всей видимости, также получить право на допуск в блок. Вступление в НАТО стран Балтии подтолкнет скорее всего Швецию и Финляндию также к рассмотрению вопроса о членстве в НАТО. Где-то между 2005 и 2010 годами Украина, особенно тогда, когда она добьется значительного прогресса в проведении реформ внутри страны и тем самым более четко определится как страна Центральной Европы, должна быть готова к серьезным переговорам как с Европейским Союзом, так и с НАТО...»⁶⁸. Какова должна быть политика США в такой ситуации? Он считает, что Америке не имеет смысла даже пытаться замедлить процесс европейской интеграции, становления единой Европы. США будут вынуждены признать Европу как полноправного и равного партнера. Логика Бжезинского такова: сильная Европа, исторически и культурно близкая Америке, гораздо выгоднее и полезнее для США, чем Евразия, судьба которой кажется неопределенной, а политические и исторические перспективы неясны.

Вся политическая неустойчивость в Евразии, по мнению Збигнева Бжезинского, связана с Россией. Бжезинский полагает, что распад Советского Союза привел к тому, что регион стал крайне нестабильным. СССР уступил свои позиции Китаю. В свою очередь, усиление Китая не может не вызвать роста американской озабоченности. Бжезинский считает, что крах СССР был исторически предопределен: кризис в рамках советского блока начался после отхода Югославии, еще более углубился после начала советско-китайского противостояния: «...крах Советского Союза стал заключительным этапом постепенного распада мощного китайско-советского коммунистического блока, который за короткий промежуток времени сравнялся, а в некоторых зонах даже превзошел границы владений Чингисхана. Однако более современный трансконтинентальный евроазиатский блок просуществовал недолго; уже отпадение от него Югославии Тито и неповиновение Китая Мао свидетельствовали об уязвимости коммунистического лагеря перед лицом националистических устремлений, которые, как оказалось, сильнее идеологических уз. Китайско-советский блок просуществовал около десяти, Советский Союз – примерно 70

⁶⁸ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – С. 45.

лет...»⁶⁹. Но основные проблемы для американской политики, по мнению Бжезинского, лежат именно в сфере американо-российских отношений.

Крах Советского государства, по мнению Бжезинского, радикально изменил не только облик и территориальные очертания, но и политическое и экономическое значение России. С другой стороны, исчезновение с политической карты мира СССР подтвердило, что это государство возникло в силу случайного исторического стечения обстоятельств и существовало исключительно в условиях политики подавления оппозиции, в условиях строжайшего политического диктата: «...в геополитическом плане ещё более значительным событием явился развал многовековой, с центром правления в Москве, великой Российской державы. Распад этой империи был ускорен общим социально-экономическим и политическим крахом советской системы, хотя большая часть ее болезней оставалась затушеванной почти до самого конца благодаря системе секретности и самоизоляции. Поэтому мир был ошеломлен кажущейся быстротой саморазрушения Советского Союза. Крах Советского Союза вызвал колоссальное геополитическое замешательство. В течение 14 дней россияне, которые вообще-то даже меньше были осведомлены, чем внешний мир, о приближающемся распаде Советского Союза, неожиданно для себя обнаружили, что они более не являются хозяевами трансконтинентальной империи, а границы других республик с Россией стали теми, какими они были с Кавказом в начале 1800-х годов, со Средней Азией – в середине 1800-х и, что намного более драматично и болезненно, с Западом – приблизительно в 1600 году, сразу же после царствования Ивана Грозного. Потеря Кавказа способствовала появлению стратегических опасений относительно возобновления влияния Турции; потеря Азии породила чувство утраты значительных энергетических и минеральных ресурсов, равно как и чувство тревоги в связи с потенциальной мусульманской проблемой; независимость Украины бросила вызов притязаниям России на божественное предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества...»⁷⁰. Но и такая Россия, которая не в силах отказаться от имперского наследия, смирилась с потерей своих бывших республик, статус которых, по мнению Бжезинского, был близок к колониальному, продолжает оставаться источником потенциальной политической нестабильности.

Анализируя российский фактор в мировой политике, З. Бжезинский указывает на то, что при его изучении всегда следует принимать во внимание особенности внутривнутриполитического развития России. В отношении перспектив России у американского политолога нет иллюзий. Он высказывает мнение, что процесс демократизации России, вероятно, не будет успешным в силу того, что Россия к демократии не готова, а значительная часть

⁶⁹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – С. 48.

⁷⁰ Там же.

россиян не принимает и отторгает демократические ценности: «...значительные данные говорят о том, что в краткосрочной перспективе виды на стабильную российскую демократию не очень многообещающи. Растущее политическое влияние российской армии, особенно во внешней политике России, – признак не обнадеживающий. Склонность президента Ельцина к авторитаризму превратила новую конституцию для демократической России в документ, который легко использовать для того, чтобы узаконить произвольное личное правление. Российская политическая культура пока что далека от приятия принципа компромисса в качестве базы для политического общения. В то же время продолжающийся экономический кризис отчуждает массы как от демократического процесса, так и от свободного рынка. Вызывает тревогу и то, что демократические партии не контролируют новоизбранную Думу...». В такой ситуации, он указывает на то, что США и Западу следует значительно пересмотреть свое отношение к России и начать видеть в ней не развивающуюся демократию, а потенциальную опасность.

Но и в такой ситуации, по мысли Бжезинского, процесс реставрации старой советской политической традиции будет иметь для России самые негативные последствия. Он считает, что современная российская элита проводит политику, которая отвечает исключительно ее интересам. Бжезинский полагает, что это лишь усиливает негативные тенденции возвращения к методам, которые в большей степени характерны для авторитарного, но не демократического общества: «...в США широко распространилось разочарование по поводу тенденции, уводящей Россию от демократии, приводящей к странному явлению «нашизма», спонсируемого влиятельными официальными лицами в Кремле, нарождающимся культом личности – всем, что тормозит превращение России в ведущую современную демократическую страну. Притом в европейскую страну. Вместо этого наблюдается усиление шансов, что однажды одинокая Россия потеряет свой Восток...»⁷¹.

Подтверждение такой опасности, по мнению американского политолога, – внутренняя политика России. Он признает, что внутренняя политика РФ – исключительно российская проблема, но оценки этой политики в работах Бжезинского неоднозначны и крайне далеки от точки зрения, принятой в России. Признавая, например, что война в Чечне, проблема исключительно российская, Бжезинский оценивает военные действия как проявление традиционного российского империализма, желания России русифицировать нерусские народы: «...чеченская проблема является специфически российской. Она проистекает из того факта, что на протяжении двухсот лет Кремль пытается покорить чеченцев, просто не желающих быть частью России. Когда некоторые пуэрториканцы устроили покушение на

⁷¹ Независимая газета. – 2005. – 29 июля.

ние на жизнь президента Трумэна во имя независимости Пуэрто-Рико, США провели свободный и подлинно демократический плебисцит в Пуэрто-Рико. Когда Чечня откололась от России, российские военные разбомбили Грозный, превратив его в развалины, и убили тысячи чеченских гражданских лиц в ходе того, что было на деле кампанией террора. Когда такие умеренные лидеры, как президент Масхадов, стали добиваться прекращения огня, Кремль убил его. В результате террористы стали в большей степени доминировать в чеченской национально-освободительной борьбе и терроризм ныне распространяется по всему Кавказу, при этом ситуация в Дагестане все больше обостряется...»⁷². В данном случае, вероятно, дает знать если не польское происхождение, то знакомство Бжезинского с польской историографией национальной политики в России – Бжезинский явно солидаризируется с романтическими оценками Кавказа, как центра национального и освободительного движения, направленного против русского мессианизма, которые в значительной степени характерны для польской историографии.

Анализируя чеченскую проблему, американский политолог в самом факте ее существования склонен видеть еще одно из доказательств того, что Россия исторически не готова к демократии. Именно этой неспособностью российской правящей элиты отказаться от своего уникального положения, ее нежеланием проводить реформы не в собственных интересах, а в интересах населения России в целом Бжезинский и объясняет особенности российской политики в Чечне: «...Россия не способна вести войну, горячую или холодную. Жестокая попытка воевать в Чечне граничит с геноцидом; в то же время это свидетельство некомпетентности российских военных». Такую политику Бжезинский мотивирует тем, что современная российская элита, возглавляемая В. Путиным, рекрутируется за счет привлечения работников спецслужб. Это ведет Россию к тому, что постепенно демократические институты слабеют и Россия медленно скатывается в авторитаризм: «для россиян Кремль – нечто большее, чем местопребывание правительства. Он символизирует централизованную традицию российской автократии. Это традиция, которая боится любой региональной автономии, любой подлинной децентрализации, традиция, которая порождает шовинистическую паранойю, что политический плюрализм неизбежно приведет к распаду самой России. Этот образ мышления полностью соответствовал сталинистским принципам плановой экономики и полностью соответствует бюрократическому мышлению КГБ с его моралью подозрительности и иерархической дисциплиной. Для продуктов КГБ, таких как г-н Путин, утверждение, что для того, чтобы быть обильной и могучей, Россия должна управляться сверху вниз, является аксиомой...»⁷³. Такой

⁷² Независимая газета. – 2005. – 29 июля.

⁷³ The Wall Street Journal. – 2004. – September, 21.

застойный характер политической элиты в России в значительной степени влияет и на особенности существующего в стране политического режима.

Самое яркое доказательство того, что режим В. Путина, по мнению Бжезинского, отвечает только интересам самого президента и небольшой группы его приближенных, сама Москва. Бжезинский считает, что на современном этапе Москва имеет статус не столицы России, а центра коррумпированной бюрократии, которая руководствуется исключительно своими собственными интересами: «...Москва – приют паразитирующей политической элиты, которая приравнивает собственные интересы к интересам России. Эти паразиты инстинктивно поддерживают формулу власти, по которой управление огромной страной с 11 часовыми поясами сосредоточено в руках далеких московских бюрократов. Монополистическая власть московской элиты душит любую местную инициативу и не дает различным регионам России использовать собственные таланты и ресурсы...»⁷⁴. Именно такой особый и исторически уникальный статус Москвы способствует обманчивому процветанию самого города, но в действительности имеет самое негативное значение для всей российской государственности в целом.

Негативная роль Москвы, по мысли Бжезинского, в современной России проявляется, например, в том, что темпы демократизации российской государственности отстают от аналогичных процессов в Центральной и Восточной Европе. С другой стороны, именно Москва является символом руссоцентристской модели власти, что, в свою очередь, значительно осложняет и ухудшает отношения России с собственными, как правило, национальными регионами: «...навязчивая и эгоцентричная московская элита сдерживает демократизацию. Она поддержала решение Путина, поскольку оно соответствует основным интересам этой элиты, которая до сих пор лелеет ностальгию по статусу великой державы, которая отождествляет свое благополучие с господством над всей Россией и через Россию по крайней мере над бывшими советскими республиками. Для этой элиты независимость Украины, Грузии или Узбекистана является историческим оскорблением. Автономия 20 млн нерусских граждан России для нее - вызов ее собственным привилегиям...»⁷⁵. Такие тенденции, по словам Бжезинского, самым негативным образом влияют на развитие России, отбрасывая ее в своем политическом и историческом развитии на несколько десятилетий назад.

Внешняя политика России, которая стала более активной после прихода к власти В. Путина, дает З. Бжезинскому немалые основания писать о реставрации русского империализма и об угрозе со стороны Москвы бывшим советским республикам: «...первая реалья состоит в том, что геополитический

⁷⁴ The Wall Street Journal. – 2004. – September, 21.

⁷⁵ Там же.

литический плюрализм, который появился как следствие краха имперского господства Кремля, сегодня является необратимым фактом, несмотря на ностальгические попытки Владимира Путина восстановить контроль Москвы над недавно ставшими независимыми государствами. Вторая реалья состоит в том, что более молодое постсоветское поколение становится все нетерпеливее и испытывает все возрастающее отвращение к коррумпированному, бюрократическому авторитаризму, который воцарился на значительной части территории бывшего Советского Союза. Новая политическая оппозиция проявляет тенденцию к тому, чтобы черпать свои жизненные силы из отсутствия подлинной демографической непрерывности...»⁷⁶. Такая политика РФ, по мнению З. Бжезинского, в отношении своих ближайших соседей свидетельствует о том, что Российская Федерация пошла на радикальную ревизию своей политической стратегии, что подчеркивает отказ России от демократических ценностей и доказывает наличие у ее политического руководства устойчивого желания вернуться к советским политическим методам.

Пытаясь доказать регрессивный характер путинского правления в России, Зб. Бжезинский сравнивает политический режим В. Путина с итальянским фашизмом Б. Муссолини: «...режим В. Путина во многом напоминает фашизм Муссолини. Дуче добился того, чтобы поезда приходили вовремя. Он централизовал политическую власть во имя шовинизма. Он установил политический контроль над экономикой, не проводя национализацию и не трогая олигархов и мафию. Фашистский режим породил национальное величие, дисциплину и экзальтированные мифы о якобы великом прошлом. Точно так же и Путин пытается соединить традиции ЧК (ленинского гестапо, карьеру в котором делал его дед) с руководством в стиле сталинского военного времени, с претензиями российского православия на статус третьего Рима и со славянофильскими мечтами о едином славянском государстве, управляемом из Кремля...»⁷⁷. Но такая модель политических отношений, хотя и может иметь некоторый политический результат, но ее позитивное влияние может оказаться крайне непродолжительным.

На таком фоне российская государственность имеет все шансы стать совершенно статичной, она потеряет способность к изменениям. В итоге наступит глубочайший политический кризис, спасение из которого можно будет найти только путем радикального отказа от преимущественно корпоративного режима Путина: «...какое-то время это сочетание может казаться привлекательным, но в конце концов – вероятно, лет через десять – оно потерпит неудачу. В правящую элиту постепенно проникнет новое поколение россиян, молодое, лучше образованное и более открытое. Будущее

⁷⁶ The Wall Street Journal. – 2005. – March, 29.

⁷⁷ The Wall Street Journal. – 2004. – September, 21.

поколение не удовлетворится жизнью в фашистском нефтяном государстве, где Кремль лоснится от нефтяных доходов, а остальная страна все больше отстает не только от Европы, но и от Китая. Оно понимает, что децентрализация огромной страны, способная высвободить социальную инициативу, – это ключ к модернизации. Эту реальность не затмить никакими слоганами о терроризме, к которым Путин прибегает, чтобы оправдать удушающую политическую централизацию...»⁷⁸. Именно в такой ситуации после прихода к власти нового поколения россиян политическая элита России, вероятно, сможет начать объективно оценивать успехи своих соседей – бывших республик Советского Союза.

И именно тогда Россия заметит успехи соседней Украины: «...сегодня соседняя Украина с населением в почти 50 млн человек (которую Совет национальной безопасности Буша старательно игнорировал, наивно ища расположения Путина) начинает демонстрировать контраст в двух основных областях: ее экономический прогресс более разносторонен и заметен не только в столице, но и в других городах; а ее политическая жизнь (хотя до сих пор подверженная манипуляциям) стала свидетелем двух президентских выборов с настоящим соперничеством. Сейчас никто не может предсказать исход президентских выборов, которые состоятся в конце октября – резкий контраст с „выборами” в России, где Путин был единственным реальным кандидатом...»⁷⁹. Бжезинский не в состоянии предсказать, как будет развиваться внутренняя и внешняя политика российского государства в такой ситуации, но это, вероятно, будет зависеть от целого ряда факторов – от открытости новой российской элиты, от ее способности отказать от имперских амбиций, от использования зарубежного, в том числе и украинского, опыта политических и экономических реформ.

Бжезинский полагает, что проблемы России лежат в той плоскости, что российскую государственность в ее современном виде невозможно реформировать. Американский политолог объясняет это крайним консерватизмом правящей элиты и тем, что сами россияне не желают и почти не заинтересованы в том, чтобы жить в демократическом обществе. С другой стороны, Бжезинский указывает на то, что такой политический застой способствует тому, что Россия постепенно вступает в полосу острейшего внутреннего политического кризиса: «...я думаю, что в лице Путина мы видим последний вздох советской эпохи. Советская система мертва, а Советский Союз развалился. Но советская элита все еще господствует в политике в Москве, а через Москву она господствует в России. Однако эта элита все больше уходит со сцены. И она также становится все более изолированной. А поэтому я рассчитываю, что в предстоящие несколько лет мы станем свидетелями далеко идущих перемен в России – особенно когда

⁷⁸ The Wall Street Journal. – 2004. – September, 21.

⁷⁹ Там же.

к вершинам власти прорвутся более молодые и по-настоящему более пост-советские представители элиты...». Залог успеха в борьбе с кризисом, по мнению Бжезинского, лежит в признании негативного значения советской истории. Иными словами, российская политическая элита должна добровольно отказаться от советского идеологического наследия. В противной ситуации кризисные тенденции в российской политике будут только развиваться.

Наряду с российской проблематикой в работах Бжезинского присутствует и украинская тема. Американский политолог считает, что украино-российскую проблематику следует изучать комплексно. Он полагает, что существование Украины как независимого государства выгодно и полезно не только для Европы, но и для Америки. Независимая и европейски ориентированная Украина – одна из гарантий того, что Россия будет проводить продуманную политику в отношении Европы, не будет предпринимать агрессивных и антиевропейских шагов: «...речь идет о демократии и независимости государства. В более широком смысле от этого зависит и дальнейшая судьба России – ведь если по причине бездействия Запада демократия на Украине будет погребена, то Россия станет еще более авторитарной и империалистской. Россия, во власти которой находится как Украина, так и Беларусь, не вписывается в демократическую картину мира...».

Анализируя политические процессы в Украине, Бжезинский пытается сравнить их с аналогичными процессами в российской политике. Он полагает, что в 1990-е годы исторически и политически Украина и Россия разошлись достаточно далеко, и в такой ситуации их повторное объединение невозможно, хотя некоторые националистически ориентированные политики в России продолжают отрицать права украинцев на независимость и настаивают на возвращении украинских территорий в состав России. Сравнивая украинскую и российскую политику, Бжезинский указывает на то, что по пути к демократии Украина продвинулась дальше, чем Россия: «...Украина страдает от коррупции и злоупотреблений властью, которые подорвали ее поначалу впечатлявшую демократию, эта страна, тем не менее – в отличие от России – дважды провела действительно свободные президентские выборы. И опять-таки, в отличие от поведения России в Чечне, она разбирается с крымским сепаратизмом в цивилизованной и сдержанной манере. Подлинно демократическая Украина придала бы огромное ускорение демократической перспективе для остальных республик бывшего Советского Союза...»⁸⁰. Политику России, направленную на восстановление имперских институтов, попытки России восстановить свое влияние в Украине Бжезинский объясняет незнанием российского общества реальной украинской ситуации.

⁸⁰ The Wall Street Journal. – 2004. – December, 1.

Современный российский социум, который, по мнению американского политолога, продолжает жить стереотипами, унаследованными от двух империй, Российской и Советской, имеет весьма смутные представления об Украине. Вместо того, чтобы понять и принять Украину как независимое европейское государство, значительная часть представителей российского исследовательского сообщества усиленно продолжает культивировать старые имперские нарративы о неполноценности и ущербности Украины. Бжезинский полагает, что отказ России от своих имперских амбиций в отношении Украины может иметь положительные результаты: «...демократическая Украина не стала бы антироссийской, но она неизбежно стала бы оказывать сильное давление в пользу оживления демократии в России. При реальной демократии на Украине все больше и больше россиян стали бы рассматривать путинский режим как анахронизм. Это символично, что некоторые из самых мужественных демократических лидеров России появляются в Киеве на митингах в поддержку Виктора Ющенко, победу которого на президентских выборах пытаются ликвидировать украинские олигархи, а также и Владимир Путин...»⁸¹. Развивая эту мысль, Бжезинский указывает на то, что успех России в ее политике раскола Украины может иметь крайне негативные последствия для самой российской государственности.

Современная российская демократия, по словам Бжезинского, не просто крайне слаба и нестабильна, она не готова к своеобразному испытанию Украиной. Проводя свою политику в Украине, Россия, хочет она того или нет, испытывает на прочность свои демократические институты. Бжезинский указывает на то, что потенциальное усиление российского национализма может иметь крайне негативные последствия для самой российской демократии: «...поражение демократии на Украине или успешный раскол страны при поддержке России только еще сильнее разожгли бы амбиции тех в Москве, кто все еще мечтает о воссозданной империи. Если бы Украина была трансформирована в сателлита вроде Белоруссии, тогда Кремль снова стал бы столицей империи. Это, если хотите, стало бы трагической неудачей для тех в России, кто понимает и признает – как это сделал Борис Ельцин более десятилетия назад в своем выступлении в Киеве, – что быть ненавидимой имперской державой это не благо, но историческое проклятие...»⁸². Более того, Россия, по мнению американского политолога, уже допустила в Украине ряд серьезных ошибок.

Бжезинский указывает на то, что российская политика в Украине четко демонстрирует постепенный отход и отказ России от демократии. По его словам, в отношении Украины Россия руководствуется не политическими интересами молодой российской демократии, а двойными стандар-

⁸¹ The Wall Street Journal. – 2004. – December, 1.

⁸² Там же.

тами. В то время как российское правительство, по словам Бжезинского, крайне жестоко подавляет любые попытки национально-освободительного движения нерусских народов, она пытается расколоть соседнюю Украину, стимулируя и поддерживая пророссийский сепаратизм в восточных регионах и в Крыму: «...США, как и ЕС должны ясно дать понять, что поддержка сепаратизма на Украине как средства нанесения поражения демократии является неприемлемой формой международного шантажа. Подобный сепаратизм к тому же играет с огнем. Россия не может требовать поддержки для своего подавления сепаратизма в Чечне, в то же время спонсируя раскольников на Украине, вдобавок к тому, что она упорно делает это в Грузии. Вспышки насилия в чувствительных районах Восточной Украины могли бы оказаться заразительными для нерусских регионов самой России...»⁸³. Подобная политика России в отношении Украины ведет к тому, что российское общество оказывается не в состоянии получать полную и достоверную информацию о ситуации в этом соседнем государстве.

Между тем, по мнению Бжезинского, Украина демонстрирует немалый прогресс в реформах и демократизации, который России еще предстоит достичь: «...в Украине состоялось очень заметное продвижение, достигнуты большие успехи, и мы не должны их игнорировать. В первую очередь, Украина сегодня в международном плане намного более важная страна, нежели год назад. К ней относятся с большим уважением на международной арене, она стала привлекательнее для иностранного капитала, страну больше ценят за ее преданность демократии, уважают за ее политическую культуру, которая была продемонстрирована мирным характером революции на Майдане. Это очень положительные и важные свершения. Сегодня Украина несравненно демократичнее, чем Россия. В то же время очевидно, что остаются недостатки. Кампания против коррупции не проводится настолько быстро или так масштабно, как многие ожидали. Расследование уголовных дел не было настолько успешным, как многие желали. Существует очевидное ощущение политического разочарования среди пехотинцев оранжевой революции из-за разногласий лидеров – Ющенко и Тимошенко. Существует неуверенность относительно того, какими могут быть результаты на выборах из-за общественного отчаяния и в, некоторой степени, в результате утраченных обществом надежд...»⁸⁴. Бжезинский полагает, что постепенно Россия сама обратится к украинскому опыту и в этой ситуации Украина в российском сознании разделит судьбу Польши.

Збигнев Бжезинский считает, что в начале 1990-х годов Россия пережила очень тяжелую ментальную травму. Она потеряла не только свои европейские, но и ближайшие колонии, инкорпорированные в Советскую

⁸³ The Wall Street Journal. – 2004. – December, 1.

⁸⁴ День. – 2005. – 6 грудня.

Империю в качестве союзных республик. Но постепенно Россия смирилась с польской независимостью: «...русские много лет тому назад приняли - сначала неохотно - реальность полной независимости Польши. Это был трудный процесс для них - принять такую реальность. Я думаю, что для русских сложно принять реальность полной независимости Украины. В некотором плане это даже тяжелее сделать, нежели в случае с Польшей. Многие русские рассматривают украинцев как младших братьев. В один прекрасный день они выяснили, что украинцы - не младшие братья и что они становятся на собственные ноги. Они поняли, что у украинцев есть политическая культура, более развитая, нежели русская: вы можете разбираться со своими проблемами в демократическом стиле, вы можете сохранять демократию во время решения проблем. Для русских оказалось сложнее решать политические проблемы без насилия. Для них оказалось труднее представить политическую стабильность без авторитаризма...»⁸⁵. Бжезинский полагает, что со временем Россия признает и факт отделения Украины. Чем быстрее это произойдет, тем быстрее Россия уверенно встанет на путь окончательной и последовательной демократизации.

Среди центральных идей в работах З. Бжезинского - идея приоритета демократии и демократических ценностей: «...демократия не есть нечто унифицированное и статичное, единообразно применяемое во всем мире. Ее продвижение должно осуществляться с учетом национальных и исторических особенностей каждой страны. Кроме того, демократическое развитие - это не разовый акт, а исторический процесс...»⁸⁶.

Согласно З. Бжезинскому, современная Америка - супердержава, которая в силу политических и экономических обстоятельств призвана направлять развитие международных отношений и политических процессов в международном масштабе. С другой стороны, Бжезинский далек от крайней идеализации современных Соединенных Штатов: «...хотя Америка и доминирует в мире, она не всемогуща. Поэтому ей нужна такая геополитическая стратегия, которая позволит распространять по миру демократию и стабильность в опоре на растущий международный консенсус. Глобальный диктат невозможен, если даже сама сверхдержава не всемогуща...»⁸⁷. Американский политолог указывает на то, что администрация Дж. Буша-мл. в своей внешней политике допустила несколько серьезных ошибок: «...Америка в качестве державы номер один увязла в кризисах на Ближнем Востоке, Персидском заливе, Афганистане и Пакистане. И это является серьезной проблемой для США и той роли, которую Америка играет в сегодняшнем мире. Это и есть тот самый новый элемент, вытекающий из главенствующей роли США, отводимой моей стране в моем анализе...»⁸⁸.

⁸⁵ День. - 2005. - 6 грудня.

⁸⁶ Российская газета. - 2005. - 24 марта.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. - 2006. - 30 ноября.

Бжезинский предполагает, что со временем роль Америки в мировой политике может измениться, а авторитет США – снизиться.

Бжезинский полагает, что несмотря на то, что роль США постепенно будет снижаться, Америка останется единственным государством, которое будет реально направлять и контролировать развитие международных отношений. Комментируя политические перспективы американской гегемонии в мире, Бжезинский писал, что «...цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на ещё больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответственности за управление миром без войн. Продолжительная стадия постепенного расширения сотрудничества с ведущими евразийскими партнерами, стимулируемого и регулируемого Америкой, может также способствовать подготовке предварительных условий для усовершенствования существующих и все более устаревающих структур ООН. Тогда при очередном распределении обязанностей и привилегий можно будет учесть новые реалии расстановки сил в мире, столь изменившиеся с 1945 года...». Но, по мнению Бжезинского, будущее мира и международных отношений не будет простым доминированием США в мире, при котором Соединенные Штаты будут навязывать своим союзникам исключительно американскую точку зрения.

Бжезинский полагает, что будущее господство Америки будет выгодно не только исключительно для США: «...в течение нескольких ближайших десятилетий может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, построенная с учетом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного "регента", способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире. Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы...». Таким образом, будущее – это американский мир. Но и в таком мире, как считает Бжезинский, будет место и для других государств. Но в такой ситуации перед остальным миром встанет сложнейший выбор: стать политически американским или попытаться сохранить свою независимость. Принимая во внимание мощь и влияние Америки, Бжезинский в «Великой шахматной доске» полагал, что сопротивление неамериканских сил будет незначительным и в результате Америка сможет сохранить свой статус.

По мнению Бжезинского, Америка может столкнуться с серьезными политическими вызовами, которые могут исходить от Китая. Комментируя китайский фактор в современной политике, Бжезинский указывает на то,

что Китай за последние десятилетия стал не просто динамично развивающейся, но и агрессивно развивающейся страной: «...Китай – это большой вызов. Прежде всего, в геополитическом смысле, потому что это альтернатива Америке на роль сверхдержавы через 20 или 30 лет. Особенно, если в течение этого времени Америка будет ослаблять к себе доверие и свою руководящую роль в мире так же, как это делает сегодня Буш. Надеюсь, что Америка прекратит так поступать. И тогда Китай не сможет в столь короткий срок стать реальным соперником для США. К тому же это и обществено-политический вызов. Китай развивается невиданными темпами, но это развитие имеет свои последствия. Когда полтора миллиарда человек вдруг начинают стремиться к высокому жизненному стандарту, видят благосостояние в пределах досягаемости и хотят достичь его в течение жизни одного поколения, то это потребует определенную цену – человеческую, использования ресурсов, экологической среды. И третий вызов – это внутривнутриполитический вызов. Может ли экономическое развитие, основанное на все большей конкуренции и на частной инициативе, удержаться в рамках однопартийной системы? Системы, которая притворяется, что она основывается на определенной доктрине, но ей уже давно не соответствует. Не приведет ли это противоречие когда-либо к большому внутривнутриполитическому кризису?...»⁸⁹. С другой стороны, часть вызовов связана с самой американской политикой, точнее – с тем, что многие действия американской дипломатии в отношении стран Ближнего Востока могут быть опасны для самой Америки, так как могут привести к обострению отношений США с другими странами.

Такой конфликтный потенциал, по словам Бжезинского, скрыт в возможной военной операции США, направленной против Ирана. Бжезинский указывает на то, что существует несколько факторов, которые в значительной степени приведут к ухудшению ситуации, если США пойдут на военную операцию. Бжезинский полагает, что нападение негативно повлияет на репутацию Америки: «...в отсутствие непосредственной угрозы (а иранцам остается ждать появления у них ядерного оружия еще, по меньшей мере, несколько лет) такое нападение стало бы односторонним актом войны. Если авиаудары будут предприняты без формального объявления войны Конгрессом США, такое нападение стало бы неконституционным и заслуживало бы импичмента президенту. Равным образом, если нападение будет предпринято без санкции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) только одними США либо в сговоре с Израилем, то правонарушители были бы заклеены как международные преступники...»⁹⁰. С другой стороны, по мнению Бжезинского, Иран обла-

⁸⁹ Gazeta Wyborcza. – 2006. – May, 22.

⁹⁰ The International Herald Tribune. – 2006. – April, 26.

дает достаточным военным потенциалом и поэтому он в состоянии адекватно прореагировать на военную операцию.

В целом, Бжезинский полагает, что перед США в развитии их иранской политики существуют два пути: «...перед нами стоит выбор: либо, поддавшись стадному чувству, броситься в безрассудную авантюру, которая нанесет тяжелый урон нашим национальным интересам, либо серьезно отнестись к тому, чтобы дать подлинный шанс переговорам с Ираном. Муллы были обречены еще несколько лет назад, однако им был подарен кусочек новой жизни в результате усиления конфронтации с США. Нашей стратегической целью, которой нам следует добиваться путем реальных переговоров, а не путем становления в позу, должно стать разьединение иранского национализма и религиозного фундаментализма. Уважительное отношение к Ирану в рамках исторической перспективы помогло бы приблизиться к нашей цели. На американскую политику не должна влиять нынешняя хитросплетенная атмосфера неотвратимости, зловеще напоминающая ту, которая предшествовала неправильному вторжению в Ирак...»⁹¹. Выбор и окончательное определение внешнеполитической стратегии в отношении Ирана – дело исключительно администрации Дж. Буша-мл. Правда, Бжезинский опасается, что присущий ее радикализм и характерные для ряда аналитиков крайне правые настроения могут привести к значительному ухудшению ситуации и ослаблению американских позиций в регионе.

2.2. Вызовы изоляционизма: Патрик Бьюкенен и проблемы американской внешней политики

Патрик Дж. Бьюкенен (Patrick J. Buchanan) – одна из самых противоречивых фигур в американской политике. Его репутация в американском исследовательском сообществе сложна. Для одних он интересный и оригинальный автор, который заслуживает уважения, а для других – опасный своим радикализмом публицист и политик крайне правого толка, своеобразный маргинал от правых. «The New York Times» пишет о нем как об убежденном и последовательном консерваторе⁹². Русская пресса в США пишет о Бьюкенене как о последовательном изоляционисте⁹³. Русские газеты в Латинской Америке, наоборот, идеализируют Бьюкенена, отмечая, что «...его никак нельзя назвать ультра-правым, хотя СМИ так его и зовут. Он находился при президенте Рэйгане, и поэтому он был правый, но не ультра-правый. Когда он баллотировался в президенты, то не раз заявлял

⁹¹ The International Herald Tribune. – 2006. – April, 26.

⁹² The New York Times. – 2005. – May, 16.

⁹³ Лазарев А. Патрик Бьюкенен снова вызывает споры / А. Лазарев // Вестник (США). – 1999. – № 21.

что расчислит СМИ, и они не могли ему это простить. Бьюкенен был республиканцем, но вышел из партии, так как был не согласен с политикой республиканцев и правительством США – вмешиваться в дела всех стран во всем мире. Честный, порядочный и умный человек проиграл на выборах, так как обе партии и СМИ его топили и не давали ему прохода...»⁹⁴.

Даже умеренная и спокойная «The International Herald Tribune» не выдержала выходок американского политика и прореагировала не совсем спокойно. В сентябре 2006 года в одной из статей Патрик Бьюкенен был представлен читателям как политик, похожий больше на «артиста эстрады», нежели на комментатора. По мысли авторитетного издания, «хорошо всем известный консерватор и когда-то кандидат в президенты говорит с экрана телевизора шокирующие вещи. Он пишет провокационные книги. Но, кроме того, порой он выдвигает опасные идеи». Книги же Бьюкенена, по мнению некоторых американских критиков, не что иное, как «тревожный коктейль фактов и паранойи страха с изрядной порцией ностальгии по 1940-м и 1950-м годам»⁹⁵. Что же представляют идеи Патрика Бьюкенена, если они вызывают такую реакцию в самом американском обществе.

Патрик Джозеф Бьюкенен родился 2 ноября 1938 года в Вашингтоне, округ Колумбия. После окончания католической школы поступил в Джоржтаунский Университет и закончил его в 1961 году со степенями по английскому языку и философии. Бьюкенен учился и в Высшей школе журналистики Колумбийского Университета в Нью-Йорке и получил степень мастера в области журналистики в 1962 году. С 1962 года он стал работать штатным автором в газете «St. Louis Globe Democrat». Бьюкенен – американский журналист и известный телевизионный политический комментатор. В 2000 году он участвовал в выборах президента США от реформистской партии. До этого он пытался стать кандидатом в президенты от Республиканской партии. С 1966 по 1974 год Бьюкенен был советником и спичрайтером президента Ричарда Никсона, а с 1985 по 1987 г. занимал в Администрации президента Рейгана должность руководителя отдела по связям с общественностью Белого Дома.

Бьюкенен был сторонником Ричарда Никсона, с 1966 по 1974 год был его советником и спичрайтером во время выборов и президентских сроков. После отставки Никсона Бьюкенен работал со следующим президентом, Джеральдом Фордом, после чего некоторое время работал в американских СМИ. В политику Бьюкенен вернулся в 1985 году, когда занял в Администрации президента Роналда Рейгана должность руководителя отдела по связям с общественностью Белого Дома. Именно Бьюкенен написал речь президента Рейгана на саммите с Михаилом Горбачевым в Рейкьявике в 1986 году. В 1992 году Патрик Бьюкенен принял участие в выборах как

⁹⁴ Наша страна (Аргентина). – 2002. – 24 августа.

⁹⁵ Xenophobia in Hardcover // The International Herald Tribune. – 2006. – September, 5.

кандидат от Республиканской партии, но проиграл первый тур. В 1996 году участие в выборах от Республиканской партии также была безуспешной. В 2000 году он стал кандидатом от Реформистской партии.

Бьюкенена традиционно считают крайне правым политиком: он был ярким сторонником холодной войны и Вьетнамской войны, считая, что коммунизм несет прямую угрозу Соединенным Штатам. Его взгляды тяготеют к изоляционизму в том смысле, что он считает, что для американских политиков национальные интересы США должны быть выше интересов других стран, глобальных интересов и международных договоров. Бьюкенен выступает за резкое сокращение иммиграции, отмену НАФТА и повышение тарифов для защиты американской промышленности. По мнению Бьюкенена, иммигранты и политика мультикультурализма представляют собой открытую угрозу, направленную против американской культуры и американских ценностей. Бьюкенен – один из наиболее известных и последовательных критиков внешней политики США.

Одна из центральных идей в концепции Бьюкенена (при условии, конечно, что его разнообразные идеи можно свести к концепции) состоит в том, что современная политическая ситуация в США отвечает интересам только правящей американской элиты и поэтому американская политическая система представляет собой один из самых несправедливых вариантов организации жизни общества. Вот почему Бьюкенен часто критикует американские политические институты, обвиняя и упрекая их в отсутствии прозрачности и возможности реального выбора, например, в период президентских выборов: «...если бы я был допущен к дебатам наряду с Бушем и Гором, американцы увидели бы, что у них есть другой кандидат, от другой партии, кто может предложить Америке нечто другое»⁹⁶. Что же предлагает Бьюкенен американскому избирателю?

Внешнеполитическая программа Бьюкенена проста и не отличается значительной оригинальностью. Он выступает за отказ от активной внешней политики и пропагандирует возвращение к политике последовательного изоляционизма: «...мы стоим за внешнюю политику, при которой американские солдаты возвратятся домой с военно-морских баз и войн, до которых нам нет никакого дела, и где погибли наши парни и девушки; эта политика не должна втягивать Америку в конфликты, где США разрушают страны, на них не нападавшие. Мы видим нашу цель в защите американских границ, и на них мы намерены расположить наши войска...»⁹⁷. Отказываясь от активного присутствия США в мире, Бьюкенен указывает и на необходимость значительных перемен и во внутренней политике.

Во внутренней политике, по мысли Бьюкенена, особое внимание следует уделять защите американских ценностей, популяризации в США

⁹⁶ Манин Е. Третья партия / Е. Манин // Вестник (США). – 2000. – № 22.

⁹⁷ Там же.

именно американского образа жизни. Бьюкенен считает, что сама американская культура находится под угрозой со стороны постоянно пребывающих мигрантов. Поэтому он утверждает, что США должны существенно изменить и свою миграционную политику: «Мы считаем необходимым резко сократить иммиграцию, лежащую непомерным грузом на наших налогоплательщиках и представляющую угрозу нашей культуре и традициям»⁹⁸. Но понять внешнеполитическую концепцию Бьюкенена невозможно в отрыве от его проектов изменения внутренней политики.

В сфере внутренней политики он выступает за последовательную децентрализацию и увеличение прав отдельных американских штатов. Например, по Бьюкенену, сами американские штаты в праве развивать и выстраивать свою собственную систему образования таким образом, чтобы она максимально эффективно отвечала на идентичностные вызовы, исходящие от мигрантов: «...американские общеобразовательные школы призваны воспитывать граждан и патриотов, которые смогут защитить в случае необходимости свою страну. Эти школы должны научить детей любви к Америке. Ребенок читает биографии, исторические и художественные произведения и стихотворения, слушает песни, рассматривает картины, изображающие эпизоды нашего славного прошлого, – и в нем растет патриотизм. Чем сильнее любовь к стране, тем острее желания навсегда остаться ее частичкой, жертвовать собой во имя своей страны...». С другой стороны, он выступает и за переложение на плечи штатов и части социальных обязательств государства: «...мы также считаем необходимым ликвидировать ряд министерств в Вашингтоне, передав их полномочия штатам, точно так же, как передать штатам право самим распоряжаться выплатай пособий. И, в первую очередь, штатам должны быть переданы все функции министерства народного просвещения. Короче, правительство должно быть децентрализовано...»⁹⁹.

Активно критикуя современную американскую политическую систему, П. Бьюкенен указывает на то, что она сталкивается с несколькими опасностями, важнейшие из которых связаны, по его словам, с демографическим кризисом, притоком новых иммигрантов, кризисом национального государства и подрывом культурных традиций. Американский политик полагает, что низкая рождаемость в сочетании со старением населения и обусловленное этими причинами вымирание коренного населения западных стран, в том числе и в США, привели к крайне негативным результатам. Поэтому американское правительство должно принять меры для радикального изменения ситуации.

Бьюкенен указывает и на то, что массовая иммиграция, обусловленная потребностью развитых стран в трудовых ресурсах, несет в себе больше

⁹⁸ Манин Е. Третья партия / Е. Манин // Вестник (США). – 2000. – № 22.

⁹⁹ Там же.

негативного, нежели позитивного в силу того, что подавляющая часть иммигрантов, прибывающих в последние годы в эти страны, являются представителями других рас, религий и культур, что, в свою очередь, способно изменить не только этнический состав населения, но и в целом исторически сложившийся облик Запада, его культурный характер, исторические традиции и политические устои. Кроме этого, Бьюкенен констатирует и тенденцию к подрыву суверенитетов независимых государств. Он полагает, что добровольный отказ от национальных границ представляет собой ошибочную политику и позднее станет причиной смерти западных наций, поскольку они окажутся беззащитными перед напором массовой нелегальной миграции выходцев с Ближнего Востока, Азии и Африки.

Приняв за точку отсчета 1960 год, когда, по утверждению Бьюкенена, численность белого населения европейского происхождения (европейцы, американцы, канадцы и австралийцы) достигла в западных странах своего максимума – 750 млн человек, или 1/4 от общей численности населения Земли, насчитывавшего 3 млрд человек, а также наиболее высокого в XX веке уровня рождаемости, американский автор утверждает, что Запад ожидают негативные изменения – например, спустя всего лишь 40 лет ситуация изменится коренным образом¹⁰⁰. На протяжении активной жизни одного поколения, продолжает Бьюкенен, население Земли фактически увеличилось вдвое и достигло 6 млрд человек. С другой стороны, численность народов европейского происхождения начала стагнировать, а позднее и сокращаться в абсолютном и относительном выражении. Удельный вес белого населения, согласно Бьюкенену, во всем населении мира упал к 2000 году до 1/6 его общей численности. Вот почему, он прогнозирует, что к 2050 году оно сократится до 1/10, а это, по словам П. Бьюкенена, книга которого переполнена лексикой, отсылающей читателя к расовым особенностям, является «статистика исчезающей расы».

Наиболее слабой и уязвимой частью западной цивилизации, по словам Бьюкенена, оказалась Европа, хотя сокращение численности белого населения отмечалось также в Австралии. Из 47 стран Европы лишь в Албании в 2000 году демографическая ситуация была относительно нормальной, а рождаемость – высокой. Остальная часть Европы, где, по словам американского автора, расположены 18 из 20 стран мира с наиболее низкими показателями рождаемости, как утверждает П. Бьюкенен, постепенно вымирает. По его словам, в 17 европейских странах, включая Бельгию, Болгарию, Венгрию, Германию, Данию, Испанию, Италию, Латвию, Литву, Португалию, Россию, Румынию, Словакию, Словению, Хорватию, Чехию и Эстонию, процесс сокращения коренного населения проявляется и вы-

¹⁰⁰ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

ражается в том, что в этих государствах «наблюдается больше похорон, чем рождений, больше гробов, чем колыбелей»¹⁰¹.

Книги Бьюкенена вообще изобилуют медицинскими и биологическими подробностями о расах и, в частности, о кризисе белой расы. Он, например, утверждает, что несколько десятилетий средний показатель фертильности европейских женщин держится на уровне 1,4 вместо 2,1, необходимых для простого воспроизводства населения. Сохранение данной тенденции, по его словам, грозит тем, что белое население Европы к 2050 году может уменьшиться до 600 млн, а по некоторым оценкам, даже до 556 млн человек. Подобный громадный обвал, как утверждает Бьюкенен, будет равнозначен полному исчезновению населения Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии и Германии. Если такие тенденции сохранятся на протяжении всего XXI века, а, по словам Бьюкенена, никаких признаков изменения ситуации к лучшему нет, население Европейского континента к концу XXI века вообще сократится до 207 млн человек и составит менее 30 % от его численности в настоящее время. В результате, утверждает Бьюкенен, «колыбель западной цивилизации станет ее могилой».

Особенно неблагоприятна, по словам Бьюкенена, демографическая ситуация в тех странах, где низкая рождаемость сочетается с увеличением доли старших возрастных групп (что, в частности, характерно для Германии, Италии, Испании и ряда других европейских стран) или сопровождается высоким уровнем смертности среди населения трудоспособного возраста (как, например, в России и некоторых государствах Восточной Европы)¹⁰². В Германии, по утверждениям Бьюкенена, к 2050 году треть населения окажется старше 65 лет, а соотношение стариков и молодежи составит более чем два к одному. Бьюкенен создает крайне негативный образ будущей Европы: численность немцев сократится до 38,5 млн человек. В Италии, если верить Бьюкенену, к 2050 году число детей в возрасте до 5 лет не будет превышать 2 %, тогда как более 40 % населения будут составлять люди в возрасте 65 и более лет, а средний возраст итальянцев достигнет 54 лет. В период с 2000 по 2050 год, по концепции американского автора, население этой страны сократится с 53 до 41 млн человек, в Испании население к 2050 году уменьшится на 25 %, а его средний возраст достигнет 55 лет.

В своих работах П. Бьюкенен уделяет внимание и России. Он, в частности, констатирует, что крайне сложная и тяжелая демографическая ситуация складывается в России. Его расчеты показывают, что уже к 2015 году население России должно сократиться на 22 млн человек. Это, как отмечает П. Бьюкенен, больше, чем потери СССР во Второй мировой

¹⁰¹ Buchanan P.J. The Death of the West : How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P.J. Buchanan. – NY., 2001.

¹⁰² Вестник Европы. – 2004. – № 11.

войне. При этом, по словам Бьюкенена, россиянам рассчитывать на лучшее не приходится, поскольку в России, по его утверждениям, каждые две беременности из трех прерываются абортами, а мужчины в среднем живут лишь 59 лет. Поэтому американский правый Бьюкенен пишет «об угрозе выживанию нации». В целом, Бьюкенен полагает, что население России в 2100 году будет составлять всего 80 млн человек.

Низкая, не обеспечивающая воспроизводства населения рождаемость, согласно Бьюкенену, продолжает сохраняться и доминировать по всей территории Европы. С другой стороны, развивается и процесс старения населения. Без повышения рождаемости численность детей в Европе в возрасте до 15 лет, как пишет Бьюкенен, к 2050 году сократится на 40 % и составит лишь 87 млн человек, тогда как численность лиц старших возрастов увеличится на 50 % и будет насчитывать 169 млн человек. В итоге средний возраст европейцев, по Бьюкенену, достигнет 50 лет. В целом, Бьюкенен утверждает, что главная опасность для Европы состоит в сокращении численности трудоспособного европейского населения в возрасте 15–64 лет. В абсолютных цифрах, по его данным, оно сократится с 494 млн до 365 млн человек. Бьюкенен утверждает, что современная Европа уже переживает глубокий кризис: бюджеты европейских государств не выдерживают тяжести и бремени социальных программ. Поэтому Бьюкенен задает риторические вопросы: «...кто будет платить за здоровье, социальное и пенсионное обеспечение пожилых? Кто будет заботиться о пожилых людях в центрах для престарелых и приютах милосердия? Если численность детей будет сокращаться быстрее, чем численность лиц трудоспособного возраста, то кто будет косить лужайки, убирать помещения, мыть посуду, готовить и подавать пищу в ресторанах Европы? Откуда возьмутся няни? Если работающее население сократится на 25 %, а население старших возрастов увеличится на 90 %, откуда возьмутся медицинские сестры и врачи, чтобы обслуживать этих лиц старших возрастов?...»¹⁰³.

Анализируя современное состояние Европы, Бьюкенен предполагает, что к 2050 году треть европейского населения будут составлять люди старше 60 лет, а в таких странах, как Великобритания, Германия, Италия и Испания, каждый десятый житель окажется старше 80 лет. Поэтому, утверждает американский автор, в случае сохранения современных тенденций в Европе начнется постепенная депопуляция¹⁰⁴. Если Европа хочет существовать и в будущем, то Бьюкенен утверждает, что перед Европой существует несколько вариантов развития: она, во-первых, может получать триллионы долларов в виде новых налоговых поступлений; во-вторых, женщины европейских стран должны рожать в два-три раза больше детей, чем в настоящее время; в-третьих, Европа должна импортировать ежегод-

¹⁰³ Buchanan P.J. The Death of the West : How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P.J. Buchanan. – NY., 2001.

¹⁰⁴ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

но миллионы рабочих. Поэтому Бьюкенен пишет, что «таковы жесткие условия выбора, стоящие перед Старым Светом».

Бьюкенен утверждает, что женщину «можно убедить иметь четверых детей» и тем самым добиться повышения рождаемости. Кроме этого, Бьюкенен констатирует, что если во всех без исключения европейских странах, не считая мусульманской Албании, женщины хотят иметь не более одного-двух детей, то это следует рассматривать не как «заговор», а как проявление свободного выбора. И для того, чтобы регулировать рождаемость, по словам Бьюкенена, у женщин есть ряд необходимых средств. Бьюкенен, словно игнорируя требования американской политической корректности, пишет, что для женщин их собственные желания «намного более убедительны, чем исследования демографов, показывающие, как будет выглядеть Европа, когда этим женщинам будет 70 или 80 лет или когда их уже не станет».

Поэтому, по словам американского автора, из трех вариантов развития Европы наиболее вероятен и практически неизбежен последний – импорт рабочей силы. В свою очередь, по его мнению, масштабы иммиграции зависят от того, какие цели при этом преследуются. Если Европа будет стремиться сохранить на нынешнем уровне количество трудоспособного населения в возрасте 15–64 лет, то ей придется до 2050 года, по подсчетам Бьюкенена, допустить въезд 169 млн иммигрантов. Если Европа, констатирует Бьюкенен, будет пытаться сохранить достигнутый уровень жизни для всего населения, тогда странам Европейского союза пришлось бы пойти на шестидесятикратное увеличение иммиграции.

Бьюкенен, анализируя проблемы современной Европы, ссылается и на американский опыт: «...поскольку народы западных стран стали вымирать, пустующие комнаты в “Доме Запада“ не будут долго пустовать. В Америке места, подготовленные для 40 млн потерянных нерожденными были заняты благодарными бедняками из Азии, Африки и Латинской Америки. Поскольку европейцы воздерживаются заводить детей, места, предназначенные для неродившихся европейцев, будут также заняты чужестранцами...». Поэтому Бьюкенен утверждает, что массовая иммиграция уже стала насущной потребностью для многих стран, и она фактически началась. Например, в 2000 году Англия приняла рекордное число иммигрантов – 185 тыс. человек, в 1999 году в ЕС нелегально въехало более полумиллиона иммигрантов, что в 10 раз превысило показатели 1993 года.

По мнению Бьюкенена, Европа не в состоянии противостоять наплыву желающих занять рабочие места, высвобождающиеся по мере того, как сходят на нет поколения европейцев послевоенных лет. Бьюкенен предполагает, что проблема состоит не только и не столько в том, что существует объективная потребность ввозить рабочую силу ради социального обеспечения пенсионеров или поддержания достигнутого уровня жизни. Бьюкенен считает, что на правительства европейских стран все возрастающее

давление будут оказывать предприниматели, нуждающиеся в притоке новых рабочих рук ради сохранения конкурентоспособных позиций этих стран на мировых рынках. В Италии, как утверждает Бьюкенен, отчетливо понимают, что в условиях глобализации рынка труда этой стране с ее стареющим населением и малочисленной молодежью будет крайне сложно и трудно соперничать с основными конкурентами – Францией, США и Индией¹⁰⁵. Но П. Бьюкенен сомневается в том, что европейцам вообще и итальянцам в частности удастся поправить положение за счет внутренней европейской иммиграции (например из стран Восточной Европы), так как эти страны сами испытывают аналогичные трудности. Поэтому он пишет, что «...Италия в 2020 году не сможет иметь больше половозрелой, способной иметь детей молодежи, чем она имеет сейчас подростков, детей, малышей и грудных младенцев. Ни одна из существующих возрастных когорт не может быть пополнена иначе, как с помощью иммиграции...»¹⁰⁶. Поэтому прирост населения в Европе будет гарантировать только иммиграция из стран «третьего мира».

Бьюкенен полагает, что несостоятельными и экономически опасными могут оказаться попытки европейцев как можно более долго сдерживать иммиграцию¹⁰⁷. В этом отношении, по мнению Бьюкенена, показателен пример Японии, которую он включает в число западных стран по признаку ее экономической и политической роли в современном мире. По Бьюкенену, Япония, вошедшая в последние годы в число 22 стран мира с наиболее низкими показателями рождаемости и близкая к тому, чтобы начать испытывать те же процессы депопуляции, что и остальные западные страны, уже в 1990-е годы столкнулась с определенными экономическими трудностями по причине старения населения. В 2000 году, как утверждает Бьюкенен, среди 190 стран мира Япония имела самое «старое» население, его средний возраст составлял 41 год. При этом, по словам американского автора, возраст первых послевоенных поколений приблизился к 55 годам, а это тот возраст, когда семьи уже свертывают расходы и ограничивают потребление. В результате именно в эти годы Япония вступила в полосу кризиса на рынке недвижимости и на фондовом рынке.

В целом, Бьюкенен считает, что массовая иммиграция в Европу стала экономически необходимой, но, с другой стороны, она влечет за собой множество политических, экономических, социальных, культурных проблем¹⁰⁸. Среди них европейцам будет очень сложно интегрировать неевропейцев в свое общество. Бьюкенен это мотивирует особенностями политического развития Европы. В отличие от США, ее особенностью является

¹⁰⁵ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

¹⁰⁶ Buchanan P.J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P.J. Buchanan. – NY., 2001.

¹⁰⁷ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

¹⁰⁸ Там же.

гомогенность. Бьюкенен считает, что у европейцев нет исторического опыта приема иностранцев или ассимиляции большого количества иммигрантов. Небольшие по численности, живущие в густонаселенных странах европейские народы, как считает Бьюкенен, не имеют опыта существования в условиях «плавильного котла», которым располагают, например, США. Из-за сепаратистских настроений, существующих в разных уголках Европы, по словам американского автора, может произойти дальнейшее дробление ряда стран. Но Бьюкенен полагает, что некоторые круги в Европе могут использовать иммигрантов. Именно поэтому Бьюкенен вынужден констатировать факт, что в ряде европейских стран усилились партии с откровенно националистическими лозунгами.

С другой стороны, по словам Бьюкенена, прибывающие в Европу миллионы иммигрантов из Северной Африки и стран Ближнего и Среднего Востока «...принесут с собой арабскую и исламскую культуру, традиции, преданность своим национальным корням и свою веру и воспроизведут подобия своих родин в самом сердце Запада. Ассимилируются ли они или же станут существовать в качестве неперевариваемых частиц Африки и Азии в том месте, которое когда-то служило оплотом христианства?...». В этом контексте Бьюкенен обращает внимание на опыт США, который свидетельствует, что африканцы и азиаты в этой стране так и не стали «полноценными участниками американского общества». Вердикт американского автора неутешителен: «по сравнению с белой расой другие расы ассимилировать во много раз труднее»¹⁰⁹.

Вот почему Бьюкенен указывает на сложный и противоречивый опыт США в деле интеграции в американское общество выходцев из Латинской Америки, например из Мексики¹¹⁰. Анализируя американскую ситуацию, Бьюкенен пишет, что мексиканцы «...снуют туда и обратно между Калифорнией и Мексикой, имея при себе двойные удостоверения личности и подбивая членов семей присоединяться к ним...». Как отмечает П.Бьюкенен, подобных мексиканцев в США миллионы, и они не желают изучать английский язык, не хотят становиться американскими гражданами. Ассимиляции, по его словам, они предпочитают временное пребывание в анклавах, напоминающих им родные места, откуда они прибыли. Такие американские мексиканцы имеют собственные средства массовой информации, предпочитают свою, преимущественно испанскую, культуру и испанский язык американской культуре и английскому языку, и в такой ситуации они «превращаются в нацию внутри нации».

Бьюкенен полагает, что большинство проблем современной Америки связано с тем, что США все более отходят от исторически американского общества, добровольно отказываясь от заветов «отцов-основателей», стре-

¹⁰⁹ Buchanan P.J. The Death of the West : How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P.J. Buchanan. – NY., 2001.

¹¹⁰ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

мившихся к равномерному распределению новых поселенцев среди коренного населения, «чтобы обеспечить ассимиляцию»¹¹¹. В то же время мексиканцы селятся компактными общинами, образуя этнические анклав: за 1990-е годы численность жителей США с испано-мексиканского происхождения увеличилась на 50 % и к 2000 году достигла 21 млн человек. Ежегодно, по Бьюкенену, их численность возрастает почти на 1 млн человек – причем значительная часть переселенцев из Мексики оседает на Юго-Западе США, в штатах Техас и Калифорния. Подобные компактные поселения представляют Бьюкенену крайне опасными из-за заложенного в них потенциала «балканизации» (возможного вытеснения пришлым этносом коренного населения с занимаемой территории) и из-за возможного возникновения на территории США этнического Квебека, население которого в дальнейшем может потребовать формального признания «...своей отдельной и уникальной испанской культуры и своей принадлежности к ней и права на особые отношения с Мексикой...»¹¹².

И в такой ситуации американский консерватор Бьюкенен стремится доказать, что эти опасения имеют реальные основания: в Техасе, например, население евро-американского происхождения сократилось после 1990 года с 60 % до 53 % и уже к 2005 году может превратиться в меньшинство¹¹³. В Калифорнии, по словам Бьюкенена, латиноамериканцы в возрасте моложе 18 лет составляют 43 % населения, а численность выходцев из Азии за десятилетие увеличилась на 42 %. С другой стороны, по словам Бьюкенена, зарегистрирован устойчивый (до 100 тысяч человек в год) отток белого населения, в основном англосаксонского происхождения, а также негритянского населения. Поэтому по Бьюкенену, Калифорния постепенно превращается «в штат третьего мира».

Миграция мексиканцев в США, принявшая, как утверждает Бьюкенен, характер вторжения, опасна еще и потому, что в Мексике, по его словам, некоторые политические силы не забывают о войне 1848 года и последующих событиях, в результате которых США захватили половину территории Мексики. Бьюкенен утверждает, что историческая память живет в мексиканцах, и наиболее радикально настроенные политики мечтают вернуть утраченные исторически мексиканские территории. Поэтому, если ассимиляция этой массы вновь прибывших закончится провалом, США рискуют, по словам Бьюкенена, превратиться «...в расколотую страну со всеми предпосылками к внутренним раздорам и разобщению, которые это обстоятельство повлечет за собой...»¹¹⁴. Бьюкенен полагает, что политика

¹¹¹ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

¹¹² Buchanan P.J. The Death of the West : How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P.J. Buchanan. – NY., 2001.

¹¹³ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

¹¹⁴ Buchanan P.J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P.J. Buchanan. – NY., 2001.

США в отношении испаноязычного населения таит в себе немало ошибок и в перспективе может привести к «испанизации Юго-Запада США».

По словам американского автора, более сложную проблему представляет собой нелегальная иммиграция¹¹⁵. По его оценкам, в США незаконно проживают 11 млн иностранцев, из которых ежегодно удаётся депортировать один процент. Бьюкенен утверждает, что каждый год на границе с Мексикой задерживают более 1,5 млн тех, кто хотел бы проникнуть на территорию США нелегально. Ситуация осложняется тем, что, по словам Бьюкенена, нелегальную иммиграцию активно поддерживают власти Мексики, стремящиеся с ее помощью решить проблемы бедности внутри страны. Но, по словам Бьюкенена, в самих США есть достаточно влиятельные круги, заинтересованные в притоке в страну дешевой рабочей силы. Бьюкенен утверждает, что «когда дело доходит до открытых границ, интересы корпораций и национальные интересы не совпадают – они сталкиваются». Развивая эту мысль, он пишет: «...откройте границу, и миллионы людей могли бы хлынуть через нее в США в течение месяца. Но разве наша страна не есть нечто большее, чем просто экономика?...». В целях решения проблем незаконной иммиграции П. Бьюкенен предлагает активно преследовать в судебном порядке предпринимателей, замеченных в неоднократном найме на работу иностранных нелегальных рабочих, получавших вместо заработной платы социальные пособия и другие льготы, по закону полагающиеся только американским рабочим.

Анализируя проблемы незаконной иммиграции, Патрик Бьюкенен призывает американское правительство не обращать внимания на шантаж эмигрантов: «...первомайская забастовка была направлена против самой Америки. Это была демонстрация силы, проверка способности уличной толпы заставить правительство Соединенных Штатов предоставить 12 млн нелегалов, вторгшихся в нашу страну в нарушение наших же законов, не только все права граждан США, но и само американское гражданство. Это – дерзкий шантаж, призванный поставить Конгресс перед выбором: либо немедленно предоставить амнистию нелегалам, смягчить иммиграционное законодательство и прекратить укреплять границу с Мексикой, либо готовиться к уличным беспорядкам...»¹¹⁶.

Критикуя современную американскую администрацию, Бьюкенен не ограничивается только критикой, предлагая внести в политику США несколько серьезных изменений. Первая мера, о которой пишет Бьюкенен, носит чисто религиозный характер и направлена на возрождение христианской веры, морали и семьи¹¹⁷. Бьюкенен пишет, что необходимо объявить «религиозную войну» идеологам культурной революции и их последователям, чтобы восстановить позиции христианства – основы общест-

¹¹⁵ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

¹¹⁶ The American Cause. – 2005. – May, 6.

¹¹⁷ Вестник Европы. – 2004. – № 11.

венной и политической жизни Запада. В противном случае Запад не сможет пережить смерть христианства. Вторая мера, предлагаемая Бьюкеноном, более конкретна и включает предложения по жесткому квотированию иммиграции; обязательной ассимиляции иммигрантов в качестве жесткого условия натурализации; утверждения английского языка в качестве единственного официального языка США; недопущения обучения детей иммигрантов на родных языках: преподавание в школах может вестись только на английском языке и с момента поступления в школу. Бьюкеном уверяет, что система социальной защиты должна распространяться только на граждан США¹¹⁸. Бьюкеном призывает приостановить действие программы, согласно которой для нужд Силиконовой долины разрешается ежегодный допуск 200 тысяч иностранных специалистов. По мнению автора, эти рабочие места должны принадлежать американцам. Кроме этого, по словам Бьюкенона, необходимо усилить охрану американо-мексиканской границы, увеличив численность пограничных войск.

2.3. Проблемы внешней политики США в работах Анатоля Ливена

Анатоль Ливен – политолог и исследователь немецко-российского происхождения, один из наиболее ярких современных исследователей американской внешней политики. Если в многочисленных работах Дж. Ная в центре внимания именно внешняя политика, то Ливен сочетает успешный анализ внешней и внутренней политики. Внешняя политика рассматривается им как продолжение внутренней.

Политический идеал Ливена – демократия. В одном из своих публичных выступлений в Москве Ливен заявил: «...существование большого количества примеров показывает, что благоденствующая, стабильная, справедливая, с точки зрения распределения благ экономики, законопослушная, легитимная демократия является одной из лучших систем правления в мире. Экологически ответственная демократия, действительно, является самой лучшей системой в мире. Существуют чрезвычайно успешные примеры этого в Европе и, в некотором смысле, в Восточной Азии и в Северной Америке. На мой взгляд, создание подобного рода демократического устройства в долгосрочном плане и должно являть собой цель каждого патриота в каждом обществе...». Таким образом, по мнению Ливена, только демократическое государство в состоянии обеспечить права и свободы своих граждан. Оно же может и вправе развивать внешнюю политику, которая будет способствовать распространению и утверждению демократических ценностей.

¹¹⁸ Buchanan P.J. The Death of the West : How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P.J. Buchanan. – NY., 2001.

С другой стороны, Ливен признает, что многие демократические государства, которые пользуются поддержкой США, в действительности далеки от подлинной демократии: «...если, например, посмотреть на другие страны, которые сегодня классифицируются американскими организациями и изданиями в качестве демократий, то они не являются демократиями, которые я пытаюсь описать. Они обладают чрезвычайно глубокими отрицательными характеристиками, которые разнятся от страны к стране, но, безусловно, касаются всех тех областей, о которых я уже высказался. Мои воззрения были сформированы в течение многих лет: я посетил сначала в качестве студента и потом в качестве репортера Юго-Восточную Азию. Самый явный, конечно, пример такой вот недостаточно положительной демократии, это, конечно, Пакистан, который представлялся в качестве демократии, но эта демократия была абсолютно не в состоянии решить проблему в экономике или обществе...». Поэтому их существование и достаточно успешное функционирование на международной арене отвечает, в первую очередь, интересам той сверхдержавы, которая их поддерживает, то есть США. Поэтому, по мнению Ливена, именно национальные интересы – основной ориентир, которым руководствуется США при проведении своей внешней политики.

Анализируя связь между демократией и внешней политикой, Ливен особое внимание уделил и фактору экономического развития. По его словам, в анализе истоков внешней политики следует особое внимание уделять тому, как фактор экономики связан с правами человека. Ливен указывает, что все не так просто, как кажется некоторым правым аналитикам в США: «...это касается не только отношений между демократией и экономическим развитием, но также между демократией и правами человека. Потому что аргументация тех, кто сегодня выступает за демократию, и тех, кто призывает к быстрому демократическому развитию, сводится не только к тому, что это может привести к быстрому экономическому и социальному развитию. Но даже если и в этом аргументе можно с ними поспорить, они, тем не менее, будут утверждать, что демократия, безусловно, ведет к гораздо большему уважению прав человека. Что касается населения, это абсолютно не так. Если посмотреть, например, на Индию, которая считается глубоко укоренившейся демократией, то можно увидеть, что полиция допускает чрезвычайно жестокие поступки. Не только против террористов, но и против простых граждан из беднейших слоев, которые подвергаются насилию, пыткам, и это считается само собой разумеющимся. И, если хотите, другие примеры: достаточно посмотреть на недавние события в Бразилии. В Бразилии при, казалось бы, прогрессивном правительстве де Сильвы, в Рио-де-Жанейро были просто уничтожены 30 человек, коррупция связала полицию и мафию неразрывными связями. Это демократия, которая не обладает каким-либо практическим эффектом. Что касается уважения прав человека, то же самое можно сказать и про Мексику, где

полиция и силы безопасности ведут себя аналогичным образом. Следовательно, соединительная линия между демократией и человеческими правами не является прямой линией. Должны присутствовать и другие элементы, включая и образовательное развитие населения, политическую культуру, которая управляет поведением полиции и сил безопасности, но также является руководящим принципом и во взаимоотношениях между полицией и силами безопасности с политическими классами и обществом в целом...». Иными словами, некоторые уже достаточно долго существующие демократии могут быть определены как демократии лишь внешне. С другой стороны, то, что демократические ценности в некоторых обществах являются чуждыми и привнесенными, подтверждает то, что американская внешняя политика, направленная на экспорт ценностей свободы и демократии, нередко не срабатывает. Вот почему, по мнению А. Ливена, американские аналитики должны более внимательно выстраивать и структурировать внешнюю политику.

Таким образом, одного желания нести в мир демократию для выработки взвешенной и рациональной внешней политики явно мало. Ливен указывает на то, что государство, которое ставит перед собой серьезные политические цели, должно иметь не только развитые демократические традиции, чтобы предложить их миру, но и развитую политическую элиту и активный средний класс: «...необходимо наличие элиты и среднего класса, которые не позволят происходить подобного рода вещам. Но, конечно же, самая важная причина квалифицировать демократию не только в качестве идеала, к которому должны прийти удачные государства, но в качестве и краткосрочного или среднесрочного решения проблема государства заключается в том, что большое количество демократий не являются стабильными. Например, мы уже говорили о Пакистане, еще можно посмотреть на Латинскую Америку, где отмечаются циклы возникновения демократии или, по крайней мере, какого-то конституционного права, которые потом не в состоянии решить базовые проблемы общества...». Именно элита и средний класс могут стать теми силами, которые выработают те программные ценности внешней политики, которые могут позиционировать страну на внешней арене.

Но, как пишет Ливен, общество не застраховано от крайностей демократического правления. В ряде стран чисто внешние демократические институты и процедуры вели к утверждению явно недемократических политических режимов: «...просто установление условий, в которых возможны свободные выборы, не является единственным условием для создания настоящей демократии. Это является ошибкой в общепринятом американском подходе к демократии. Необходимо помнить, что самые ужасающие режимы XX века возникли не вследствие восстания против ужасов диктатуры, а от ошибок, которые допускала демократия. Это нацизм в Герма-

нии, который возник в результате ошибок Веймарской Республики. И фашизм в Италии, и режим Франко в Испании. Япония в 20-х годах, конечно, я бы сказал, тоже была очень квалифицированной демократией, с точки зрения конституции и олигархии. Она обладала свободой выборов и тоже подверглась коллапсу в ужасающей форме национального шовинизма...». Эти политические режимы вели такую внешнюю политику, которая ставила под угрозу не только существование тогдашней системы международных отношений, но и Европы как политического региона, где главенствовали бы демократические ценности, гражданские права и политические свободы.

Ливен особое внимание уделяет и центрально-европейскому фактору. По его мнению, развитие Центральной и Восточной Европы после краха коммунизма демонстрирует целый ряд интересных тенденций, анализ которых необходим для правильного понимания той политики, которую проводят сами европейские страны, ни Америка в отношении этого региона. Рассматривая современную Центральную Европу, Ливен неизбежно выходит на фактор национализма: «...современный опыт Центральной и Восточной Европы с момента падения коммунистического режима демонстрирует некое общее правило, это конечно. И это подводит к критической роли национализма, национального самосознания или патриотизма в успешном процессе социально-экономической модернизации. Но если посмотреть на историю за последние 250 лет, то можно отметить, что успешное социально-экономическое развитие до 1999 года очень редко происходило в условиях демократии. И это никоим образом не укрепляет уверенность в утверждении, что демократия и развитие идут рука об руку, несмотря на то, что я читаю даже в западных научных изданиях, что, когда Англия провела свою промышленную революцию, это была демократия. Это стало бы огромным сюрпризом для аристократической коммерческой олигархии, которая управляла Англией в течение XVIII века и большую часть XIX века, в которой электорат представлял собой маленькую долю населения. И если посмотреть еще на другие страны Европы, конечно, экономическое развитие происходило либо при олигархии, либо при более-менее авторитарной монархии...». По мнению Ливена, националистическая мобилизация может существенно привести к сокращению демократии или даже полному отказу от нее. С другой стороны, именно такое националистическое и вместе с тем недемократическое правление может стать залогом не только политического, внешнеполитического успеха, но и внутренней политической стабильности, экономического роста.

Ряд исследований Ливена посвящен современной России, ее внешней и внутренней политике, проблеме отношений США, РФ и Европейского Союза. По Ливену, современная Россия – страна, которая имеет колоссальные ресурсы и возможности для быстрого форсированного развития.

Но Ливен указывает на то, что это развитие будет успешным только в одном случае – если весь потенциал российских природных ресурсов будет направлен на модернизацию современного российского государства. С другой стороны, Ливен констатирует и то, что такое государство больно – оно не пользуется поддержкой и уважением со стороны собственных граждан, российские бизнесмены предпочитают уводить средства из России, а само российское население подрывает своим поведением одну из опор государственности – армию: «...важнейшим элементом модернизации в России была демилитаризация социальных установок, растущее нежелание служить в армии и нести военные потери, что на более ранней или более поздней стадии характерно почти для всех урбанизированных обществ. Как и везде, одна из главных причин кроется в уменьшении размеров семьи. Грубо говоря, в прошлом родители, у которых было несколько сыновей (в какой бы то ни было стране), были готовы к потере сына на войне в большей степени, чем сейчас, когда в семье, как правило, один сын. В Чечне я встречал женщин, искавших своих сыновей, и чаще всего это были не только их единственные сыновья, но и единственные дети. Еще один фактор – это изменение в основе семьи, также проявившееся повсеместно: переход от традиционных крестьянских семейных групп, основанных на экономических связях, к современным семьям, основанным на любви и привязанности. Многие военные эксперты в разговорах со мной говорили о распространенном представлении, что лучшие солдаты выходят из традиционных крестьян, как о мифе и утверждали, что хорошая армия может сделать хорошего солдата из кого угодно. Разумеется, можно превратить городского юношу в прекрасного солдата, но на его обучение и воспитание в нем военного духа придется затратить слишком много времени и денег...». В такой ситуации, как бы ни были велики доходы от продажи нефти, как бы ни боялись потенциальной российской агрессии и новой оккупации ее соседи, результаты реформ будут оставаться весьма поверхностными.

Когда Ливен пишет о России, то его отношение к ней страдает от одной своеобразной дихотомии: Ливен, с одной стороны, имеет русско-немецких предков, сам он в свое время жил в России, у него русская жена, а сын имеет гражданство Российской Федерации; с другой – рациональность, присущая автору, не дает окончательно идеализировать Россию. Поэтому все построения Ливена в отношении России пребывают между идеализацией и критикой. Ливен признает, что США должны защищать свои интересы в мире, что неизбежно ведет к конфронтации с Россией: «...некоторые считают политику США в отношении России намеренно провокационной. Конечно, Америка должна поддерживать демократию в Грузии и на Украине, но действительно ли соответствует американским интересам помощь грузинам в этнической гражданской войне против сепаратистов, которых поддерживает Россия? И почему это США заинтере-

сованы принять Украину в НАТО задолго до того, как она станет стабильной рыночной демократией, тем более что значительное число украинцев категорически против этого шага, по-прежнему предпочитая союз с Россией?...»¹¹⁹.

В такой ситуации США не должны забывать и о демократических ценностях, напоминая время от времени России о свободе и демократии. В такой ситуации вообще нельзя было не заметить попытки грубого вмешательства России во внутренние дела Украины, когда националистически и реваншистски настроенные русские политики попытались поддержать постсоветский режим Кучмы – Януковича в его попытках фальсифицировать выборы: «...Запад совершенно правильно делает, что выступает против Москвы по некоторым вопросам, включая поддержку, оказанную Россией попыткам фальсифицировать прошлые выборы на Украине. Но по другим вопросам вполне возможен компромисс, а иногда даже стоит задаться вопросом о предпосылках Вашингтона. Это действительно проблематичный вопрос, потому что авторитаризм российского лидера усиливается...»¹²⁰.

Интересны и попытки сравнительного анализа политик США и РФ, которые мы можем найти в некоторых работах А. Ливена. В одной из статей, опубликованных в 2006 году, А. Ливен пытается сравнить политические линии Дика Чейни и В. Путина. По мысли автора, между ними немало общего: «...президент России Владимир Путин и вице-президент США Дик Чейни во многом похожи. Оба они чрезвычайно умны, но склонны смотреть на мир через узкую призму интересов безопасности и державного могущества. Оба – патриоты, но, как это часто бывает с политическими лидерами, зачастую ставят знак равенства между могуществом страны и своим собственным. Оба готовы беспощадно отстаивать жизненные интересы своих стран в их собственном понимании. Оба в публичных выступлениях говорят о приверженности демократии и правам человека, однако их дела часто ставят эти слова под сомнение...»¹²¹. Истоки такого необычного компаративного анализа – вильнюсская речь американского вице-президента, где тот выступил с резкой критикой российской политики.

Оценивая стратегическое значение речи, А. Ливен указывает на то, что оно двояко. С одной стороны, после такого эмоционального выступления стало ясно, что среди американских республиканцев крайне правое крыло все еще продолжает играть немалую роль. С другой стороны, ее политический результат, вероятно, оказался совсем иным, а не таким, каким его видели американские политики: «...напыщенная речь Чейни в литовской столице Вильнюсе, в которой он обрушился с нападками на Москву за антидемократизм и энергетический "шантаж", в сочетании с его попыт-

¹¹⁹ Los Angeles Times. – 2006. – March, 20.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ The International Herald Tribune. – 2006. – May, 12.

ками сколотить "энергетический альянс" против России, буквально напрашивалась на разгромную отповедь со стороны российского президента. Он имел полное право разбить в пух и прах целый ряд тезисов Чейни и заслужил бы при этом одобрение большинства жителей планеты...». Речь Чейни, конечно, вызвала ответную реакцию в России – причем российская критика нередко была такой же односторонне направленной, как и позиция американского политика. В работах Ливена становится заметны его пропутинские симпатии и настроения: «...в этом случае, учитывая возможные катастрофические последствия американского нападения на Иран, не только россияне, но и весь мир должны быть благодарны Путину за государственную мудрость, проявленную в отношении нападков Чейни, и надеяться, что Россия и в будущем будет придерживаться этого курса...»¹²².

Отличительная черта всех концептов Ливена, относящихся к внешней политике, состоит в том, что он уделяет значительное внимание и политике внутренней. По мысли Ливена, современная ситуация на Западе, в США и Европе, далека от стабильности не только в силу внутренних политических причин. Изменения климата и природные катастрофы в последние годы стали теми факторами, с которыми вынуждены считаться крупнейшие державы: «...любая политическая, социальная и экономическая система, созданная на протяжении истории, рано или поздно сталкивалась с вызовом, дать ответ на который она не могла по самой своей природе. На звание самой удачной системы правления могла бы претендовать конфуцианская система Китайской империи, существовавшая более 2000 лет. Однако в силу того, что она была основана на ценностях стабильности и преемственности, а не динамизма и изобретательности, в конечном счете, она не выдержала схватки с имперским капитализмом Запада. В обозримом будущем экзистенциальным вызовом рыночной экономике и западной модели демократии, с которой она тесно связана, будет глобальное потепление. Опасными могут оказаться и другие угрозы, как, например, терроризм, но ни одна другая угроза или совокупность угроз не в состоянии уничтожить саму нашу систему. Как верно отмечается в выводах комиссии британского правительства под руководством Николаса Стерна, изменение климата – это "самая крупномасштабная неудача рынка в истории"...».

Ливен высказывает почти еретическую для западных либералов мысль о том, что победа демократических ценностей, создание национального государства, триумф европейских демократий были только историческими случайностями и что тот фактор, которому западные политики почти не уделяют внимания, – природа и климат могут не только самым существенным образом изменить ход политического развития Запада, но и привести к тому, что европейцы почти добровольно отвергнут свои европейские ценности: «...вопрос, который стоит перед нами теперь, касается того,

¹²² The International Herald Tribune. – 2006. – May, 12.

смогут ли глобальный капитализм и западная демократия внести ограниченные экономические коррективы для того, чтобы не позволить глобальному потеплению изменить наш мир до неузнаваемости – или же наша система настолько зависима от неограниченного потребления, что по своей природе неспособна требовать даже небольших жертв от своих элит и населения. Если последнее окажется правдой и мир пострадает от радикально разрушительного изменения климата, то мы должны признать, что будущие поколения отринут все, за что теперь борется Запад. Будет признана несостоятельность демократической капиталистической системы как модели для человечества и защитницы базовых интересов человека...».

В этом отношении Ливен настроен как пессимист – он прогнозирует не только исчезновение целых государств («...уже в 2050 году последствия изменения климата могут уничтожить такие государства, как Пакистан и Бангладеш. А если рухнут эти государства, то смогут ли обособиться Индия и другие страны? Тогда незначительной покажется не только сегодняшняя одержимость угрозой терроризма, но и все усилия западного мира и частных лиц наподобие Джорджа Сороса и его института "Открытое общество" по демократизации. Разумеется, равно как и все предпринимаемые сегодня усилия по снижению бедности и улучшению здравоохранения...»), но и сам крах европейской и американской моделей развития: «...если это произойдет, то что наши потомки будут делать с политической и информационной культурой, уделяющей этой опасности так мало внимания по сравнению со спортом, товарами потребления, досугом и угрозой терроризма, которая на фоне этого кажется ничтожной? Запомнимся ли мы им как великие образцы прогресса человечества и свободы? Скорее, они плюнут на наши могилы. Рыночная демократия Запада, и в особенности ее американская разновидность, основана на убеждении в том, что наша система представляет собой вечную ценность для человечества: "Новый порядок на века", как начертано на Большой печати США. Она не должна служить краткосрочным и эгоистическим интересам нынешнего населения западных стран. Но если это так, то наша система станет достоянием истории еще быстрее, чем конфуцианский Китай – и по праву...». И от этой чисто природной и поэтому естественной угрозы западным демократиям ничего уже не поможет – ни интеграция, ни политика утверждения США в качестве единственного мирового лидера.

Ливен немало внимания в своих работах уделяет и проблемам постсоветского пространства. Одна из тем, которые часто фигурируют в его статьях, проблемы революционных политических изменений в бывших советских республиках. Анализируя феномен т. н. «цветных» революций, Ливен указывает на то, что нередко они имеют очень ограниченный эффект и поверхностный характер, а сами революционные лидеры, генетически и органически связанные со старой, или даже советской, политической элитой и системой, не в состоянии реализовать серьезные политические

лозунги. Комментируя такую ситуацию, Ливен, например, пишет, что «...слишком часто случается так, что через несколько лет или месяцев после такой революции все возвращается на круги своя. Выясняется, что победителей-оппозиционеров объединяла лишь ненависть к правящему режиму и жажда добраться до власти со всеми ее привилегиями. Они ничего не делают, чтобы покончить с коррупцией, нищетой и грубым произволом властей. Единственным результатом такой 'революции' становится смена правящей клики или популистский авторитаризм, а порой – и то, и другое. Причины подобных провалов, как правило, связаны с застарелыми социальными и культурными проблемами, в том числе отсутствием прочных экономических и политических институтов, образованного, законопослушного, политически и экономически активного среднего класса, а также массовых политических партий, способных обеспечить народную поддержку болезненным реформам...»¹²³.

Однако в концепции Ливена главное в ином: по его мнению, процессы демократизации на постсоветском пространстве нуждаются в изучении и в том, чтобы о них знал Запад. В такой ситуации, по словам американского политолога, западное общество почти совершенно забывает об Азии, в то время как демократизация Востока важна в гораздо большей степени. Чем вызвана такая позиция? Ливен полагает, что демократические перемены в современной Восточной Европе имеют своих исторических предшественников, корни которых надо искать в Азии: «...именно в Пакистане – в конце 1980-х гг. я работал корреспондентом лондонской 'Times' в этой стране – мне довелось впервые наблюдать этот процесс в действии. В 1988 году, когда, после периода военной диктатуры, к власти в стране пришла Партия пакистанского народа (ППН) во главе с Беназир Бхутто – она победила на выборах, сопровождавшихся массовыми народными демонстрациями – западные газеты запестрели заголовками вроде "Воля народа в Пакистане" или "Нежная демократия" Беназир. Повсеместно цитировалось заявление Бхутто о том, что ее партия придерживается принципов "социал-демократии скандинавского типа". Те из нас, кто наблюдал за событиями на месте, знали: если это и так, то такие принципы 'скандинавской социал-демократии' исповедовали разве что викинги: они ведь тоже по-честному делили награбленное. Вот только в тот момент донести свою точку зрения до читателей было очень трудно. Позднее, когда 'достижения' правительства ППН стали очевидны всем, писать о Пакистане вообще не имело смысла, поскольку тамошние события уж никого не интересовали...»¹²⁴.

Ливен в такой ситуации призывает отказаться от евроцентризма. Иными словами, политика США и западных демократий не должна ограничиваться исключительно Старым Светом, двумя Америками и Австра-

¹²³ Khaleej Times. – 2005. – December, 5.

¹²⁴ Там же.

лий. По его словам, Восток сам стимулирует американскую и европейскую политику на то, чтобы постепенно повернуться к нему лицом: «...вместо того, чтобы анализировать ситуацию на Филиппинах и в Пакистане, западные аналитики выбрали в качестве нормы развитие Восточной Европы после народных революций, покончивших с властью коммунистов и советской гегемонией. Эти революции действительно привели к успешным экономическим реформам и утверждению стабильного демократического строя. Однако на то были свои, особые причины...»¹²⁵.

Почему американская внешняя политика должна стать именно восточной? Ливен упоминает несколько причин, среди которых восточные ресурсы играют не самую первую роль. По его словам, гораздо важнее отказаться от исключительно европейской политики, так как ее продолжение в перспективе может привести к потере Азии. С другой стороны, американская политика в отношении Востока должна стать более взвешенной и продуманной. По мнению Ливена, американская политическая элита, подобно британским колонизаторам, должна понять, что Запад есть Запад, Восток есть Восток. В то же время многие американские правые обеспокоены почти исключительно перспективами демократизации и либерализации Востока, в первую очередь Ближнего. Ливен, в свою очередь, указывает на то, что такая политика таит в себе немалые опасности. Таким образом, Ливен пытается доказать, что рост антиамериканских настроений на Востоке зависит от темпов политики по американизации Азии: «...сокрушительная победа движения "Хамас" на выборах в Палестине обнажила банкротство странной стратегии администрации Буша по демократизации арабов без учета их чувств и мнений. Как известно, демократия является представительной. Если действия Соединенных Штатов будут таковы, что большинство арабов воспримет их как противоречащие своим интересам, то арабская демократия даст результаты, противоречащие интересам Америки...»¹²⁶.

Когда мы анализируем работы Ливена, то мы можем утверждать, что Ливен – американист, но весьма умеренный, а его выводы, в отличие от большинства американских правых, кажутся относительно рациональными. Такой подход проявляется в его статьях, посвященных проблемам связи между внешней и внутренней политикой США. Ливен – американист не в смысле того, что его исследования представляют собой апологетику американской политики. Они достаточно критичны. Ливен – американист в том смысле, что у него есть свой идеал Америки с новой политикой, внешней и внутренней, которая самым коренным образом отличается от политики администрации Дж. Буша-мл. Ливен полагает, что современная Америка остро нуждается в реформах: «...дело не в том, могут ли эти реформы

¹²⁵ Khaleej Times. – 2005. – December, 5.

¹²⁶ Los Angeles Times. – 2006. – February, 13.

быть осуществлены быстро, но в том, способно ли американское общество серьезно обсуждать их. Для претворения в жизнь радикальных перемен в США или где-то еще нужен кризис. В настоящий момент такой кризис удастся предотвратить благодаря готовности Китая и Японии покупать долг США, поддерживать потребительские расходы на приобретение их экспортных товаров и позволять администрации Буша и дальше сокращать налоги. Но ситуация хрупкая. Ураганы "Катрина" и "Рита", радикально увеличив дефицит бюджета США и акцентировав внимание на будущих затратах в связи с глобальным потеплением, подчеркнули эту хрупкость и помогли нарисовать контуры будущих кризисов...». Именно от этой способности ответить на внешние вызовы через изменения системы и станут гарантом последующего развития США.

По мысли Ливена, США занимались в XX веке опасной автосихотерапией, стремясь скрыть свои внутренние проблемы, перенести центр тяжести из сферы внутренней политики во внешнюю. До террористических актов 11 сентября США развивались динамично и стабильно, словно по инерции: «...последним экзистенциальным кризисом политической и экономической систем США была Великая Депрессия, начавшаяся в 1929 году. Тот кризис удалось преодолеть благодаря президенту Франклину Рузвельту и его Новому Курсу. Но интеллектуальные основы Нового Курса были разработаны прогрессивными мыслителями в Америке в течение предыдущих 40 лет. В Германии и Франции сегодня серьезные реформы, быть может, политически неосуществимы – но, по крайней мере, эти вопросы обсуждаются, и если обстоятельства изменятся, решения будут под рукой. В Соединенных Штатах, напротив, серьезных реформистских мыслей нет не только в двух политических партиях, но также и в господствующих средствах массовой информации (СМИ) и в большинстве аналитических организаций. Партии парализованы влиянием мощных группировок, которые сделали своей целью сохранение status quo. СМИ и аналитические организации тоже в основном не способны размышлять о реформах по причине своих связей с политическими и экономическими интересами. После урагана "Катрина" господствующие американские СМИ заслужили аплодисменты за то, что решились наконец на критику администрации Буша. Однако почти нет признаков того, что они готовы анализировать глубокие пороки американской системы...»¹²⁷. Нападение на Америку показали, что это, с одной стороны, не так, и что, с другой – американская государственная машина почти утратила возможность не просто оперативно отвечать на внешние вызовы и угрозы, но, что гораздо важнее, она не смогла их предотвратить.

Ливен критически оценивает политический потенциал современной американской администрации. По его мнению, Дж. Буш-мл. не смог выра-

¹²⁷ The Financial Times. – 2005. – October, 5.

ботать четкой и внятной позиции ни по одному из международных вопросов. С другой стороны, он не смог создать такие условия в стране, которые способствовали ее быстрейшему восстановлению после ряда природных катастроф типа урагана «Катрина»: «...дело не в том, могут ли эти реформы быть осуществлены быстро, но в том, способно ли американское общество серьезно обсудить их. Для претворения в жизнь радикальных перемен в США или где-то еще нужен кризис. В настоящий момент такой кризис удастся предотвратить благодаря готовности Китая и Японии покупать долг США, поддерживать потребительские расходы на приобретение их экспортных товаров и позволять администрации Буша и дальше сокращать налоги. Но ситуация хрупкая. Ураганы "Катрина" и "Рита", радикально увеличив дефицит бюджета США и акцентировав внимание на будущих затратах в связи с глобальным потеплением, подчеркнули эту хрупкость и помогли нарисовать контуры будущих кризисов...». Поэтому общий вывод Ливена звучит очень категорично – у США нет будущего, если администрация Буша-мл. не внесет значительные коррективы в свою политику, у нее нет никакого будущего, если следующая администрация окажется способной на то, чтобы только продолжать политику предшественника: «...если завтра в Соединенных Штатах разразится кризис вроде того, что был в 1929–1932 гг., страна не найдет другого Франклина Рузвельта с его программой Нового Курса, чтобы выступить против республиканца Герберта Гувера. У нее будет робкий и неэффективный Гувер для демократов, который выступит против республиканского Калвина Кулиджа, закоснелого защитника самых худших аспектов существующей системы. Если бы такой выбор был сделан в 1932 году, американское государство, в конечном счете, оказалось бы в беде...»¹²⁸.

Европейские проблемы также пребывают в центре ряда работ Анатолия Ливена. Анализируя историю Европейского Союза, Ливен отмечает, что он возник как некая антивоенная организация, призванная положить конец военным конфликтам между европейскими странами. Но американский политолог указывает на то, что возможности современного ЕС весьма велики в старой Европе, но еще крайне малы в Новой, Восточной, Европе, которая лишь недавно освободилась от советского диктата и контроля: «...если главной причиной создания Европейского Союза было стремление избавить континент от войн и политического экстремизма, то эта цель до сих пор не достигнута, и ЕС, как и раньше, остается важнейшим инструментом для ее осуществления. Конечно, войны между западноевропейскими государствами сегодня исключены, однако их вероятность на Балканах и в некоторых странах бывшего СССР по-прежнему велика...»¹²⁹.

¹²⁸ The Financial Times. – 2005. – October, 5.

¹²⁹ The Financial Times. – 2005. – June, 29.

Интерес Ливена к ЕС неслучаен. ЕС в США понимается в качестве одного из главных экономических и внешнеполитических оппонентов и конкурентов. Поэтому значительное внимание Ливен уделяет тому, чтобы найти и вскрыть наиболее серьезные проблемы Европейского Союза. По словам американского автора, Европа едина географически, но еще очень далека от политического и экономического единства. На Востоке континента популярен этнический национализм, на Западе – недоверие к новым членам и страх перед ними: «...на периферии ЕС весьма распространен политический экстремизм. Еще больше тревожит тот факт, что и в западной Европе вновь проявляются признаки шовинизма, подпитываемого недовольством экономической ситуацией и страхом перед потоком иммигрантов: отчасти об этом свидетельствуют и результаты недавних референдумов. Существующая многопартийная система, судя по всему, уже не в состоянии удовлетворить потребности многих избирателей, что приводит к вспышкам безотчетного, нигилистского гнева...»¹³⁰.

Поэтому Европейский Союз, по словам Ливена, сам создал для себя большинство современных проблем. Экономически и отчасти политически ЕС нуждается в принятии новых членов. Иными словами, без очередных расширений его сохранение будет весьма проблематичной задачей. С другой стороны, старые члены ЕС вовсе не хотят видеть в рядах организации новые страны, в то время как страны-кандидаты буквально жаждут быть принятыми в ЕС: «...главная проблема заключается в том, что две величайшие исторические задачи, стоящие перед ЕС, толкают его в разных направлениях. С одной стороны, дальнейшее расширение Союза имеет критически важное значение для распространения демократии, процветания и мира. С другой – западноевропейские избиратели недвусмысленно дают понять, что не потерпят дальнейшего расширения, если оно приведет к увеличению расходов на субсидии новым членам ЕС и росту иммиграции, особенно мусульманской. Если правительства европейских стран проигнорируют эти сигналы и примут Турцию в Союз без референдумов в странах-участницах, они могут распрощаться с любыми намерениями доказать, что элиты ЕС и отдельных государств готовы более чутко реагировать на общественные настроения. Это, несомненно, приведет к резкому усилению антиэстэблишментных экстремистских движений по всей Европе...»¹³¹. Такая ситуация ведет к росту крайних политических тенденций, с которыми придется считаться в своей внешней политике любой стране, в том числе и такой значительной, как Соединенные Штаты.

Ливен полагает, что в ближайшем времени ЕС примет в свои ряды балканские государства, после чего откажется от принятия новых членов, что приведет к большому разочарованию в двух, приграничных с Европей-

¹³⁰ The Financial Times. – 2005. – June, 29.

¹³¹ Там же.

ским Союзом, государствах – Украине и Турции («...однако применительно к балканским странам обещания о приеме в Евросоюз должны быть выполнены. Из-за постыдного провала усилий западноевропейцев в этом регионе в начале и середине 1990-х гг., а также присутствия там европейских воинских контингентов, у ЕС перед этими странами – в отличие от Турции и Украины - существуют нравственные и политические обязательства. В настоящее время все, чего добился ЕС на территории бывшей Югославии – это заключения серии взаимно увязанных перемирий. Чтобы полностью устранить угрозу войны в регионе, процесс полномасштабной интеграции балканских стран в ЕС необходимо продолжать...»). Ливен полагает, что Украину и можно интегрировать в ЕС, но сам процесс может оказаться очень длительным и затратным. В Турции ЕС сталкивается с более сложными проблемами, чем постсоветское настоящее Украины. В Турции ЕС придется решать и национальные, и приграничные, тесно связанные между собой проблемы. В такой ситуации ЕС придется качественно изменить свою внешнюю политику. По словам Ливена, ЕС начнет создавать новое европейское пространство за пределами ЕС: «...Евросоюзу необходимо творчески отнестись и к созданию "европейского пространства" за пределами собственных границ рассматривать это не только как трудную проблему, но и как многообещающий шанс. В конце концов, существующая модель расширения ЕС также чревата потенциальными проблемами - прежде всего речь идет о возникновении новых жестких границ с прилегающими к Союзу и тесно взаимосвязанными с ним странами, например Россией и Украиной, а также турецким Курдистаном и Ираком. Громадное преимущество создания более гибкой системы ассоциированных государств состоит в том, что со временем ее можно будет расширить, включив туда не только Украину с Турцией, но и Россию, Закавказье и страны Магриба – государства, чье полномасштабное членство в Союзе исключено...»¹³².

В значительном количестве своих работ А. Ливен затрагивает проблемы, связанные с национализмом. По его словам, в современном мире не следует не замечать национализм, преуменьшать его значение. Ливену как специалисту по русской истории, как исследователю, написавшему несколько работ, в центре внимания которых именно национальный и / или националистический дискурс, можно доверять. На этом фоне интересны попытки Ливена связать развитие национализма на постсоветском пространстве со строительством гражданского общества и утверждением ценностей демократии. В одной из своих работ Ливен касается интересного эпизода из армянской политики: «...будучи в конце 1990-х годов в Армении, я встретился с отважным бывшим советским диссидентом-армянином. Он провел годы в советских тюрьмах, и стены его дома были

¹³² The Financial Times. – 2005. – June, 29.

украшены многочисленными наградами от западных организаций, посвятивших свою деятельность защите демократии и прав человека. Я не сомневаюсь в искренности его приверженности делу демократии в Армении. Но больше всего я запомнил его территориальные представления. Этот диссидент считал, что Армения должна добиваться присоединения всей восточной Турции на основании древних исторических и этнических связей. После распада Советского Союза многочисленные примеры свидетельствуют о том, что у советского движения инакомыслящих есть два совершенно непохожих лица, причем зачастую их олицетворяет один и тот же человек. Обе части движения выступают за свободу, однако видят они ее по-разному. Первая часть говорит о свободе личности, вторая – о свободе отдельной нации...»¹³³. Таким образом, Ливен четко прослеживает эволюцию бывших советских правозащитников и демократов в направлении этнического национализма. И пока такие люди будут оставаться властителями дум в своих странах (а тенденции к тому, что их значение будет падать, не так очевидны) США и ЕС будут вынуждены пристально следить за тем, что происходит на постсоветском пространстве.

Но, по мысли Ливена, зона доминирования национализма не ограничивается только Восточной Европой – на этом фоне очень интересными выглядят его попытки проанализировать связь американского национализма с внешней политикой США. Этот национализм, как указывает А. Ливен, проявившийся в начале XXI столетия, разъединяет США и становящуюся «...все более постнациональной Западную Европу гораздо сильнее, чем любые другие явления». По мысли американского автора, некоторые неоконсервативные американские интеллектуалы заявляли, что «курс США на мировой арене и ее разногласия с Европой обусловлены тем, что Америка более мощная держава и, соответственно, несет большую ответственность. Нельзя не согласиться с тем, что американское могущество позволяет США действовать во всем мире. Однако действия Америки и ее реакция на поведение других держав определяются ее политической культурой. А национализм – одна из немаловажных многочисленных составных частей этой культуры...»¹³⁴.

Попытка Ливена связать национализм и внешнюю политику интересна, ее стоит приветствовать уже потому, что «...поведение Америки редко рассматривается через призму национализма. Большинство американцев предпочли бы назвать свою привязанность к собственной стране патриотизмом. В свою очередь, критики Соединенных Штатов уделяют основное внимание явлению, которое они называют американским "империализмом". Конечно, в США есть силы, преследующие империалистические цели. Хотя эти группы и обладают значительным влиянием, они

¹³³ The Financial Times. – 2005. – March, 17.

¹³⁴ Internationale Politik. – 2004. – № 5. – P. 4.

немногочисленны. Чаще всего они встречаются в среде интеллектуалов внешнеполитического истеблишмента, где наблюдается также самая высокая концентрация так называемых неоконсерваторов...»¹³⁵.

Истоки современного американского национализма, согласно Ливену, следует искать в интеллектуальной истории Америки, в американском протестантском фундаментализме и изоляционизме. В американской политической культуре и религиозной традиции, по мнению А. Ливена, «всегда просматривались ярко выраженные черты изоляционизма. Этот изоляционизм представляет собой комплексный феномен, который не следует понимать как простое стремление отгородиться от остального мира». Ливен подчеркивает связь между националистическим и изоляционистским феноменами: «...американский изоляционизм является, скорее, обратной стороной американского национализма и американского мессианства. Что их объединяет, так это вера в Америку как «сияющий город на холме». В силу этого изоляционизм тесно связан с националистическими односторонними действиями. Изоляционизму присуще воззрение, согласно которому США, если у них действительно нет иного выбора, нежели вести дела с ненавистными и уступающими им в силе чужаками, должны полностью контролировать ход вещей, ни при каких обстоятельствах не подчиняться какому-либо иностранному контролю и даже не позволять просто давать себе советы...»¹³⁶.

С другой стороны, для американского национализма характерен значительный демократический импульс и либеральный подтекст. Поэтому именно в США «...национальная идентичность и американская вера зиждутся на демократии. Какой бы несовершенной ни была их демократическая система, как бы ханжески ни проповедовали ее вовне, эта приверженность демократии ограничивает американскую силу...». Но в современных условиях Соединенные Штаты не могут напрямую господствовать над другими народами. В то же время Ливен признает, что «большинство американского населения отвергает даже не прямое имперское правление». Поэтому в политической жизни США мы можем наблюдать феномен синтеза двух идеологий – демократической и имперской. Комментируя эту особенность современной Америки, Ливен пишет, что «...когда правительство Джорджа Буша представляло американскому народу свои имперские планы, оно тщательно упаковало их, выдав за нечто другое: с одной стороны, за стратегию благотворительности, позволяющую распространять американские идеалы свободы и демократии, с другой стороны, за главный элемент защиты американской нации. Дело в том, что хотя многие американцы и не настроены ультра националистически, они тем не менее воинственно реагируют на каждое оскорбление Соединенных Штатов...»¹³⁷.

¹³⁵ Там же. – Р. 5.

¹³⁶ Internationale Politik. – 2004. – № 5. – Р. 5.

¹³⁷ Там же. – Р. 6.

В целом, Ливен зарекомендовал себя как один из наиболее активных и последовательных критиков американской администрации Джорджа Буша-мл. Комментируя, например, итоги 2006 года в американской политике и делая прогноз относительно возможных перемен, А. Ливен указал на то, что «...Соединенным Штатам я бы пожелал нового президента, но, конечно, этого не произойдет в 2007 году. Я бы искренне пожелал Америке другую, кардинально новую стратегию на Ближнем Востоке, которая базировалась бы на основе выводов комиссии Бейкера–Гамильтона, которые президент Буш уже успел забраковать...». Ливен высказал мнение, что политика Соединенных Штатов в целом не отвечает национальным интересам Америки как в общем, так и в региональном измерении: «...говоря об американской стратегии в отношении бывшего СССР, я бы посоветовал США более фокусироваться на обеспечении стабильности и прогресса и освободиться от одержимости, с которой многие пытаются оттолкнуть Россию...». С другой стороны, Ливен отметил, что, вероятно, США придется решать новые задачи, отвечая на качественно иные природные, но не политические вызовы: «...я бы пожелал, чтобы внешняя политика США стала более реалистичной. Она должна решать более насущные проблемы, такие как, например, проблема глобального потепления, и быть менее одержимой распространением американского влияния по всему миру...».

III. АКАДЕМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

3.1. Неомарксистская традиция в американской науке международных отношений (основные аспекты теории Иммануила Валлерстайна)

Иммануил Валлерстайн – один из старейших, но и один из наиболее влиятельных американских политологов, исследователей и теоретиков внешней политики. Валлерстайн – один из признанных авторитетов современного неомарксизма, работы которого переведены на ряд европейских языков и пользуются заслуженным уважением у исследовательского сообщества.

Методологически теоретические построения И. Валлерстайна основываются на миро-системном анализе, под которым он понимает «...протест против способов, которыми было структурировано для всех нас социальное научное исследование при его возникновении в середине XIX века. Этот метод исследования стал набором неоспоримых допущений а priori. Миро-системный же анализ утверждает, что этот метод научного исследования, практикуемый во всем мире, оказал в большей степени эффект закрытия, нежели вскрытия многих наиболее важных и наиболее интересных вопросов. Находясь в шорах, сконструированных XIX веком, мы не в состоянии выполнить социальный заказ, чего хотим мы и чего ждет от нас остальная часть человечества, – рационально представить лежащие перед нами реальные исторические альтернативы. Миро-системный анализ родился как моральный и как политический, в его самом широком смысле, протест. Однако именно на основе научных требований, т. е. требований, относящихся к возможностям системного знания о социальной реальности, миро-системный анализ бросает вызов господствующему методу исследования...». Конкретизируя свой метод, Валлерстайн указывает на то, что именно «...анализ мировых систем – это призыв к конструированию исторической социальной науки, которая чувствует себя комфортно с неопределенностями перехода, которая вносит вклад в трансформацию мира, объясняя выбор без обращения к вере в неизбежный триумф добра. Анализ миро-систем – это призыв открыть затворы, которые удерживают нас от исследования многих арен реального мира. Миро-системный анализ – не парадигма исторической социальной науки. Это призыв к спору об этой парадигме...».

Анализируя особенности развития современной системы международных отношений, И. Валлерстайн высказывает предположение, что она переживает глубокий кризис и, вероятно, может вообще перестать существовать в современном виде. По мнению Валлерстайна, современная капиталистическая система истощила свои ресурсы и уже не имеет перспектив и возможности для развития: «...современная мировая система приближа-

ется к своему концу и вступает в эпоху перехода в некую новую историческую систему. Ее контуры мы пока не знаем и не можем их предвидеть, но структуры ее мы активно помогаем создавать. Мир, который мы „знаем” (в смысле узнавания), был капиталистической мировой экономикой, окруженной такими структурными элементами, которыми мы больше не можем управлять...».

Валлерстайн полагает, что новая система, вероятно, уже не будет содержать те элементы, которые были характерны для старой системы международных отношений. Валлерстайн указывает, что в старой системе существовало три системообразующих элемента, связанных с урбанизацией («...следствие роста городов, урбанизации мира, которая далеко продвинулась и полностью завершится в течение ближайших 25 лет. Это процесс неизбежного возрастания стоимости труда, его доли в создаваемом продукте...»), истощением ресурсов («...второй является следствием длительного процесса экстернализации производственных издержек, который приводит к экологическому истощению природы...») и процессом постепенной демократизации мира («...демократизация мира, что ведет к постоянно растущим требованиям увеличить расходы государства на образование, медицину и социальные гарантии...»).

Одна из исходных посылок анализа И. Валлерстайна состоит в том, что мир на протяжении Новой истории развивался чрезвычайно быстро и динамично. Именно эта динамика и стала основой не менее динамичного темпа изменения международной системы в XX веке: «...если взять больший исторический период, к примеру, последние 500 лет – время существования модерна мировой системы, то изменения покажутся разительными. В этот период наблюдается возникновение мировой капиталистической системы и выдающиеся технологические перевороты. Тем не менее не исключено, что мы переживаем конец модерна, что современный мир находится в заключительной фазе кризиса и вскоре социальная реальность станет похожей, вероятнее всего, на реальность в XIV веке. Крайние пессимисты предрекают, что инфраструктуру мировой экономики, в которую пять веков вкладывались труд и капитал, ожидает участь римских акведуков...»¹³⁸.

Анализируя современные международные отношения, Валлерстайн указывает на то, что вся их история в XX веке может быть разделена на три периода. По мнению американского исследователя, именно XX век отмечен наиболее динамичными темпами развития. Валлерстайн полагает, что «...первый подпериод начинается в 1945 году и продолжается примерно до 1970 года. Второй период начинается около 1970 года и идет до 2001 года. И третий период начинается после 2001 года и продолжается сей-

¹³⁸ См.: Wallerstein I. The West Capitalism, and The Modern World-System / I. Wallerstein // International Review. – 1992. – Vol. XV. – № 4. – P. 561 – 619.

час...»¹³⁹. Валлерстайн указывает на то, что стартовые условия американской внешнеполитической стратегии после завершения Второй мировой войны не были предопределены. Хотя, по мнению Валлерстайна, у США уже тогда была уверенность, что они должны играть некую особую роль в мире: «...в конце Второй мировой войны было очень мало ясного в том, что представляет собой мир. Что было понятно? 1945 год – это момент, когда Соединенные Штаты становятся неоспоримой державой-гегемоном. И одним из оснований этой гегемонии был факт, что только США обладали огромной индустриальной системой. Эта индустриальная база не была уничтожена. Понятно, что Россия потерпела колоссальные потери. Ну и также Япония, и Великобритания. И Соединенные Штаты единственные вышли из войны не просто с неповрежденной промышленностью, а со значительно укрепившейся индустриальной базой. Уже один этот факт сам по себе создал ситуацию, когда американское промышленное производство достигло такого уровня эффективности, ценовой и технологической, что они могли расправиться с любой промышленностью, они могли ее победить на ее собственной домашней территории...». Именно в таких условиях, после завершения Второй мировой войны, США и выстраивали свою внешнюю политику¹⁴⁰.

Что же она из себя тогда представляла и почему оказалась такой успешной? По мнению Валлерстайна, истоки такой успешности американской внешнеполитической стратегии состоят в том, что США отказались от довольно популярной точки зрения, которая сводилась к тому, что США должны лидировать в мире, определяя не только свою внешнюю политику, но и направляя внешние политики других государств. Но выбор США был иным: «...Соединенные Штаты начинают восстанавливать экономики других стран. Соединенные Штаты начинают размещать свое производство, помогать населению, которое пострадало от ужасов войны. И мы знаем, что в 1945 году даже некоторые развитые страны в центре миросистемы сталкиваются с голодом. То есть, это была уникальная ситуация. Огромный отрыв от всего остального мира дал Соединенным Штатам возможность создавать, формировать мир так, как, в общем-то, они считали необходимым. Соединенные Штаты имели не только колоссальную экономическую базу, но и огромные вооруженные силы. Просто надо вспомнить, насколько сильными вышли США из Второй мировой войны...». Но после завершения войны перед США стояла задача выработки внешнеполитической стратегии в отношении СССР.

Развивая эту идею, Иммануил Валлерстайн указывает на то, что во внешней политике США особую роль играла идея, что Америка историче-

¹³⁹ См. про этот аспект теории И. Валлерстайна: Wallerstein I. *After Liberalism* / I. Wallerstein. – N.Y., 1995.

¹⁴⁰ См.: From Good Times to Bad? Trajectory of the World System. 1945–2025 / ed. T.K. Hopkins, I. Wallerstein. – N.Y., 1996.

ски предназначена для того, чтобы доминировать в мире и быть лидирующим государством. И то, что «...в 1945 году Соединенные Штаты стали гегемонистской державой в мировой системе – самой сильной в экономическом, военном, политическом и даже культурном отношении нацией...», было бы невозможно без значительных культурных предпосылок. И в такой ситуации И. Валлерстайн действительно показывает, что идеологический контекст в утверждении американской гегемонии сыграл не самую последнюю роль: «...официальная идеологическая линия была тройкой: Америка – величайшая страна в мире (узкий национализм); Америка – лидер „свободного мира” (национализм богатых белых стран); Америка – защитница универсальных ценностей свободы личности и свободы возможностей (оправдываемых с точки зрения кантовских категорических императивов)...»¹⁴¹. Но и перед Америкой, которая ощущала свое моральное превосходство, стояла задача формирования своего отношения к Советскому Союзу и его внешней политике – в первую очередь, к тому, как СССР относился к Америке и другим западным демократиям.

Валлерстайн полагает, что отношения между двумя сверхдержавами на том этапе были далеки от стабильности, но он указывает на то, что США и СССР смогли выработать такие стратегии, которые позволили им избежать военной конфронтации и военного столкновения. Валлерстайн высказывает предположение, что между СССР и США было достигнуто негласное соглашение о фактическом разделе мира: «...перед Соединенными Штатами стояла проблема Советского Союза. Что делать с СССР? СССР был единственным государством, имевшим сопоставимо огромную армию. Сила Советской Армии, огромной армии, которая не была демобилизована так, как была демобилизована после войны американская армия, тому были свои политические причины, представляла большую угрозу. В сущности, что, я считаю, случилось? И это не такой взгляд на вещи, с которым все согласятся. Что де-факто Соединенные Штаты предложили СССР сделку. Кодовое обозначение для этой сделки – это Ялта. Ялта – это не просто место, Ялта – это символическая идея, это символ тех взаимоотношений, которые Соединенные Штаты предложили СССР. Я считаю, что у этой сделки было три компонента. Первое: хорошо, советские армии дошли до реки Эльба и дошли до реки Ялу на границе с Кореей. Это примерно треть всего мира. Мы, Соединенные Штаты, признаем эти границы. Это советская сфера влияния. Вы получили свою треть мира, а мы получаем за это наши две трети. И мы договариваемся, что мы не будем заниматься никакими военными делами в вашей части мира, мы не попытаемся вооруженным путем изменить ситуацию в вашей трети. И, в общем-то, это соглашение с 1945 по 1995 год соблюдалось полностью. Необходимо при-

¹⁴¹ Валлерстайн И. Ни космополитизм, ни патриотизм / И. Валлерстайн // Логос. – 2006. – № 2.

знать, что ни разу, ни разу, ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не нанесли друг по другу удара. Ни разу, нет ни одного примера, когда они попытались бы нанести такой удар. Нет ни одного изменения границ между двумя блоками...»¹⁴². Именно этот разделенный мир и стал ареной американо-советского противостояния, с одной стороны, и, с другой, той сферой, где США и Советский Союз пытались реализовать свои концепты не просто собственной внешней политики, но и определить магистральные направления развития других государств.

В такой ситуации политика Соединенных Штатов должна быть не просто максимально продуманной, но привлекательной для внешнеполитических партнеров Америки. После Второй мировой войны США серьезно озаботились проблемами своего имиджа на международной арене. Это было результатом того, что Европа после войны нуждалась в экономической помощи и ожидала серьезных экономических вливаний. И хотя возможность прихода в экономику Запада СССР казалась призрачной, США, тем не менее, предприняли немалые усилия, чтобы именно ее экономика вышла за пределы США и стала существенно определять развитие экономики в Европе: «...американцы понимали, что нельзя быть самой сильной экономикой в мире, если у вас нет клиентов. Мы должны были своих покупателей создать. Но Советскому Союзу было сказано, что мы вам не дадим ни пенни, ни копейки, у вас своя зона, вы создаете в своей зоне свой совершенно особый мирок, который не должен вступать в экономическое взаимодействие с нашей зоной. Мы занимаемся нашей зоной. В нашей зоне находятся наши клиенты и покупатели. Вы не являетесь таковыми. Делайте, что хотите в своей зоне. И третье – мы наблюдаем, что развернулась идеологическая «холодная» война. Я бы хотел сказать, в чем она заключалась. Мы, американцы, использовали язык тоталитаризма. Мы говорили, что вот есть свободный мир, а есть тоталитарный, диктаторский мир, который нам противостоит. У вас в Советском Союзе была своя идеология. Вы говорили, что есть мир социализма и есть ужасный империалистический, капиталистический мир...»¹⁴³. Иными словами, США вступили в острое идеологическое противостояние с СССР, в рамках которого использовали и идеологический компонент: осознав, что в своем экономическом противостоянии с советским блоком постоянные ссылки на его тоталитаризм могут быть крайне полезными для занятия новых позиций в мире как экономических, так и политических.

В условиях такой конфронтации, политической и идеологической, США и СССР достаточно четко понимали, что они не могут выйти за рамки границ, которые установились в их отношениях и были негласно опре-

¹⁴² См.: Wallerstein I. The West Capitalism, and The Modern World-System / I. Wallerstein // International Review. – 1992. – Vol. XV. – № 4. – P. 561 – 619.

¹⁴³ См.: From Good Times to Bad? Trajectory of the World System. 1945–2025 / ed. T.K. Hopkins, I. Wallerstein. – N.Y., 1996.

делены после 1945 года. Несмотря на все периодические кризисы на Западе, военные конфликты, антикоммунистические восстания в советском блоке, ни США, ни СССР не стали вмешиваться в дела друг друга, предпочтя конфронтации сохранение существовавшего статус-кво: «...были и моменты кризиса. Корейская война, борьба вокруг Берлина, китайские проливы, Карибский кризис, поставка ракет на Кубу. Были разные восстания в советском блоке. Было восстание в 1953 году в ГДР, в 1956 году в Венгрии, в Чехословакии, в Польше. Но обратите внимание, во-первых, Соединенные Штаты ни разу не попытались воздействовать военным образом на советские действия по подавлению восстаний. И, во-вторых, каждый раз мы возвращались к статус-кво. Посмотрите, в Корею после стольких жертв мы вернулись к состоянию, там, где мы начинали эту войну. В ГДР страну разделили вокруг Берлина, мы остались там, где проходили линии разделения. Куба осталась советской зоной. То есть, везде каждый раз, когда доходило хоть чуть-чуть до угрозы настоящей войны, обе сверхдержавы знали, где остановиться. Вот таким образом соблюдалось Ялтинское соглашение. Конечно, восточно-европейские народы, люди, которые участвовали в восстаниях против советской власти в Восточной Европе, чувствовали очень большой цинизм в отношении Соединенных Штатов...»¹⁴⁴. Вероятно, полагает Валлерстайн, на определенном этапе США не просто мирились с существованием СССР, но оно и отвечало их интересам: чем страшнее была угроза со стороны восточного блока, тем было легче контролировать американских союзников в Западной Европе.

Постепенно США изменили свою политику. Они были вынуждены отказать от прямого и непосредственного вмешательства в дела Запада. В такой ситуации политика Соединенных Штатов меняется, становясь иной и более продуманной: «...Соединенным Штатам пришлось восстанавливать довольно значительную часть мира, пришлось вкладывать очень большие деньги в Западную Европу. Это так называемый план Маршалла. То же самое пришлось делать для Японии. Но в Японии это было сделано под прикрытием корейской войны, в качестве военной помощи для укрепления фланга против коммунизма на Дальнем Востоке. Там же, в общем-то, это помогло Южной Корее и Тайваню. Но посмотрите, что случается. Проблему решили после 1945 года, но где-то через 20 лет, где-то в 60-е годы уже и Япония, и Германия, и Западная Европа поднялись до такого уровня, что они уже могли конкурировать с американской продукцией. Это была совершенно другая ситуация в сравнении с 1945 годом. Где-то с 1965 года Соединенные Штаты не могли уже свободно вторгаться на рынки товаров Европы и Японии. Более того, они начали на равных конкурировать на рынках третьих стран. В какой-то момент Япония и Европа начали проникать на американский рынок. Так что можно сказать, что где-то

¹⁴⁴ См.: Wallerstein I. After Liberalism / I. Wallerstein. – N.Y., 1995.

уже к концу 60-х годов возникает, грубо говоря, некий паритет. Паритет – это когда чуть больше в одном секторе, чуть меньше в другом. Но, тем не менее, сложился, существовал экономический паритет в промышленном производстве и экспорте между тремя блоками: Западной Европой, Японией и Соединенными Штатами...». Но, анализируя эти особенности послевоенной политики Запада и США, Валлерштайн указывает на то, что она не была уникальной.

По его мнению, аналогичные процессы были характерны и для противоположного блока, для СССР и его союзников. Валлерштайн указывает, что между двумя послевоенными блоками было много общего: «...примерно что-то такое же происходило и в советском блоке. Мы часто говорим о том, что советский блок состоял из восточно-европейских сателлитов. Мы никогда не говорим о том, что западноевропейские страны были сателлитами США, однако, давайте взглянем реальности в глаза. Они были сателлитами США. Надо было щелкнуть пальцами где-то в Вашингтоне, и немцы, англичане выстраивались по струнке. Они были ничуть не меньше сателлитами, чем Румыния, Польша, Венгрия и так далее. Основой этого положения было американское экономическое могущество. Но по мере того, как Соединенные Штаты теряли свое экономическое могущество в сравнении с Западной Европой, например, то Англия, Франция, Германия получали возможность более свободно вести себя по отношению к Соединенным Штатам. Следующая проблема – это то, что довольно много стран почувствовали, что они вообще не включены в ялтинские соглашения...»¹⁴⁵. И в силу того, что между двумя блоками было много общего, они и столкнулись на одних и тех же участках международной арены.

Ареной, где две супердержавы, США и СССР, попытались выснить отношения и оспорить лидерство друг друга, оказалась Азия, постколониальный мир: «...на юге было огромное количество бывших колониальных стран. И вот первая же большая война в третьем мире, война в Китае после 1945 года. Где будет Китай? В какую сторону пойдет Китай? Мы знаем, точно знаем из рассекреченных документов, что Сталин был против захвата власти в Китае коммунистами. На что Мао Дзе Дун сказал: захватим все равно. И вы понимаете, что возник Китай, возникла также в какой-то момент и Куба. И Советский Союз был туда приглашен, но Советский Союз не создавал Кубу. То же самое с Алжиром, с алжирской революцией и со страшной войной в этой стране. То есть, происходит серия вулканических извержений в третьем мире, которые не вызвал к жизни, не произвел Советский Союз, и американцы не могли их контролировать. Они об этом даже не задумывались в 1945 году. Например, Вьетнам, с которым столкнулись Соединенные Штаты. Соединенные Штаты совершенно не ожида-

¹⁴⁵ См.: Wallerstein I. The West Capitalism, and The Modern World-System / I. Wallerstein // International Review. – 1992. – Vol. XV. – № 4. – P. 561 – 619.

ли столкнуться с такими проблемами во Вьетнаме. И вы знаете, что из этого вышло. Отсюда возникли огромные проблемы. Вы знаете, что в конце 60-х годов Соединенным Штатам пришлось отказаться от золотого стандарта в своей валютной политике. И это напрямую связано с колоссальными расходами, вызванными вьетнамской войной. И вторая причина, которая вынудила Соединенные Штаты девальвировать доллар, – это фактически социальное восстание бедных слоев, которые потребовали и себе лучшей доли в этом новом мире. Во Вьетнаме – надо понять одну фундаментальнейшую совершенно вещь – Соединенные Штаты потерпели настоящее поражение. Именно поражение. Это колоссальный психологический шок для США, но это факт. Маленькая страна, да, конечно, ее поддерживали Советы, ее поддерживал Китай, но, тем не менее, без своей страстности, без героизма своего вьетнамского населения, без национального патриотического подъема вьетнамцев, они никогда бы не могли победить крупнейшую державу мира, но они ее победили. Ну вот, таков вкратце курс истории с 1945 по 1970 год...»¹⁴⁶. Поэтому основной центр тяжести международных отношений переместился из Европы на Восток. С другой стороны, именно этот регион стал тем местом, где США и СССР отработывали механизмы своей внешней политики. Такая ситуация в международных отношениях продолжалась до конца 1960-х годов.

По мнению И. Валлерстайна, 1968 год был очень важной датой в истории международных отношений: «... в 1968 году произошла мировая или, если хотите, миро-системная революция. 1968 год – это приближительная, символическая дата. Начинается все где-то в 1965–1967 годах и продолжается до 1970–1971 года, но 1968 год – это пик. И посмотрите, что происходит. В 1968 году восстания происходят по всему миру. Во-первых, конечно же, студенческие и прочие выступления в Англии, во Франции, в Соединенных Штатах. Даже в Португалии, которая на тот момент еще является фашистской диктатурой. А затем, посмотрите на то, что можно назвать коммунистическим миром, советским миром. Я считаю, что китайская культурная революция была частью мировой революции 1968 года. Ну и, конечно, довольно важные события в это время происходят в Чехословакии, в Венгрии, в Польше и так далее. Везде происходят восстания против правящей бюрократии. Ну и теперь посмотрите на Третий мир. Сенегал, Тунис, Египет, где-то что-то все время бродит, происходят революции. Я бы сказал, что не столько революции, какое-то восстание, – происходит серия взрывов. Как правило, основной удар идет из студенческого населения. Также в этом участвуют другие группы рабочего класса, меньшинства. Теперь поглядите, какова главная тема 1968 года. Несмотря на огромную разницу в странах, несмотря на огромную разницу в политиче-

¹⁴⁶ См.: From Good Times to Bad? Trajectory of the World System. 1945–2025 / ed. T.K. Hopkins, I. Wallerstein. – N.Y., 1996.

ских системах, конечно, везде возникает масса местных проблем, но, тем не менее, есть четкий общий вектор. Все говорят: мы не любим американское господство, американскую гегемонию, но мы также и не любим, что Советский Союз фактически сотрудничает с Соединенными Штатами. Самое, наверное, четкое выражение подобной тенденции было у китайцев. Есть две сверхдержавы, есть США и Советский Союз. А потом идут уже все остальные страны, от Франции до Бразилии, от Великобритании до Южной Африки, в общем-то, весь остальной мир. Вот есть две сверхдержавы, которые управляют миром, Соединенные Штаты – гегемон и Советский Союз – другой гегемон. Они поделили между собой мир, но я это называю ялтинской сделкой. И посмотрите, протест против двух сверхдержав вы наблюдаете и в Европе, и Соединенных Штатах, и в Китае...»¹⁴⁷. Именно 1968 год и последовавшие за ним события окончательно подтвердили и зафиксировали раскол мира на два блока. В такой ситуации все страны, даже такие региональные державы, как Франция в Европе, Бразилия в Южной Америке, ЮАР в Африке могли только развиваться в фарватере США или СССР. Очевидно, что географическая и культурная близость к Америке определили их выбор именно в пользу Соединенных Штатов.

Существование в мире двух центров притяжения, то, что отношения между этими двумя державами и их союзниками были стабильными и даже относительно динамично развивающимися, подчеркивает, что мир после 1945 года развивался как система. Но будучи системой мир сталкивался с антисистемными вызовами. По мнению И. Валлерстайна, мир и до этого уже сталкивался с различными антисистемными вызовами. Валлерстайн полагает, что существует три типа вызовов: «...в течение предшествующего столетия было три типа антисистемных движений. Это были социал-демократы, коммунисты и национально-освободительные движения. Все они где-то в конце XIX века приняли стратегию, состоящую из двух этапов: программа-минимум – это захват политической власти в их странах, программа-максимум – изменение всего мира при помощи этой государственной власти. И вот посмотрите, что получилось. К 1968 году программа-минимум выполнена практически везде. Посмотрите, популистские движения в Латинской Америке, национально-освободительные движения в Азии и Африке практически везде по всему третьему миру пришли к власти. Посмотрите, социал-демократы пришли к власти и находятся в ней очень прочно, по крайней мере, они регулярно меняются в рамках двухпартийных или многопартийных систем, они меняются у власти в западноевропейских государствах. И посмотрите, даже консервативные партии того времени в западных государствах приняли на вооружение основную тему социал-демократического движения. Это государство соцбес-

¹⁴⁷ См.: Wallerstein I. *After Liberalism* / I. Wallerstein. – N.Y., 1995.

печения, государство всеобщего благосостояния... То есть, понятно, анти-системные движения добились выполнения первого пункта своей программы. Да, они сделали программу-минимум, они везде пришли к власти. Коммунисты, социал-демократы, национально-освободительные движения. И вот в 1968 году возникает протест против уже самих левых. Их обвиняют „новые левые” в том, что, хорошо, вы добились власти и забрали ее для себя, вы создали политическую власть, которую держите ради собственных привилегий...»¹⁴⁸. Именно благодаря появлению в политической жизни новых левых Запад начал меняться.

Эти изменения проявились в постепенном разрушении существовавшей системы международных отношений, в размывании ее границ. В рамках этого процесса наметились тенденции к разрушению как советского, так и американского блока. Союзники СССР и США попытались найти свой собственный путь развития, который соответствовал в большей степени их интересам, а не интересам двух сверхдержав: «...в советском блоке это начинается с XX партсъезда, с оттепели, с Хрущева и дальше распространяется, распространяется, распространяется. Людям кажется, что они все свободнее и свободнее, и они начинают выражать свое нежелание жить в рамках системы, которую им навязал Советский Союз. Но посмотрите, что происходит. Абсолютно то же самое в западном мире. Посмотрите, простой пример, связанный с Советским Союзом. В 80-е годы Западная Европа хотела построить газопровод из Советского Союза и покупать советский газ. Соединенные Штаты были против этой сделки. Они совершенно прямо сказали: это ужасная идея. Вы попадете в зависимость от коммунистического Советского Союза. Посмотрите, Франция, ФРГ не обратили на это внимания. Вот это и есть десателлизация, это ничуть не меньший удар по американскому господству, чем возникновение Солидарности в Польше, как удар по советскому господству. То есть, обе сверхдержавы начинают утрачивать контроль над своими сферами влияния...»¹⁴⁹. Такие кризисные тенденции и стали определять развитие американской внешней политики.

Валлерстайн полагает, что в условиях кризиса американского или американоцентричного мира США начали прикладывать массу усилий, чтобы укрепить его стабильность и остановить процесс распада системы американской гегемонии в мире и американского доминирования в отдельных, наиболее стратегически важных, регионах: «...все президенты Соединенных Штатов, абсолютно все, начиная с президента Никсона, с конца 60-х годов, вплоть до Клинтона, включая Рейгана, все президенты практически вели одну и ту же внешнюю политику. Они пытались затор-

¹⁴⁸ См.: Wallerstein I. The West Capitalism, and The Modern World-System / I. Wallerstein // International Review. – 1992. – Vol. XV. – № 4. – P. 561 – 619.

¹⁴⁹ См.: From Good Times to Bad? Trajectory of the World System. 1945–2025 / ed. T.K. Hopkins, I. Wallerstein. – N.Y., 1996.

мозить упадок американской гегемонии тремя способами. Первая мера: хорошо, вы в Западной Европе, в Японии больше не хотите быть нашими сателлитами, мы согласны. Хорошо. Вы выросли, ребятки, вы теперь наши партнеры. Давайте мы создадим механизмы, мы вам дадим право голоса, будем иногда с вами консультироваться, создадим трехстороннюю комиссию. Мы создадим конференцию „большой семерки”, в которой ваши лидеры смогут периодически высказаться по отношению к тому, как вы чувствуете себя в нашем союзе. То есть, у вас будет некая роль в нашем общем союзе...»¹⁵⁰. Но все эти попытки сохранить единство распадающегося мира были связаны и с военной политикой.

Поэтому, развитие международных отношений шло как военное противостояние двух супердержав. В итоге одна из них не выдержала постоянно ускорявшегося темпа, и поэтому уже в 1980-е годы в советском блоке наступил острейший экономический кризис, который к началу 1990-х годов перерос в политический, что и привело к распаду СССР и всей советской системы. В условиях краха биполярной системы Валлерстайн задумывается о том, каким был бы мир, если Советский Союз смог бы выйти из системного кризиса и сохраниться не просто как государство, а как влиятельный актор международных отношений: «...если бы был Советский Союз, подумайте, что бы было. Советский Союз бы выломал руки Саддаму Хусейну. Советский Союз бы послал своего посла, кого угодно и сказал бы: слушай, из-за тебя мы не собираемся настолько ссориться с американцами. Из-за Ирака мы не собираемся рисковать третьей мировой войной. Но в 1990 году фактически Советского Союза уже нет. Советский Союз не может ничего поделаться с Саддамом Хусейном. Именно потому, что нет больше Советского Союза, Садам Хусейн может пойти на такую авантюру, как вторгнуться в Кувейт...»¹⁵¹. В такой ситуации распад СССР оказался не только очень выгодным для США, Америка поняла и то, что мир стал не таким стабильным, как был раньше. Поэтому некоторые американские интеллектуалы, в том числе и Валлерстайн, ностальгируют о Советском Союзе.

Анализируя современный мир, И. Валлерстайн пытается доказать, что, с одной стороны, он значительно изменился («...мир изменился. Соединенные Штаты уже не так сильны, как прежде. Западная Европа и Япония догоняют Соединенные Штаты по экономическим показателям. И они отходят от них в политическом отношении. Внутри самих Соединенных Штатов выступления угнетенных групп стали носить „этнический” характер и обращаться к универсальным ценностям значительно реже, чем

¹⁵⁰ См.: Wallerstein I. After Liberalism / I. Wallerstein. – N.Y., 1995.

¹⁵¹ См.: Wallerstein I. The West Capitalism, and The Modern World-System / I. Wallerstein // International Review. – 1992. – Vol. XV. – № 4. – P. 561 – 619.

раньше...»¹⁵²), а с другой – стал еще более далек от некоего абстрактного единства не только идеологически, но и политически, и экономически. Этот раскол особенно очевиден в вопросе об обладании ядерным оружием. Валлерстайн полагает, что западные державы, как лидеры современного мира или как государства, которые видят себя на лидерских позициях, пытаются доказать, что развивающиеся страны не должны обладать собственным ядерным оружием: «...Северная Корея и Иран вовсю работают над ядерным оружием. Не исключено, что и остальные государства тоже. Пакистан кровно заинтересован в том, чтобы продолжать вносить в этот процесс свою лепту. Если уж на то пошло, американское правительство искренне надеется, что другие государства ничего не сделают, а Штаты тем временем без помех разовьют имеющийся у них потенциал. А международные секретные службы (возможно, и МАГАТЭ тоже) так или иначе в курсе происходящего, причем уже не одно десятилетие...». Такая стратегия Запада и ответная реакция Азии только еще более усиливают раскол в современном мире на центр и периферию.

Примечательно, что развитые государства и их союзники, региональные державы, сами несут ответственность за то, что такие не очень стабильные и политически предсказуемые режимы, как КНДР и Иран, ведут свои разработки в сфере ядерного оружия: «...Штаты понимают, что их возможности остановить распространение ядерного оружия не так велики, как им бы хотелось. Израиль, разумеется, уже более тридцати лет является непризнанной официально ядерной державой и готов сделать все, что в его силах, чтобы не дать прочим приобрести ядерное оружие, особенно если речь идет о враждебных государствах в его регионе, например, Иране. Но с этим Израиль ничего поделать не может. Бомбить иранские военные объекты было бы слишком опрометчивым шагом с его стороны, хотя израильтяне как последние из приверженцев Realpolitik вполне могут на него решиться...». Это еще раз подчеркивает, что мир, искусственно или исторически разделенный на развитый Север / Запад и менее развитый, но стремящийся активно развиваться Восток / Юг, будет существовать в условиях, при которых одни страны будут стремиться разрушить систему, как не отвечающую их потребностям, а другие, наоборот, будут направлять свои усилия на сохранение существующего положения.

Но, по мнению И. Валлерстайна, некоторые страны Запада стремятся не просто к сохранению статус-кво, но пытаются проводить активную внешнюю политику, направленную на радикальную перестройку мира. Это – один из вариантов преодоления различий между центром и периферией, но, как полагает американский исследователь, далеко не самый лучший. Такую стратегию мы, например, можем наблюдать в политике США

¹⁵² Валлерстайн И. Ни космополитизм, ни патриотизм / И. Валлерстайн // Логос. – 2006. – № 2.

на Ближнем Востоке. В 1990-е годы политическая элита США пришла к пониманию того, что разрыв в уровнях политического развития, точнее – в степени проявления свобод и демократических ценностей, огромен. В такой ситуации к концу XX века у американского руководства возникает идея постепенной демократизации периферии: «...первым номером в списке идет перестройка Ближнего Востока. Сюда входят три ключевых задачи: уничтожить враждебный режим, подорвать мощь (и, возможно, нарушить территориальную целостность) Саудовской Аравии и навязать свою волю палестинцам, создав бангустаны. Потому-то они незамедлительно занялись Сирией, сделав из нее очередное "пугало" для США...». Но и такая политика США далека от последовательности: приступая к ликвидации одной периферии, Америка вовсе не хочет ликвидировать и все остальные.

Но, по мнению И. Валлерстайна, американская политика, направленная на ликвидацию периферии в Ираке, имеет весьма специфический характер. США, по его словам, не стремились просто сместить правительство Саддама Хуссейна: «...Штатам нужно послушное правительство, которое будет, с одной стороны, поддерживать порядок в стране, а с другой – будет де-факто союзником Штатов на мировой арене. То есть, им нужно государство, которое не станет особенно вмешиваться в палестино-израильский конфликт, не позволит французам или русским превзойти США в экономическом отношении, не обернется прибежищем исламистов или "террористов" и не станет разрабатывать ядерное оружие. Им нужно государство наподобие Египта или Иордании. И, разумеется, США нужно государство, которое позволит им разместить на своей территории американские военные базы, если в том возникнет необходимость. До всего прочего (права на организацию движений оппозиции, гражданских прав, прав женщин) США никакого дела нет, при условии, что приведенное ими к власти иракское правительство не будет делать ничего такого, что могло бы скомпрометировать Штаты на международном уровне...». Такая американская политика в отношении Ближнего Востока подчеркивает, что Ирак был важен для американских неоконсерваторов, с геополитической точки зрения, как территория, которую не просто можно контролировать, но и как территория, которую надо использовать.

Анализируя перипетии американской стратегии в Ираке, И. Валлерстайн указывает на то, что Америка может и не достичь поставленных целей – быстро демократизировать страну, превратив ее в стабильное и не просто политически устойчивое, но и демократическое государство. По его словам, подобная политика США в Европе уже не просто продемонстрировала, но и доказала то, что она не имеет перспективы: «...мы видели, что произошло в Югославии, когда развалилось федеративное государство. Все образовавшиеся в результате этого распада страны, кроме одной, все

равно не были этнически однородными. При этом каждое из этих государств оказалось в руках доминирующей этнической группы, стремящейся привести население к однородному составу, не гнушаясь, при необходимости, и этническими чистками. Если же, как в случае с Боснией, с этническим большинством трудно было определиться, страна распадалась, фактически, на три государства в государстве. Зачем же иракцам брать югославскую модель за образец?...». Таким образом, И. Валлерстайн прогнозирует крах американской стратегии демократизации в Ираке. В результате ситуация может стать не просто более худшей, но и более опасной, чем была до начала военной операции в Ираке. Это указывает на то, что центр и периферия идут совершенно разными путями и активное вмешательство центра, даже в форме военной оккупации, не может радикально улучшить ситуацию.

Неудача Центра в деле демократизации периферии стала результатом не просто того, что периферия принадлежит к числу тех регионов, которые в свое время выпали из железной логики процесса глобализации. Они, наоборот, приняли в ней участие, но степень этого участия несравнимо меньше роли Европы и Америки: «...США уже не сможет жить не по средствам, за счет всего остального мира. Американцы почувствуют то же, что чувствуют страны третьего мира, когда им приходится проводить структурные перестановки по указке МВФ, грубо навязывающего им свой уровень жизни. По всей Америке правительства штатов находятся на грани банкротства – и это предзнаменование грядущих последствий. А история не преминет заметить, что в условиях неблагоприятной экономической ситуации в США правительство Буша сделало все от него зависящее, чтобы ее еще больше усугубить...». Крах демократизации периферии вызван не недостатками самой периферии. Он стал результатом того, что Центр ослаб и не в силах проводить такую политику, о которой мечтает крайне правое крыло американского политического спектра, заметно усилившееся после прихода к власти администрации Дж. Буша-мл.

С другой стороны, сама периферия, например Ирак, вовсе не стремится к тому, чтобы однозначно принять западные нормы и стандарты, характерные для Запада – США, которые им Запад в лице Америки пытается предложить: «...первая проблема – можно ли создать постоянное правительство в Ираке. Сейчас ясно, что иракский национализм рвется вперед на политическом фронте этой страны. Единственное, в чем духовные и светские лидеры шиитов и суннитов приходят к соглашению, – это то, что Ирак должен возродиться как единое государство, окрепнуть в экономическом плане и утвердиться политически как сильнейшая держава в арабском мире. Очень немногие шиитские или суннитские лидеры заинтересованы в создании многопартийной системы, со сменяющимися друг друга правительствами и расширенными гражданскими правами. Скорее, наоборот. Им нужна твердая рука государства. Вероятнее всего, возникнет не-

обаасистское государство, которое будет отличаться от предыдущего по трем пунктам. Управлять им будут совместно шииты и сунниты, а не одни сунниты. В нем будет сильна исламская составляющая, в отличие от классического светского баасистского режима, – и первыми от этих перемен пострадают женщины. И в-третьих, Аяад Аллави претендует на роль нового Садама Хусейна, после того как он расправится с настоящим Саддамом на судебном процессе, возможно, и не публичном...». Иными словами, как бы ни пытались Соединенные Штаты демократизировать Ирак и построить на его территории государство западного типа, устойчивую демократию, Центр неизбежно сталкивается с тем, что традиционные и, вероятно, архаические, институты периферии в этой конкуренции одержат верх.

И в этот момент в противостоянии периферии и Центра о себе дает знать новая сила – национализм. Но это совершенно другой национализм, не национализм Запада, это национализм периферии, и в этом состоит его существенная особенность: «...новое иракское правительство не разделяет стремление курдов создать федеральное государство, а курды не готовы признать правительство, которое не собирается уступать принадлежащее им, как они считают, по праву. Курды – народ многочисленный. В большинстве своем они мусульмане-сунниты, но пока исламские настроения в их среде не особенно проявлялись. Курды являют собой классическое националистическое движение. История курдов как народа весьма печальна. После первой мировой войны у них была возможность отделиться и образовать независимое государство, – когда распалась Османская империя... они остались рассеянными по другим независимым государствам - Турции, Сирии, Ираку и Ирану – и ни в одном из них курдов не жалуют...». В этой ситуации примечательно то, что национализм – интеллектуальное и политическое изобретение Центра. На периферию он проник позднее благодаря усилиям восточных интеллектуалов, которые получили образование в Европе еще в период колониализма. Иными словами, сам Запад поспособствовал возникновению национализма на Востоке, колонизировав его. Что касается политики США в Ираке, то в этом регионе она сталкивается с курдским национализмом, который несет на себе печать истории, о чем речь уже шла выше. Проблема в том, что курдский национализм не просто периферийный, он и политический, и этнический одновременно.

3.2 Основные проблемы внешней политики США в работах Дмитрия Саймса

Среди американских политологов особое место занимает Дм. Саймс, выходец из Советского Союза, который сделал в Америке блестящую научную карьеру и в 1990-е годы стал главой «Фонда Никсона», одним из влиятельных экспертов по России и постсоветскому пространству.

Точка зрения Саймса в отношении формирования внешней политики самым тесным образом связана с проблемами внутренней политики. Иными словами, он принадлежит к числу тех американских авторов, для которых при анализе политической ситуации внутренние аспекты играют столь же важную роль, как и внешняя политика. Саймс указывает на то, что в крупнейших странах Запада и России задачи внутренней и внешней политики после событий 11 сентября оказались подчинены борьбе с терроризмом: «...я не знаю никого в Америке, за исключением каких-нибудь маргиналов-пацифистов, кто бы ставил под сомнение правомерность применения силы в такой ситуации. Второе: те люди, которые захватили заложников, вели себя как профессиональные террористы, готовые пожертвовать жизнями для достижения своей фанатичной цели. Их требования были общеполитического характера. Ни одна уважающая себя держава не может удовлетворять подобные требования, когда захвачены заложники. Можно разговаривать о выкупе, об освобождении кого-то из тюрьмы... Но менять политику государства, исходя из случившегося, нельзя...»¹⁵³. Таким образом, Саймс утверждает примат государства в формировании внешней политики и указывает на то, что государству следует руководствоваться своими национальными интересами и не обращать внимания на деятельность НГО, тем более если это маргинальные организации.

В свое время Дм. Саймс высказал предположение, что проблемы безопасности будут для администрации Дж. Буша-мл. определяющими и наиболее важными. По мнению американского политолога, эта проблема имеет двойственный характер: с одной стороны, США должны постоянно совершенствовать собственные вооруженные силы, с другой – вести борьбу против международного терроризма. Что касается американской оборонной политики и стратегии, то важнейшей проблемой может стать создание собственной американской ПРО. На раннем этапе администрации Дж. Буша-мл. позиция США была недостаточно четкой, и Саймс полагал, что «...подход администрации к противоракетной обороне позволяет предположить, что они могут признать удобным любое действие в любой момент, лишь бы оно привело к должному результату...». С другой стороны, он указывал на то, что «администрация поступает правильно в том, что про-

¹⁵³ Новая газета. – 2002. – 31 октября.

должает курс на создание ограниченной ракетной обороны»¹⁵⁴. Анализируя последствия выхода США из ПРО, Саймс высказал мнение, что реакция мирового сообщества будет в целом сдержанной: РФ не сможет почти ничего предпринять, ЕС убедится в том, что США – непредсказуемый партнер, а Китай, вероятно, сам пойдет по пути США и попытается использовать американский опыт.

Комментируя изменения во внешней политике США после 11 сентября, Саймс констатирует и значительные перемены настроений американского общества в отношении спецслужб. В этом контексте он сравнивает американскую ситуацию с российской. По его словам, в России в условиях слабого развитого гражданского общества имело место усиление и вмешательство спецслужб в общественную и частную сферу. В США наблюдалась обратная тенденция: «...в Америке был накат не спецслужб, а на спецслужбы. В конгрессе прошли слушания по поводу ФБР и ЦРУ. Требовали даже отправить в отставку директора Центрального разведывательного управления. Я подчеркиваю: американское пробуждение после 11 сентября, внезапное американское единство не обернулись попранием гражданских свобод! У нас по-прежнему критикуют и президентскую администрацию, и лично президента. В России ситуация другая. Если в Америке большинство СМИ – коммерческие, политически независимые, то у вас журналисты очень часто озвучивают позицию своего владельца. Если в Америке владелец заинтересован в прибыли, то в России – в отстаивании своих интересов. На ваши СМИ можно давить с разных сторон. Еще одна проблема. Свобода слова эффективна там, где за словом может последовать какая-то реакция. В США эту свободу обеспечивает развитое гражданское общество. Не мне вам говорить о российских реалиях. У вас нет приводного ремня – громкий материал редко вызывает отклик со стороны властей...»¹⁵⁵. Примечательно то, что ответственность спецслужб Саймс связывает и позицией СМИ – если в Америке средства массовой информации, как правило, частные и их позиция вызывает реакцию властей, то в России в условиях усиления государственного влияния нет действенного механизма для налаживания контактов между спецслужбами, СМИ и государством. Поэтому если в США общественность имеет механизмы не только для ознакомления с деятельностью спецслужб, но и для контроля за ними, в том числе и через СМИ, то в России роль спецслужб, в том числе и в формировании внешней политики, остается, как правило, закрытой темой.

С другой стороны, Саймс не отрицает того, что современная американская администрация смогла достичь некоторых успехов в деле борьбы против международного терроризма. Комментируя успехи внешней поли-

¹⁵⁴ Newsday. – 2001. – September, 5.

¹⁵⁵ Новая газета. – 2002. – 31 октября.

тики Дж. Буша-мл., Дм. Саймс, например, пишет, что «...президент Буш многого достиг в деле борьбы с терроризмом – решении главной проблемы нашего времени. Он уничтожил базу организации „Аль-Каида“, в Афганистане, отстранил от власти движение “Талибан”...». Но Саймс указывает и на то, что некоторые внешнеполитические акции США не достигли тех целей, которые планировались их исполнительными и идейными вдохновителями. Самый яркий пример того, что политика США не всесильна, – военная операция и ее результаты в Ираке.

Саймс указывает на то, что США могли избежать военного вторжения в Ирак и попытаться разрешить возникшую кризисную ситуацию мирным путем. По словам Дм. Саймса, «...что касается Ирака, то там были только две реальные альтернативы. Первая – предложить Саддаму урегулирование по типу „услуга за услугу“, то есть позволить ему и его кровавому режиму остаться у власти в обмен на контролируемый отказ от региональных притязаний и попыток заполучить оружие массового уничтожения. Но этот путь не пользовался особой популярностью в Америке...». С другой стороны, по мнению Дм. Саймса, «...вторым вариантом являлась смена режима. Сам сенатор Керри голосовал за этот вариант в 1998 году. Между тем команда Клинтона (многие из этих людей стали впоследствии советниками Керри) предпочитала полумеры: осуществление регулярных авиационных налетов на позиции саддамовской армии, попытки (все менее успешные) поддерживать режим удушающих санкций и проводить секретные акции. Было ясно, что эти шаги не достигают своей цели, но дают Саддаму повод для нанесения ответных ударов по Соединенным Штатам. Поэтому более благоразумным представлялось решить вопрос раз и навсегда, покончив с режимом Хусейна. Не нужно быть неоконсерватором, чтобы прийти к подобному заключению...». Но такая внешняя политика имеет противоречивые результаты. Поэтому перед США встали новые вопросы.

После начала военной операции в Афганистане, после оккупации Ирака, после начала второго президентского срока Дж. Буша-мл. перед американской внешней политикой возникли две крайне сложные задачи. По мысли Дм. Саймса, эти вызовы таковы: «...во-первых, как совместить войну с терроризмом и приверженность созданию безопасного для демократии мира и, во-вторых, как сделать так, чтобы несомненное военное превосходство США способствовало конструктивной деятельности Америки во всем мире, а не провоцировало глобальное противодействие Соединенным Штатам, обрекая их на изоляцию и подвергая серьезным угрозам?...». Эти два вопроса вытекают из неоконсервативного видения внешней политики США, которое утвердилось в американском политическом сообществе в период правления администрации Дж. Буша.

Что касается официальной точки зрения администрации Буша, то Саймс описывает ее следующим образом: США в настоящее время являются наиболее мощной и влиятельной страной, поэтому они в праве самостоятельно решать, как будет проходить борьба против мирового терроризма, и им достаточно поставить другие страны перед фактом своего решения и выбора. Иными словами, «...усиливающий свое влияние союз неоконсерваторов и либеральных интервенционистов твердо придерживается идеи о том, что Соединенные Штаты как мировая демократическая держава-гегемон имеет право и даже морально обязана использовать любые необходимые средства, чтобы спасти мир от жестокости и угнетения и насаждать всюду демократию. До какого-то момента война с терроризмом и шаги по укреплению демократии во всем мире взаимно усиливали друг друга. Президент Буш совершенно прав, утверждая, что демократия, особенно если речь идет о стабильном обществе, где действует власть закона и должным образом защищены права меньшинств, не только имеет нравственное превосходство над авторитарной формой правления, но и наилучшим образом предотвращает возникновение враждебно настроенных радикальных групп, склонных к терроризму...». Но американская внешняя политика исключительно этой точкой зрения не ограничивается.

С другой стороны, в американском политическом и исследовательском сообществе, представленном не только сторонниками последовательной и полной демократизации мира, есть и достаточно мощное крыло сторонников политического реализма, которые «...не соглашаются с неоконсерваторами и либеральными интервенционистами, провозгласившими себя поборниками всемирной демократии, в том, что приоритет свободы и демократии должен стать одним из принципов внешней политики США. Они отдают себе отчет в том, что иногда приходится выбирать между продвижением демократии и налаживанием связей с другими, не всегда полностью демократическими суверенными государствами для противодействия мировому терроризму. Реалисты также осознают, что следует говорить правду хотя бы самим себе и что нельзя обращаться вольно с фактами, пытаясь создать видимость нравственного поведения. Они понимают также и то, что помогать миру добиваться свободы можно разными способами и что эти различия весьма существенны...»¹⁵⁶.

Подобно другим американским политологам, Дмитрий Саймс уделяет значительное внимание и проблемам самой методологии изучения американской внешней политики. По его словам, приступая к анализу тех или иных аспектов американской внешней политики, следует выяснить ее характер – иными словами, ответить на вопрос, является она имперской или нет. Комментируя эту проблему, стоящую перед исследователями, Саймс пишет, что: «...любая дискуссия вокруг внешней политики Вашингтона,

¹⁵⁶ Россия в глобальной политике. – 2005. – № 1.

преследующая реалистические цели, должна начинаться с признания того факта, что, независимо от взглядов и предпочтений американцев, преобладающая часть мирового сообщества видит в Америке зарождающуюся империю. Исходя именно из этого, некоторые государства оказывают поддержку Соединенным Штатам...».

В связи с этим Саймс признает, что многие исследователи рассматривают США в качестве «добропорядочной либеральной империи, способной оградить их от притязаний местных авантюристических режимов». Но исследовательское сообщество в отношении имперской природы Америки далеко от единства. Поэтому «...другие относятся к Америке неприязненно, поскольку она встала на их пути. Есть и те, кто молча приемлет сам факт имперского превосходства США, который нельзя отменить и с которым следует считаться...». Саймс указывает и на то, что проблемы имперского характера внешней американской политики особенно актуальны стали в период администрации Джорджа Буша-мл.

Сторонники внешней политики Буша, по словам Дм. Саймса, «...оспаривают любое упоминание слова "империя", и это понятно. Многие империи прошлого пользовались дурной славой не только по причине их критики представителями оппозиции от национально-освободительных движений до марксистов, но и вследствие их собственной государственной политики...». Истоки такого антиимперского нарратива Саймс склонен искать в истории. По его мнению, политические события XX века в значительной степени дискредитировали само понятие "империи" и "имперской политики": «...наиболее отвратительным воплощением имперского духа явились нацистская Германия и Советский Союз. В то же время утверждается, что Соединенные Штаты не жаждут мирового господства, а стремятся использовать свое влияние в благих целях. Политическая культура и даже система институтов этой страны препятствуют эффективному выполнению ею имперской роли...».

Саймс считает, что такая логика имеет свои основания, но, с другой стороны, она имеет и свои недостатки: «...она отражает скорее нежелание ассоциировать американскую внешнюю политику с негативными "имперскими" стереотипами, нежели глубокий анализ возникновения и функционирования империй прошлого. Несмотря на то, что империи, как и демократии, принимали на протяжении истории самые разнообразные формы, можно выделить ряд общих черт. Во-первых, империи устанавливают господство на обширных и не схожих между собой территориях, населенных различными этническими группами, для которых характерно своеобразие культур и религий. Для поддержания своего господства империи используют широкий набор средств и стимулов: где возможно – политические методы убеждения, экономическое преимущество, культурное влияние;

где необходимо – принуждение и силу...». И в данном случае Саймс вновь вынужден прибегнуть к исторической аргументации.

Саймс указывает на то, что возникновение империй в прошлом и, как результат, начало имперской внешней политики были историческими случайностями: «...возникновение большинства империй произошло спонтанно, а не в соответствии с неким генеральным планом. Нередко их развитие как бы подчинялось законам физики: удачный ход создает количество движения, которое затем сохраняется по инерции. По мере поступательного движения перед империей открываются новые возможности и возникают задачи, значительно расширяющие изначальный круг ее интересов. Так, например, Древние Афины первоначально выступали во главе альянса, разгромившего персов, но в скором времени против воли многих своих бывших союзников превратились в настоящую империю. Один из основоположников реализма Фукидид следующим образом излагает точку зрения Афинского государства: "Эту державу мы приобрели ведь не силой". Дальнейшее усиление нашего могущества определили сами обстоятельства. Вначале это был страх перед персами и соображения нашей собственной безопасности, затем последовали соображения собственной чести и, наконец, выгода...».

Кроме этого, Саймс предостерегает своих оппонентов от абсолютизации негативных сторон имперского политического устройства и имперской внешней политики. По его словам, в исторической литературе значение некоторых империй преувеличено: «...империи не всегда обладают верховной властью на своих территориях. Именно так обстояло дело с Афинами. И именно так произошло с Римской империей на начальных этапах ее становления, когда Рим стремился скорее к превосходству, нежели к непосредственному контролю над зависимыми территориями. И хотя ряд континентальных европейских империй таких, как Австро-Венгрия или царская Россия, действительно установили верховную власть на своих территориях, другие современные империи меньше обращали внимание на формальную сторону дела, довольствуясь определенным преимуществом, необходимым для достижения своих политических и экономических целей...». Именно такие исторические концепты, по мнению Саймса, могут помочь найти ответ на вопрос об имперском или неоимперском характере американской политики.

По мнению Саймса, в дискуссиях об американской имперской политике более важен другой аспект: к концу XX века США стали совершенно другим государством, в корне отличным от Америки середины и тем более начала XX века: «...в прошлом прагматизм внешней политики правящих кругов и мощные сдерживающие факторы извне ограничивали мессианское рвение Соединенных Штатов. Тогда в истеблишменте были широко представлены деловая верхушка страны и юристы. Несмотря на горячую приверженность идеалам Америки и национальным интересам, они весьма

осторожно и гибко реализовывали свои взгляды в сфере внешней политики. Однако поражение во Вьетнаме погубило их репутацию и раскололо их ряды, а последующие демографические и социальные сдвиги привели к диверсификации и демократизации правящих кругов страны. К началу 1990-х прагматически настроенная составляющая новой элиты уже не играла столь важной роли во внешнеполитической деятельности. На смену прежним лидерам, судя по эмоциональным, но мало что объясняющим изображениям на телеэкране, пришли влиятельные, но зачастую безответственные, преследующие односторонние интересы группировки, а также неправительственные организации, намеренные формировать политику, не неся при этом ответственности за последствия...». Такая ситуация, по мнению Дм. Саймса, привела к тому, что политика США стала менее сбалансированной и продуманной.

В чем это нашло свое проявление? США, по словам Дм. Саймса, не просто решили казаться мировым лидером – они решили действительно стать ведущей мировой державой и переустроить мир, согласно американским планам: «...в результате во внешней политике Америка изменила своим принципам обычно великодушного, но не упускающего своей выгоды партнера и занялась своего рода социальной инженерией в глобальном масштабе. Этому способствовали две иллюзии. Дескать, во-первых, международные крестовые походы могут обойтись недорого и, во-вторых, противниками Соединенных Штатов движет слепая ненависть к американским свободам и могуществу, а не своекорыстное недовольство конкретными действиями Америки...». Это, как указывает Саймс, привело к ответной реакции, к которой американская внешняя политика оказалась почти не готова. И эта негативная тенденция в американской политике стала проявляться уже в конце 1980-х годов.

Как указывает Саймс, американская дипломатия и внешняя политика имели немалый опыт контактов с СССР, но ни один из американских аналитиков в 1980-е годы не мог предположить того, что в начале 1990-х годов Советский Союз прекратит свое существование. Распад же СССР без вмешательства со стороны США привел к тому, что в американских правых политических и университетских кругах воцарилась атмосфера некой, не совсем понятной, эйфории. Поняв, что с уходом СССР с международной арены перед США открылись многие, недоступные ранее, возможности, Вашингтон пошел на значительные изменения в своей внешней политике: «...процесс отхода американских лидеров от прагматических принципов происходил одновременно с началом распада Советского Союза. Таким образом, для США был снят основной ограничитель в области внешней политики. На этом фоне возникла новая утопия – идея о том, что США уполномочены и даже обязаны продвигать демократию везде, где это возможно, а также с применением силы, если потребуется. В Вашингтоне эту мысль с энтузиазмом подхватили в сложившемся *de facto* альянсе

агрессивных вильсонянцев и неоконсерваторов. Их вера в то, что Америка должна ни больше, ни меньше как разжечь пожар перманентной мировой революции, имеет больше общего с троцкизмом, нежели с заветами отцов-основателей или даже с решительным, но прагматичным идеализмом Теодора Рузвельта...». В такой ситуации во внешней политике США начинают более отчетливо проявляться ее негативные черты.

Например, как указывает Дм. Саймс, в 1990-е годы США широко начали использовать политику двойных стандартов: «...сегодня слишком часто имеют место двойные стандарты и обман или, по крайней мере, самообман. Например, некоторые американские политики, выступавшие против создания Международного уголовного суда из-за совершенно оправданного беспокойства за суверенитет Соединенных Штатов и боязни судебного преследования американских военных по политическим мотивам, одновременно требовали от новой югославской демократии выдачи своих граждан международным военным трибуналам. Другие убеждали администрацию Клинтона в необходимости игнорировать эмбарго ООН на поставки оружия в Боснию, но при этом высказывали возмущение, когда другие государства нарушали международные санкции. Представители самых разных политических сил грешили двойными стандартами, например, в том, что касается финансирования избирательных кампаний в других странах. С одной стороны, их ужасала сама мысль о возможности получения финансовой помощи из-за рубежа республиканцами или демократами, а с другой – они не уставали повторять, что Америка обязана поддерживать зарубежные политические партии независимо от законов конкретной страны...». Такая политика, конечно, результативна, и Саймс признает это. С другой стороны, он констатирует и то, что такая внешняя политика чревата новыми проблемами – в первую очередь, в двусторонних отношениях США с европейскими и азиатскими государствами.

Подобную политику аналитики могли наблюдать в период администрации Билла Клинтона. Саймс указывает на то, что внешняя политика стала более активной: США пошли на открытые вмешательства во внутренние дела национальных государств: «...усилия Билла Клинтона, направленные на решение гуманитарных проблем и национальное строительство, явились отходом от политики его предшественников. Возможно, действия США в Панамском канале или вторжение в Гренаду и помогли спасти жизни невинных людей, но, в первую очередь, они служили интересам Америки или были направлены на ликвидацию ее явных недругов. Моралистические же проекты Клинтона чаще всего шли вразрез с интересами США. Возьмем, к примеру, Гаити. Соединенные Штаты добились свержения режима деспотической, но, по существу, дружественной Америке хунты, с тем чтобы вернуть власть столь же деспотически настроенному, но гораздо менее дружественному президенту Жану-Бертрану Аристиду. По-

следний, в знак благодарности, восстановил дипломатические отношения с Кубой. Достаточно вспомнить также события в Боснии, когда администрация Клинтона проигнорировала план Вэнса - Оуэна, хотя он давал надежду на быстрое завершение кровопролития...». Но результаты подобной внешнеполитической активизации никогда не были однозначными: США, с одной стороны, добивались упрочнения собственных позиций, с другой – сами создавали в мире антиамериканские настроения.

Рост антиамериканизма, как и проамериканских симпатий и настроений в мире, в первую очередь в Восточной Европе и на Балканах, был регионально и национально предопределен: «...результаты гуманитарных интервенций Клинтона, по меньшей мере, противоречивы. Так, политика США на Балканах позволила хорватам изгнать из Сербской Краины двести тысяч сербов. Политика США также потворствовала радикализму мусульман, и особенно косоваров, не желавших идти на компромиссы. В итоге Босния и Косово до сих пор остаются под протекторатом НАТО, и ни та, ни другая сторона, по-видимому, не готовы воспринять американский идеал межэтнической гармонии...». Иными словами, если в одних странах политика США встречала почти всеобщее одобрение и поддержку, то в других регионах она не вызывала ничего, кроме роста и взрывов местного, как правило, этнического национализма и связанного с ним антиамериканизма.

Это вело к тому, что внешняя политика Америки оказалась не в состоянии своевременно реагировать на внешние угрозы. Америка почти полностью свернула свою деятельность в некоторых сферах, что привело к крайне негативным для США последствиям: «...сконцентрировавшись на гуманитарных интервенциях, администрация Клинтона уделяла недостаточно внимания, сил и средств более насущным проблемам, таким как растущая угроза "Аль-Каиды". В результате неверной расстановки приоритетов был нанесен ущерб отношениям с Россией, произошло непредвиденное охлаждение отношений с Китаем. Как следствие, Америке труднее было заручиться их содействием в борьбе с терроризмом в период, предшествовавший 11 сентября 2001 года. По иронии судьбы напряженность в отношениях с Россией частично способствовала тому, что администрация Клинтона отказалась от поступившего еще в 1999-м предложения Москвы о совместной борьбе против талибов...». После событий 11 сентября США попытались стать подлинным лидером борьбы против международного терроризма.

Но и в этом, как казалось бы, отвечающем интересам всего международного сообщества деле внешняя политика США, по словам Дм. Саймса, дала несколько серьезных сбоев. США уверовали в свою особую роль в мире, в то, что демократические ценности и сама демократия являются высшими достижениями цивилизации, но, с другой стороны, они оказались не в состоянии учесть мнение остального мира: «...недостаток такого

подхода не в демократии как таковой. Либеральная демократия в сочетании с гражданским обществом, правопорядком, соблюдением прав меньшинств и свободным, но регулируемым рынком – это, несомненно, самый гуманный и эффективный способ организации современного общества. Помощник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс совершенно права: мысль о том, что некоторым людям не нужна свобода или что они не готовы взять на себя ответственность, налагаемую демократией, глубоко унизительна. Однако не менее унизительны и заявления о том, будто Америка имеет право навязывать другим народам и культурам демократический строй без учета внутренней обстановки и местных предпочтений. От времен Римской империи и кончая Британской, цивилизация, принесенная на острие меча или штыка, никогда не вызывала чувства признательности сколько-нибудь долго. Почему же высокоточное оружие должно оказаться более эффективным? Вспомним слова Уинстона Черчилля: "Демократия – наихудшая форма правления, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени". Считать, что демократия – это божественное откровение, а Вашингтон – ее провозвестник и всемирный жандарм, – значит отрицать исторические факты и геополитические реалии современного мира...». Таким образом, сама американская внешняя политика несмотря на то, что многие ее цели имеют явно позитивный характер, стала причиной дальнейшего обострения отношений между США и другими государствами, среди которых были и те, в ком Америка пыталась видеть своих союзников.

Но Дм. Саймс признает и то, что среди американской политической элиты и исследовательского сообщества немало сторонников экспорта демократии и повсеместного распространения демократических ценностей. Саймс указывает на то, что «...сторонники активного продвижения демократии привели немало спорных аргументов в пользу того, что насаждение ее есть не только нравственный императив для Соединенных Штатов, но и важнейшая практическая задача...». Один из наиболее распространенных доводов активных апологетов активной внешней политики демократизации состоит в том, что «...демократия станет средством предотвращения терроризма, поскольку, по словам бывшего конгрессмена Ньюта Гингрича, "продвижение –свободы вернейший способ подорвать притягательность террористической деятельности во всем мире"...». Но Дм. Саймс не склонен абсолютизировать позитивные моменты демократии: «последние события свидетельствуют об обратном».

Саймс считает, что американская внешнеполитическая стратегия должна быть более продуманной. Вероятно, США надо позиционировать себя как справедливое и стабильное государство, как развитую демократию, но не как империю: «наша устремленность к демократии не должна проявляться в имперском принуждении. На протяжении многих веков наши лидеры и государственные деятели, начиная с Джона Адамса и кончая

Джорджем Кеннаном и Рональдом Рейганом, советовали Америке быть для мира „...сияющим городом на холме”, взывающим к лучшим чувствам человечества, а не становиться военной империей, требующей от прочих рабской покорности. Разумеется, мы не стали бы возражать против того, чтобы другие страны подражали нам, но важнее иметь общие интересы и трудиться над их продвижением и соблюдением...»¹⁵⁷. По словам Дм. Саймса, США придется отказаться от имперской риторики и тем более от тех действий, которые могут быть поняты в мире как проявления американского империализма.

Саймс указывает на то, что активная демократизация чревата подрывом позиций США в регионе Ближнего Востока: «...на Ближнем Востоке, где в общественных настроениях преобладают антисемитизм и антиамериканизм, введение демократии может, напротив, повысить вероятность возникновения вооруженного конфликта между арабскими странами и Израилем или Соединенными Штатами...». Поэтому не следует абсолютизировать значение демократии во внешней политике: «...если демократия и способна предотвратить конфликт, она вовсе не гарантирует Америке лидирующего положения в мире или хотя бы широкой поддержки со стороны других государств. Так, в ходе иракской кампании демократия явилась тем препятствием, которое помешало Турции выполнить свои обязательства, способствовала не ослаблению, а усилению антиамериканской политики во Франции и Германии. В то же время дефицит демократии в Египте, Саудовской Аравии, Иордании и Пакистане позволил правительствам этих стран выступить единым фронтом с США, несмотря на недружелюбный настрой общественного мнения...». Поэтому Саймс прогнозирует, что внешняя политика США должна серьезно измениться.

Дм. Саймс полагает, что в изменившихся условиях США станут более активно действовать, а их политика будет иметь более односторонний характер, соответствуя исключительно американским национальным интересам и внешнеполитическим целям: «...в целях обеспечения собственной безопасности и безопасности своих союзников Соединенные Штаты должны быть готовы прибегнуть к военным действиям, а при необходимости и к одностороннему вмешательству, но при разработке внешней политики вашингтонским лидерам пора больше внимания уделять практическому анализу государственных интересов. В будущем гуманитарные интервенции под предводительством или на деньги США должны осуществляться исключительно в ответ на открытый геноцид, как, например, Холокост, события в Кампучии в 1970–1980-х годах и Руанде в 1994-м. В противном случае Америке следует избегать косовских ошибок и начинать операции, заручившись мандатом ООН и, что еще важнее, готовностью других стран оказать ей существенную поддержку...». Но, с другой стороны, по мнению

¹⁵⁷ Россия в глобальной политике. – 2005. – № 1.

Дм. Саймса, политика США должна стать более взвешенной и им не следует забывать о международных организациях, прислушиваясь к их мнению.

Но Саймс признает, что американская внешняя политика далека от этой схемы. По его словам, политика двух последних американских администраций Билла Клинтона и Дж. Буша-мл. была достаточно активной, но почти не подкрепленной теоретически и методологически: «...насушенные внутренние интересы и шок 11 сентября подтолкнули США на опасный путь империалистической экспансии: Вашингтон снова обратился к сформированной во времена Клинтона концепции "поголовной демократизации". Сегодня Америке жизненно необходим другой подход, предусматривающий решительное, но вместе с тем реалистичное и разумное применение силы, при котором соблюдение американских интересов и защита американских ценностей сочетались бы с открытым осознанием собственного мирового превосходства. Только в этом случае Америке удастся максимально использовать преимущества своего положения, не ввязываясь в дорогостоящие, рискованные и второстепенные проекты, которые лишь подрывают ее способность к лидерству...». Концепция демократизации, конечно, имеет в США немало сторонников, но, как полагает Саймс, у нее еще больше недостатков. Именно она толкает США на путь изоляционизма, односторонних действий, что, по его мнению, крайне опасно в условиях роста террористической угрозы.

Такая политика одностороннего вмешательства может привести к противоречивым результатам в Иране. Дм. Саймс указывает на то, что среди американцев мнения относительно Ирана разделились – одни выступают за радикальное разрешение проблемы, другие – против. Перед администрацией Дж. Буша-мл., в свою очередь, также стоит очень сложный выбор. Точнее, перед ней два пути. Первый – консультации и переговоры в сочетании с экономическим давлением, второй – военная операция. Но Саймс скептически оценивает возможности США в сфере давления на Иран не потому, что они не имеют политического ресурса, а из-за того, что правящая элита Ирана не склонна уступать Западу: «...сомнительные возможности оказать на Иран экономическое давление выносят на повестку вопрос о военной операции. Кредо американской внешней политики гласит: в крупном споре никогда не исключай публично силовой вариант. Но очевидно, что администрация Буша предпочтет избежать военной операции. Конечно, теоретически Америка может легко победить Иран. Но вторая оккупация в дополнение к Ираку – непривлекательная перспектива для Соединенных Штатов. Наши военные силы уже на пределе, наш бюджетный дефицит – огромен, а отношения с мусульманским миром – слишком сложны...»¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Независимая Газета. – 2006. – 10 февраля.

Анализируя иранскую проблему, Дм. Саймс, указывает на то, что США не в состоянии решить ее самостоятельно. Им придется с одной стороны ориентироваться на мнение международного сообщества, с другой – учитывать мнение Российской Федерации. Саймс предполагает, что РФ, подобно США, не заинтересована в том, чтобы Иран стал ядерной страной: «...России не нужен Иран с ядерным оружием. А правительство российского Президента Владимира Путина очень хорошо понимает, что в интересах России быть на стороне США в таком важном вопросе, как этот, в особенности когда Вашингтон действует согласованно с крупными европейскими державами. Но Тегеран с ядерной бомбой представляет куда меньшую реальную угрозу для России, чем для США. Те на Западе, кто повторяет, как заклинание, что "исламистский" Иран с ядерным оружием стал бы угрозой для безопасности России, очевидно, не осознают, что Иран, с точки зрения Москвы, ведет себя, в общем и целом, как "ответственный гражданин" в окружении России...»¹⁵⁹. Иными словами, США и Российская Федерация должны скоординировать свои усилия на том, чтобы направить ядерную программу Ирана на мирные цели.

Подобно другим американским политологам Дм. Саймс уделяет значительное внимание и проблемам трансформации постсоветского пространства. Саймс, как и большинство американских интеллектуалов, указывает на то, что США должны активно пытаться влиять на те процессы, которые имеют место в бывших советских республиках. С другой стороны, он признает, что некоторые внешнеполитические меры США в этом регионе имели обратный результат и не соответствовали политическим ожиданиям и предпочтениям США. Иными словами, пытаясь трансформировать постсоветское пространство, США ослабили собственную способность «...снизить риск атак с применением оружия массового уничтожения...».

Отношения к РФ в рамках американского политического и исследовательского сообщества далеко не однозначны. Многие американские политики склонны в отношении России руководствоваться стереотипами времен холодной войны и активного американо-советского военного и политического противостояния. Такая точка зрения основывается на том, что Россия не имеет четкой политики, не стремится следовать по пути демократических реформ, а возвращается к авторитарным методам. С другой стороны, Саймс полагает, что отношения между двумя державами далеки от стабильности: «...США демонстрировали бы большую чувствительность к интересам других ведущих держав, они все равно не получили бы должной отдачи. Россия часто упоминается в этом смысле. И, возможно, в этом есть доля истины. Очевидно, Москва была далеко не идеальным партнером для США, и при своем нынешнем ощущении подъема Россия

¹⁵⁹ The Financial Times. – 2006. – April 6.

вполне могла бы отказаться следовать в фарватере американской дипломатии даже при самых благоприятных обстоятельствах. Однако внешняя политика – это искусство возможного: существует диапазон между тотальным отторжением и полным подчинением. И то, где находится Москва в этом диапазоне, может иметь важное значение для США...».

Дм. Саймс высказал мнение, что в истории отношений между США и РФ можно выделить два этапа. Первый этап связан с правлением администрации Билла Клинтона и президента Б. Ельцина, второй – администрации Дж. Буша-мл. и В. Путина в России. Если в 1990-е годы США искали максимально удобный вариант отношений с РФ, то на современном этапе они отказались от политики давления на Россию, став принимать во внимание и фактор российских интересов: «...в администрации США стали осознавать: прямое давление на Москву, когда речь идет о внутренних реформах в России, редко срабатывает, и что демократические реформы на постсоветском пространстве проходят нелегко и имеют свою специфику. Самым свежим тому подтверждением для многих из тех в Вашингтоне, кто поддерживал "оранжевую революцию", оказался недавний политический кризис на Украине. Кроме того, в администрации Буша раньше не видели особых противоречий в политике, которая, с одной стороны, заключалась в том, чтобы развивать стратегическое партнерство с отдельными странами, а с другой – одновременно изменять эти режимы...»¹⁶⁰.

В период чеченского конфликта Дм. Саймс неоднократно высказывал свое мнение в отношении как политики Москвы, так и американской реакции на события в Чечне. По его словам, в России возникло крайне однобокее мнение о том, что США якобы стремятся навязать Москве свою точку зрения. По мысли Саймса, в самих США нет однозначного отношения к Чечне: «...в России зачастую пытаются создать фальшивое впечатление, что будто Белый Дом хочет подтолкнуть Кремль к переговорам с Масхадовым. Это не так. После Дубровки никакого нажима на Россию – ни публичного, ни кулуарного – в пользу диалога с Масхадовым не было. Белый Дом считает Чечню неотъемлемой частью России. После Беслана он не предлагал Москве начать переговоры с чеченскими сепаратистами. Администрация говорит, что в конечном итоге в Чечне должно быть политическое решение. Это не значит, что нужно вести диалог с теми, кто отказывается быть в составе России. Говорить надо с теми, кто признает российскую Конституцию, для которых Чечня остается частью России. И это не отличается радикально от позиции – по крайней мере риторически – самого Путина, который говорит о необходимости создания гражданского общества в Чечне, о легитимных выборах и т. д. Факт остается фактом – на

¹⁶⁰ Российская Газета. – 2005. – 19 сентября.

переговоры с Масхадовым администрация Буша Россию направить не пытается...»¹⁶¹.

Касаясь американско-российских отношений, Дм. Саймс указывает на то, что достаточно сложно определить их характер. По его мнению, среди американских и российских политиков в отношении США и РФ существуют полярно противоположные точки зрения – от симпатии до полного неприятия. Основная проблема отношений заключается в том, что они не смогли перейти на уровень партнерства: «...идея партнерства между Россией и США не получила серьезной общественной поддержки. Точнее, такая поддержка некоторое время была, но только на протяжении относительно короткого периода в 1990-е годы. Но постепенно общественный энтузиазм по ряду причин пропал в обеих странах. И как вы правильно заметили, речь идет не только о старых, бедных и больных людях. Я думаю, что в России антиамериканские чувства характерны, в первую очередь, для более образованных, более динамичных, более уверенных в себе людей...»¹⁶². Но партнерство между США и РФ не состоялось не в силу наличия стереотипов друг о друге.

Более важной причиной было то, что интересы США и России столкнулись на пространстве бывшего СССР. Дмитрий Саймс признает, что «обострение борьбы Москвы и Вашингтона на постсоветском пространстве имеет место. По крайней мере так это видится из Вашингтона». Саймс полагает, что в проведении своей политики на постсоветском пространстве РФ должна реально оценивать свои силы и возможности, не вмешиваясь во внутренние дела бывших советских республик: «...если Россия готова занять лишь позицию наблюдателя за развитием событий на Украине, сохраняя, конечно, свои интересы и симпатии, думаю, противостояния не будет. Но если роль Москвы будет более активной, это может вызвать противодействие в Вашингтоне. Подчеркну, что для многих в Америке, в том числе и в Конгрессе, эта ситуация не только политическая, но и эмоциональная: поскольку память об „империи зла“ еще свежа, при желании ее легко политически использовать. Спор между Россией и Украиной – это то противостояние, за которым нужно внимательно следить. Не знаю, можно ли сблизить позиции сторон, но было бы весьма важно, чтобы этот спор не вышел из-под контроля и не стал бы определяющим в российско-американских отношениях. Такая опасность есть...»¹⁶³.

В 1990-е годы американско-российские отношения выдерживали испытания на прочность в странах Балтии. России было больно смириться с потерей Прибалтики как стратегически важной колонии. С другой стороны, сами страны Балтии пытались как можно более активно и радикально покончить с наследием советской оккупации. Это выразилось в том, что они

¹⁶¹ Время новостей. – 2004. – 10 октября.

¹⁶² Новые Известия. – 2006. – 12 июля.

¹⁶³ Новая Газета. – 2006. – 16 января.

практически сразу заявили о своем желании стать членами НАТО. Российская Федерация заняла резко негативную позицию. Комментируя отношения между РФ и тремя балтийскими республиками, Дм. Саймс указывает на то, что «...страны Балтии, со своей стороны, должны приветствовать новую роль России в мире и, в частности, в НАТО. Для балтийских политиков сегодня представляется гораздо более конструктивным стремиться к тому, чтобы их страны стали мостом, а не буфером между Россией и Североатлантическим союзом. Исходя из этого страны Балтии должны вступать в членство НАТО, способствуя налаживанию рабочих взаимоотношений между НАТО и Россией. В свою очередь, Россия не выиграла бы, пытаясь остановить неизбежное приглашение стран Балтии в НАТО. Это только вызвало бы обратную реакцию, затруднив получение Россией реального голоса в решениях НАТО. Вряд ли странам Балтии можно будет рассчитывать на равное членство в НАТО и на эффективное взаимодействие с ее структурами, если отношения этих стран с Россией будут характеризоваться конфликтностью, непредсказуемостью и отсутствием транспарентности...». Комментируя американско-российские отношения в Балтии, Саймс указал на то, что они далеки от стабильности, отличаясь значительным конфликтным потенциалом. Но подобная конфликтность оказалось характерной для отношений между США и РФ практически в любой стране постсоветского пространства.

Пример подобной американско-российской конфронтации – ситуация в Украине. Дмитрий Саймс исходит из того, что обе державы в отношении Украины имели свои цели, но и пытались реализовать их, поддерживая те или иные политические силы. Комментируя столкновение интересов российской и американской политики, Дм. Саймс констатировал, что «...мы все должны быть реалистичны. Соединенные Штаты предпочитают не Януковича. А Россия предпочитает не Тимошенко. Мы это все понимаем, и это должно быть отправной точкой в любой честной дискуссии по этому поводу. Вопрос дальше состоит в том, что по этому поводу будут делать. Мне люди в администрации, занимающие серьезные посты, говорили, что если бы путем честных выборов пришел Янукович, то Америка могла бы с этим жить и что Америка в это активно бы не вмешивалась. Но это не единственная точка зрения в администрации...».

По мнению Дм. Саймса, в американской политической элите «...есть весьма влиятельные силы – это и украинские эмигрантские организации, это и Freedom House, и многие другие, – и они имеют своих союзников в администрации, для которых важен не только политический процесс в Украине, но и его результат. И вот именно это я, кстати, имел в виду, когда говорил о динамике внутри администрации. Поэтому-то и важно, чтобы президент, государственный секретарь и советник по национальной безопасности могли реально говорить, что партнерство с Россией приносит серьезные и конкретные результаты. Тогда им было бы проще успокаивать

каких-то людей в своей администрации и даже в конгрессе, которым очень бы хотелось обеспечить другой результат украинских политических событий...»¹⁶⁴. Таким образом, различие американской и российской политики в Украине состоит в следующем: если российское руководство ориентируется на националистические настроения и пытается вмешиваться во внутренние дела Украины именно под российскими националистическими лозунгами, то позиция США в корне отличается от той, которую заняла Москва. В политике Соединенных Штатов на постсоветском пространстве национальный фактор играет одну из последних ролей. США куда больше озабочены проблемами политической стабильности и демократии, чем соответствием или несоответствием украинских лидеров интересам Москвы.

По мнению части американского и российского исследовательского сообществ, столкновение отношений между РФ и США имеет место и в Закавказье. Комментируя американо-российские отношения в этом регионе, Дм. Саймс указывает на то, что и РФ и США часто руководствуются двойными стандартами. С одной стороны, США поддерживают не очень демократические режимы в Грузии и Азербайджане, а Россия не совсем легитимные – в Осетии и Абхазии. Но такая политика таит немалые опасности для России и США. Комментируя конфликтный потенциал отношений в Закавказье, Саймс констатирует, что «...опасность для Америки состоит в том, что под видом борьбы за демократию проталкиваются какие-то американские периферийные интересы или интересы отдельных групп в Америке, вместо того чтобы учитывать американские стратегические интересы... Мы должны неформально сформулировать взаимные правила поведения на постсоветском пространстве без того, чтобы у кого-то было право на доминирующую роль в сфере влияния, но, с другой стороны, чтобы никто никому не мешал. Кто хочет идти в НАТО – пусть идет в НАТО. Кто хочет дружить с Россией – пусть дружит с Россией... Если кто-то хочет идти в НАТО, то должно быть понимание того, что Россия не может их остановить, но Россия не обязана их субсидировать...»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Новые Известия. – 2006. – 12 июля.

¹⁶⁵ Московские Новости. – 2006. – 18 августа.

3.3. Основные проблемы американской внешней политики в работах Джозефа Ная

Джозеф Най, автор многочисленных научных монографий и статей в прессе, не только американской, но и европейской, принадлежит к числу наиболее влиятельных в современной Америке исследователей и аналитиков в сфере международных отношений¹⁶⁶. Джозеф Най – американский политолог и исследователь теории международных отношений, большинство его работ написано в духе неолиберализма. Дж. Най (родился в 1937 году) закончил Гарвардский университет. В 1995 году Дж. Най стал профессором Школы государственного управления имени Кеннеди (Kennedy School of Government) при Гарвардском университете. Най – член ряда научных обществ – Американской академии искусств и наук (American Academy of Arts and Sciences), Академии дипломатии, исполнительного комитета Трехсторонней комиссии (Trilateral Commission). В первой половине 1990-х годов Дж. Най возглавлял Международный институт стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies).

Дж. Най сочетал научную работу с политической деятельностью: например, в 1977–1979 гг. был помощником заместителя госсекретаря по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, председателем группы Национального совета безопасности по вопросам нераспространения ядерного оружия; председателем Национального разведывательного совета (1993–1994); заместителем министра обороны по вопросам международной безопасности (1994–1995). В центре внимания научных исследований Дж. Ная – комплекс внешнеполитических проблем, связанных с американской внешней политикой, американско-европейскими отношениями, глобализацией, вооружениями и распространением ядерного оружия, политикой США в отношении Азии (особенно Китая, Ирана, Ирака, Японии,), вопросы управления и взаимосвязи между внешней и внутренней политикой.

Джозеф Най видит в США одно из важнейших государств-лидеров современного мира. Но, по его словам, внешняя политика США далека от идеальной и нуждается в значительных изменениях. Най полагает, что США не усвоили уроков, которые дала им история Америки в XX веке.

¹⁶⁶ Nay J. Pan Africanism and East African Integration / J. Nay. – Harvard, 1971; Nay J. Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization / J. Nay. – Harvard, 1971; Nay J. Living with Nuclear Weapons. A Report by the Harvard Nuclear Study Group / J. Nay. – NY., 1983; Nay J. Nuclear Ethics. – Harvard, 1986; Nay J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J. Nay. – Harvard, 1990; Nay J. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History / J. Nay. – NY., 2002; Nay J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone / J. Nay. – Wash., 2002; Nay J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nay. – NY., 2004.

Эти уроки, по его мнению, проистекают из победы американской дипломатии в холодной войне. Между тем, Дж. Най указывает на то, что современный мир стал более комплексным, усилилась взаимная зависимость между отдельными странами: «...с одной стороны, мир более безопасен, а с другой стороны, более опасен. Маловероятно, что США и Россия ныне захотят уничтожить друг друга. Однако рост транснационального терроризма, распространение новых технологий повышает риск проведения терактов с катастрофическими последствиями. Шанс начала крупномасштабной ядерной войны резко уменьшился, однако взрыв ядерного заряда в каком-то городе становится все более вероятным...»¹⁶⁷. Суммируя теоретические построения Най, мы можем упомянуть несколько уроков, о которых следует помнить американской дипломатии.

Первый урок состоит в том, что «кровопролитие никогда не бывает неизбежным». Най высказывает мнение, что вероятность перехода конфликта в «горячую» стадию может снижаться или повышаться, но избежать его можно всегда. Най выдвинул в значительной степени революционное для американской науки международных отношений предположение о том, что сама холодная война не была неизбежной: «...впервые прочитав NSC 68 (меморандум Совета национальной безопасности, предлагавший начать массивную программу наращивания американской военной мощи для сдерживания советской угрозы), президент Трумэн отнесся к нему скептически. Но с началом наступления северокорейских войск через 38-ю параллель Трумэн отбросил сомнения и одобрил выделение громадных средств на реализацию мер, предлагаемых в NSC 68...». С другой стороны, Най указывает, что американское общество, как и любое другое, имеет свои исторически возникшие мифы, страхи, политические предпочтения. Он указывает на то, что важно все эти предрассудки держать где-то в области культуры, но никогда не пускать их в политику: «...надо управлять собственными страхами: наблюдая за превращением Китая в сверхдержаву, мы не должны позволить нашим страхам определять наши отношения с этой страной...».

Второй урок холодной войны, по мнению Дж. Най, состоит в том, что развитие конфликтов «...очень сильно зависит от личных качеств конкретных лидеров. Невозможно понять происхождение холодной войны, не поняв Сталина и Трумэна, окончание холодной войны невозможно понять, не понимая Горбачева и Рейгана...». Таким образом, он пытается утвердить примат политической ответственности избирателей. Иными словами, внешняя политика Америки есть не что иное, как прямое продолжение внутренней.

Политическая ответственность – одна из центральных тем в работах Дж. Най. Она самым тесным образом связана с зависимостью между внеш-

¹⁶⁷ Washington Profile. – 2005. – November, 24.

ней и внутренней политикой. Анализируя проблемы и перспективы внешней политики США, Дж. Най значительное внимание уделяет и внутренним политическим дискурсам. Одно из наиболее важных, но вместе с тем и трагических событий в новейшей американской истории, которое подчеркивает эту зависимость, – 11 сентября, точнее – целая череда политических перестановок и перемещений, которые за ним последовали. Например, террористическая атака повлекла за собой реформу американских спецслужб, которая преследовала цель сделать их более адекватными внешним вызовам, но которая вызвала оживленную дискуссию об ответственности властей: «...созданная в Америке независимая комиссия по расследованию событий 11 сентября сосредоточила внимание на неспособности разведслужб скоординировать свою деятельность и порекомендовала пересмотреть административную структуру разведывательного сообщества, в том числе создать пост директора национальной разведки...»¹⁶⁸.

Популяризируя идею взаимного уважения между различными течениями в американской политике, Дж. Най указывает на то, что именно от стабильности во внутренней жизни зависит успех внешней политики США: «...если республиканцы и демократы будут продолжать игнорировать мягкую силу, а общественное обсуждение вопросов иностранной политики будет по-прежнему ограничено словесными соревнованиями, недуг Америки будет прогрессировать. Америке больше не нужны предвзятые суждения, приведшие к окостенению общественного диалога. Ей надо признать важность как грубой, так и мягкой силы и посредством обсуждения разработать разумную стратегию, целью которой будет их объединение. Будем надеяться, что выборы 2006 года начали этот процесс...». Таким образом, по мнению Дж. Найа, политический успех внешней политики США на международной арене, участие Штатов в борьбе против международного терроризма будут успешными лишь в том случае, если крупнейшие политические партии временно откажутся от взаимных претензий и сосредоточат свою активность на выработке таких позиций, которые будут гарантировать лидерство и первенство США в мире.

Третий урок, как указывает Дж. Най, состоит в том, что участникам международных отношений никогда не следует абсолютизировать военный фактор в международных отношениях: «...военная мощь имеет свои ограничения... военная мощь важна, и взаимное ядерное сдерживание сыграло большую роль, особенно на начальном этапе холодной войны. Но следует помнить, что ядерное оружие настолько ужасно, что использовать его, по сути, невозможно – оно может служить только инструментом сдерживания...». Кроме военного фактора Най уделяет внимание и национализму. По его словам, национализм стал серьезным политическим игроком, которому уже тесно во внутреннем пространстве отдельных стран.

¹⁶⁸ The Financial Times. – 2005. – March 31.

Поэтому военный конфликт чреват взрывом национализма: «...надо помнить о том, что в эпоху национализма, на которую повлияла информационная революция, управлять враждебно настроенным населением невозможно. США потерпели поражение во Вьетнаме, СССР – в Афганистане, несмотря на то что были ядерными державами. Сегодня старая модель оккупации просто не работает. К сожалению, США начинают это понимать слишком поздно, уже оказавшись в Ираке...».

Военный фактор, по мнению Дж. Ная, тесно связан с деятельностью американских специальных служб – точнее, с компетентностью той аналитики, которыми они руководствуются при составлении докладов для президента – лица, принимающего важнейшие внешнеполитические решения. Яркий пример такой ответственности, точнее ситуации, когда ее нет, – военные действия США в Ираке. В связи с этим Най указывает на ряд серьезных ошибок, допущенных Америкой. И хотя он признает, что Ирак – не самая лучшая страна для ведения там разведывательной работы, тем самым он не снимает ответственности с американских спецслужб: «...Ирак был непростым объектом для сбора разведанных. Диктатор Саддам Хусейн вселял в людей страх, уничтожая всех, кто не мог держать язык за зубами. Как утверждает комиссия Батлера, у Британии в Ираке было очень мало надежных агентов. Американцы же, после высылки из Ирака инспекторов ООН, лишились источника объективных агентурных данных и зачастую заполняли образовавшийся вакуум за счет ненадежных свидетельств иракских эмигрантов, которые преследовали собственные цели. Аналитическая работа также хромала. Здесь – в результате конфуза, когда после первой войны в Заливе неожиданно выяснилось, что в работе по созданию ядерной бомбы г-н Хусейн продвинулся куда дальше, чем предполагалось, наблюдалась явная тенденция к перестраховке. Опасаясь недооценить возможности противника, аналитики переоценили их...»¹⁶⁹.

Четвертый урок, который США извлекли из холодной войны, связан с экономикой. Военное противостояние двух держав требовало особого развития экономики – его окончание поставило перед этими странами новые вызовы. С ними справились только США, так как они еще раньше пришли к выводу, что модель, развиваемая в СССР, не имеет исторической перспективы: «...мир коренным образом изменился, и экономическая модель, которую строил Сталин, с ее металлургическими комбинатами и электростанциями, успешная в условиях второй индустриальной революции, сегодня не подходит. Сегодня только рынок способен достаточно быстро реагировать на вызовы современности...».

Успешное извлечение уроков из холодной войны, исторический опыт противостояния двух сверхдержав привели США к тому, что в современном мире они начали играть роль страны-лидера. Най не отрицает того, что

¹⁶⁹ The Financial Times. – 2005. – March 31.

Америке должна принадлежать совершенно особая роль при условии того, что США будут постепенно вовлекать в международные отношения и другие государства. Другие страны, в свою очередь, оказываются младшими партнерами американской дипломатии. Но в такой ситуации эта зависимость оказывается выгодной как для Европы, так и для Америки – вместе они могут достичь и добиться гораздо больше, чем действуя самостоятельно и полностью независимо друг от друга: «сегодня Америка – единственная сверхдержава, поэтому при решении международных конфликтов велик соблазн действовать самостоятельно, не опираясь ни на чью помощь. Но есть много проблем, которые одной нашей стране не решить. Самое тесное сотрудничество с другими государствами необходимо в борьбе с терроризмом, с распространением оружия массового уничтожения, для установления международной финансовой стабильности, для борьбы со СПИДом и другими заразными заболеваниями и так далее. К сожалению, когда мы говорим о месте Америки в современном мире, нас иногда вводит в заблуждение сама терминология».

Важнейшая сфера взаимодействия американских и неамериканских, в первую очередь европейских, интересов – это борьба с терроризмом. Согласно Дж. Наю, исторически сложились все условия, чтобы именно США как наиболее мощная держава стала лидером международной борьбы против международного терроризма: «...без Америки никто не может решить сложнейшие мировые проблемы...». Но в то же время Най не склонен абсолютизировать американскую мощь, признавая, что «одна Америка решить их тоже не в состоянии». В такой ситуации США и Европа взаимозависят: «...в зоне Персидского залива и на Балканах никто ничего не мог сделать без Америки. Но чтобы прекратить конфликт в этих регионах, США обратились к союзникам. Кроме них в коалицию вошли, в первом случае, страны Ближнего Востока, в во втором – Россия. Даже в войне в Афганистане США действовали в одиночку только в сфере чисто военной. Но сохранение стабильности в этой стране и дальнейшая успешная борьба с терроризмом в мировом масштабе возможны только при активном участии многих стран...».

Анализируя место США в современной мировой политике, Дж. Най указывает на то, что Европе и России не следует бояться Америки. Основным источником обострения отношений между Россией, Европой и США, по словам Ная, радикально настроенное течение среди американских интеллектуалов и политиков, которые верят в то, что Америка имеет право и должна всеми возможными и доступными средствами утверждать свое превосходство. По мнению Ная, такие политики в значительной степени маргинальны, но, с другой стороны, не они направляют реальное развитие американской политики. В связи с этим Най отмечает, что «...колумнист Чарльз Краутхаммер или редактор "Weekly Standard" Вильям Кристал пишут, что США должны утверждать американскую гегемонию и не стес-

няться этого. Таких людей хватает. Но в правительстве страны их немного. При Рональде Рейгане они еще играли заметную роль. Этого уже не было в правительстве его преемника – тоже республиканца Джорджа Буша-старшего. Вообще подобное расхождение во взглядах больше заметно не среди членов команды того или иного президента, а среди законодателей. Члены Конгресса прислушиваются к голосу своих избирателей, которых, как правило, больше интересуют дела своего города и штата, а не страны в целом. У президентов более широкая перспектива. Их избирает не штат, а вся страна. Кроме того, президенты в силу своей должности больше внимания обращают на мнение наших союзников...».

По мысли Ная, в период администрации Джорджа Буша-мл. во внешней политике наметилась тенденция к пересмотру самих основ политики. Американский политолог признает, что США стали меньше внимания уделять международным организациям и международному праву, что негативно влияет на имидж США в мире. По словам Дж. Ная, «...речь идет об ослаблении зависимости Вашингтона от постоянно действующих альянсов и международных организаций, расширении традиционного права упреждения до уровня новой доктрины превентивной войны и, наконец, пропаганде принудительной демократизации в качестве ответа на проблему ближневосточного терроризма...»¹⁷⁰.

Условно Дж. Най делит историю современной американской внешней политики на два больших этапа. Первый начался после распада Советского Союза, когда США впервые в своей истории получили уникальный шанс выстроить мир именно так, как им казалось наиболее правильно и необходимо. Но США этой возможностью воспользовались не в полной мере. Поэтому и наступил второй этап, начало которого Дж. Най связывает с террористическими актами 11 сентября. После этого США начали менять свою политику в отношении своих партнеров. В чем это выразилось? Во-первых, США стали более активно принимать участие в деятельности ООН. Во-вторых, они начали активную борьбу против мирового терроризма. Вторая задача оказалась куда более сложной, чем выплата международных долгов. Изначально США активно и довольно успешно действовали в Афганистане – именно этот относительный успех, по мнению Дж. Ная, вселил в элиту США ложную уверенность. Последующие события в Ираке подчеркнули то, что возможности США имеют свои пределы. США столкнулись уже не просто с государством, а с целой налаженной и работающей системой международного терроризма. Это, в свою очередь, заставило США заметить своих союзников: «...основной проблемой для американцев в новом веке станет то, что сегодня даже самое могущественное в мире государство не в состоянии контролировать гораздо большее

¹⁷⁰ Най Дж. Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 4.

количество вопросов и гораздо большее число вооруженных групп, чем когда-либо раньше. Террористические акты 11 сентября продемонстрировали, что информационная революция и глобализация изменили мировую политику таким образом, что Америка больше не может достичь своих внешнеполитических целей, действуя в одиночку...».

В современном мире американская политика столкнулась с ростом антиамериканских настроений, и Дж. Най пытается найти истоки этого явления. Констатируя рост популярности в мире идей, направленных против Америки, Най указывает на то, что изучение этого феномена невозможно в рамках того подхода, при котором антиамериканизм будет понят как генетическая ненависть ко всему американскому: «...в мире растут антиамериканские настроения. Американские демократы считают, что политика президента Буша лишила Америку ее привлекательности. Республиканцы отвечают на это, что Америка обречена на неприязнь со стороны остального мира из-за ее размеров и ассоциаций, проводимых между ней и глобализацией. Антиамериканизм, говорят они, нескороним, поскольку некоторые люди видят в Америке угрозу своей культуре. Я считаю, что такие взгляды лишены исторической перспективы...». Признавая и определенную роль этого фактора, Дж. Най все же считает, что проблема является более сложной.

Рост антиамериканских настроений в мире Дж. Най пытается проанализировать в рамках глобализации. Он полагает, что сама глобализация не является институтом американского влияния на мир и не ведет к его полной унификации: «...вопреки общепринятому мнению глобализация не гомогенизирует и не американизирует мировые культуры. Хотя Соединенные Штаты находятся в авангарде информационной революции, создающей многие приписываемые американизации сходства в социальных и культурных традициях (как, например, обыкновение смотреть телевизор или пользоваться интернетом), взаимосвязь и причинно-следственные отношения – это разные вещи...». Най указывает и на то, что процесс глобализации противоречив и в самой Америке: одни авторы позитивно оценивают участие Америки в нем, другие, наоборот, склонны акцентировать внимание на негативных сторонах. Таким образом, дискуссии вокруг глобализации, точнее – американской роли и американского участия в глобализационных процессах, ставят перед американским интеллектуальным сообществом проблему формирования максимально оптимальной внешней политики.

В этом контексте одна из центральных идей Дж. Най – идея о т. н. «мягкой силе». Сама эта идея позиционируется им как своего рода панацея от возможных осложнений в отношениях между Старым и Новым Светом. Исходной посылкой, которая и вынудила американского автора предложить эту теорию, стало охлаждение отношений между США и европейскими демократиями. Комментируя перипетии американско-европейских от-

ношений, Най пишет, что «...последние несколько лет были трудными в трансатлантических отношениях. И в Европе, и в Америке усилилась взаимная критика. Американская мощь начала беспокоить Европу еще до прихода к власти Джорджа Буша-мл. Министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин назвал США гипердержавой уже в конце 1990-х, но эту обеспокоенность серьезно усилили содержание и стиль внешней политики нынешней администрации. Временный всплеск симпатий к Америке имел место после террористических актов 11 сентября, но поведение Соединенных Штатов в войне с Ираком быстро свело на нет этот ресурс. Ведь и до 11 сентября действия администрации стали характеризовать как односторонние, вслед за политическим обозревателем Чарльзом Краутхаммером называя новый политический курс унилатерализмом...».

С другой стороны, Най признает, что не все американское общество, в первую очередь – исследовательское сообщество, согласно с самой идеей о том, что американская политика в отношении Европы нуждается в переменах. В связи с этим он ссылается на мощное и влиятельное течение апологетов т. н. новой односторонности. Они, в свою очередь, склоняются к тому, что именно интересы США имеют первостепенное значение, в то время как интересы Европы американская политика должна учитывать в меньшей степени: «...сторонники новой односторонности настаивали на активном преследовании американских интересов и распространении американских ценностей. Они критиковали нежелание Б. Клинтона воспользоваться уникальным политическим положением Америки. С их точки зрения американские устремления повсеместно несут добро, американская гегемония – это благо, и на этом все споры должны закончиться. Тот факт, что Америка являет собой развитую демократию, сам по себе якобы достаточен для легитимации ее целей...».

Однако Америка после завершения холодной войны встретила с новой Европой, где активно развивалась европейская интеграция, а американские амбиции уже не встречали того понимания и поддержки, которую они получали на этапе существования не только Советского Союза, но и советской угрозы. Поэтому, суммируя претензии Европы к Америке, Най указывает на три линии развития американско-европейских расхождений и противоречий: 1) значительная часть европейцев выступает за последовательную и независимую от США европейскую и мировую политику; 2) немало европейцев видят в США угрозу – если не безопасности и независимости, то культуре и идентичности; 3) все больше и больше европейцев понимают, что позиция США на международной арене отвечает только интересам США, что автоматически отводит Европе роль второстепенного и зависимого союзника.

Дж. Най указывает на необходимость применения «мягкой силы», если американская Администрация желает изменить ситуацию с позитивными для США результатами. Что же такое «мягкая сила»? По словам Най,

такая политика не только имеет свои истоки и корни в американской истории, но и является более выгодной, менее опасной и чреватой вовлечением США в значительные конфликты, в том числе и военные: «...мягкая сила представляет собой способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Американской истории известны выдающиеся примеры такого рода: это „четыре свободы для Европы“ Франклина Рузвельта в конце Второй мировой войны; молодежь за „железным занавесом“, слушающая американскую музыку и новости по радио „Свободная Европа“ и „Голос Америки“ во время „холодной войны“; китайские студенты, сооружающие модель статуи Свободы на площади Тяньаньмынь во время массовых протестов; освобожденные в 2001 году афганцы, немедленно попросившие предоставить экземпляр Билля о правах; молодые иранцы, смотрящие запрещенные американские видеофильмы и передачи спутникового телевидения вопреки запретам теократического правительства. Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны. Но влечение может обернуться и отвращением, если в политике чувствуется надменность или лицемерие...».

Най высказывает мнение, что США уже успешно использовали такую тактику и стратегию в отношении той же Европы, но сами же испортили свои отношения с европейскими партнерами. Причиной обострения и ухудшения отношений между США и европейскими странами стала крайне принципиальная позиция американской администрации Джорджа Буша-мл., который склонялся не просто к тому, что Европа должна поддержать американцев в возможных военных операциях, но взять на себя и определенную долю ответственности: «...мягкая сила, которой Америка обладала в отношении Европы, была подорвана в 2003 году. В период подготовки к войне с Ираком опросы показывали, что поддержка Соединенных Штатов в большинстве европейских стран сократилась в среднем на 30 процентов. После войны неблагоприятное представление о США сложилось почти в двух третях из 19 стран, где проводились обследования. У большинства из тех, кто разделял подобные представления, они ассоциировались с политикой администрации Дж. Буша-мл., а не с Америкой как таковой. Однако на общенациональных выборах в ряде европейских стран отношения с США стали одним из самых острых вопросов...».

Поэтому Най и поднял проблему того, что некогда вполне нормальная и даже популярная в глазах европейцев американская политика в отношении Европы стала играть роль фактора, который вел к обратному результату – постепенному отдалению европейских стран от американской полити-

ческой линии по основным вопросам современной повестки дня – международная безопасность, борьба с терроризмом, трансатлантические отношения. Понимая, что влияние США в Европе падает, Най указывает на то, что политика США нуждается в серьезных реформах: «...привлекательность США зависит и от ценностей, находящих свое отражение в существе и стиле внешней политики. Все государства преследуют собственные национальные интересы во внешней политике, но разница в том, насколько широко или узко мы определяем эти интересы, а также в том, какие средства используем для их достижения. В конце концов „мягкое“ могущество проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений; следовательно, отчасти оно зависит от того, как мы формулируем наши цели. Политику, основанную на всеобъемлющих и перспективных целях, легче сделать привлекательной для других, чем имеющую узкий и близорукий характер...».

Более того, Най достаточно последователен и даже радикален в своей точке зрения. Защищая именно американские интересы, он указывает на то, что США следует принимать во внимание и то, что об их политике думают в Европе. Най позиционирует новый имидж внешней американской политики, основанной не только на доминировании американских интересов, но и интересе к позиции партнеров в Старом Свете: «...политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими. Так, благодаря дальновидному курсу, в ходе которого был реализован план Маршалла, европейцы с радостью приняли американское лидерство. Однако воплощаясь в этом лидерстве „мягкая“ сила Соединенных Штатов подкреплялась также и значительным совпадением американских и европейских ценностей...».

Но Най понимает, что такая политика, точнее – ее успех, станет результатом отказа США от видения Европы, как старой колыбели европейских ценностей и либеральной культуры. Най указывает на то, что в Европе есть немало истинных союзников США, которые понимают, чем вызвана такая американская политика, но не имеют никакого желания отказываться от тех политических ценностей, которые исторически возникли и в настоящее время доминируют в их странах: «...но если в той или иной стране восхищаются американскими ценностями, это не означает, что ее народ должен имитировать пути, какими американцы воплощают их в жизнь. Несмотря на неоспоримую привлекательность американской свободы слова, такие страны, как, например Германия, имеют за плечами историю, которая заставляет их запрещать проявления ненависти, не наказуемые в Америке благодаря Первой поправке. Многим европейцам нравится приверженность Америки свободе, но у себя дома они отдадут предпочтение политике, сдерживающей неолиберальный индивидуализм в экономике и насыщенной большей заботой об обществе. После окончания

„холодной войны” две трети чехов, поляков, венгров и болгар считали, что Соединенные Штаты оказали благотворное влияние на их страны, однако менее четверти населения этих стран хотело «импортировать» американскую экономическую модель...».

Важным инструментом, который будет содействовать постепенному восстановлению американских позиций в Европе, может стать, по словам Дж. Ная, все более и более растущая в Европе популярность и востребованность американского стиля и образа жизни, американской массовой культуры: «...третий источник „мягкого” могущества – это культурная привлекательность. Политический эффект массовой культуры – не новость. Голландский историк Роб Кроес указывает, что плакаты, выпускавшиеся пароходными компаниями и эмиграционными обществами в Европе в XIX веке, задолго до потребительской революции XX столетия создали представления об американском Западе как символе свободы. Молодые европейцы мужали и строили исполненный смысла мир, который многое заимствовал у Америки. Кроес утверждает, что в 1944 году коммерческая реклама, в которой содержались ссылки на провозглашенные Франклином Рузвельтом „четыре свободы” и развивались соответствующие идеи, имела значение урока по основам гражданственности. Поколение за поколением молодежь в самых разных европейских странах – и к западу, и к востоку от „железного занавеса” – открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственное Я...». Но и в этом случае Най не склонен абсолютизировать универсальную ценность американской культуры, указывая на то, что использование этого ресурса может привести к определенным результатам, но они будут незначительными: «...из среднестатистических оценок по десяти европейским странам, где опросы проводились в 2002 году, видно, что две трети респондентов одобрительно относились к американской массовой культуре и американским успехам в науке и технике, но всего лишь одна треть высказывалась в пользу распространения американских идей и обычаев в их стране...».

Эта американская культурная универсальность, по мнению Ная, стала одним из тех факторов, которые столкнули США с международным терроризмом. Анализируя проблему 11 сентября, Най высказал мнение, что нападение было совершено против США потому, что США являются именно США. Иными словами, удар был направлен против всего образа Америки: жизни, политики, культуры, экономики. В такой ситуации политический подтекст начинает играть куда менее важную роль, чем столкновение различных культурных типов «...у экстремистов, вроде Бин Ладена и других лидеров Аль-Каиды, вызывала злобу Америка в целом, а не просто внешняя политика нашей страны. Даже если бы мы вели другую политику, на-

пример, по отношению к Израилю, если бы наших солдат не было в Саудовской Аравии, то и тогда Бин Ладен нашел бы повод нанести удар по Америке. Изоляционистская политика не может уменьшить нашу уязвимость и гарантировать от нападений, свидетелями которых мы оказались...».

Вероятно, именно вера в американские ценности, их универсальный характер для всего мира и привела Америку к обострению отношений с нехристианскими, в первую очередь – мусульманскими, государствами. Дж. Най, осознавая всю ответственность, которая лежит в данном случае на Америке, признает, что «...американская "мягкая сила" значительно ослабела, особенно после оккупации Ирака. Выяснилось, что экспорт демократии с помощью военной силы является неважной идеей. В результате, США разозлили многих мусульман. Опросы показывают значительный спад популярности США почти по всему исламскому миру. Чтобы этот процесс остановить, нужно найти политическое решение в Ираке и серьезно заняться другими делами, в том числе добиться успеха в мирном процессе между Израилем и Палестиной. Вообще стоит изменить стиль американской внешней политики – США должны научиться прислушиваться к иным точкам зрения...»¹⁷¹.

Как ни были важны культурные аспекты в возвращении США в Европу, Най указывает на то, что политика играет куда более важную роль. Основные проблемы американской политики в Европе стали результатом не того, что американская массовая культура оказалась очень активной и даже агрессивной, а того, что после завершения холодной войны Америка встретила новую Европу, которая решила воспользоваться своим историческим шансом, направив значительные усилия на интеграцию. В такой ситуации традиционные исторические европейские лидеры, Франция и Германия, попытались взять реванш за то, что до начала 1990-х они вынужденно выступали на вторых ролях: «...для некоторых европейцев, в особенности французов, восстановление многополюсности – важная политическая цель Европейского Союза. Но пока европейские общества не придут к выводу о необходимости значительного увеличения военных расходов (а сейчас европейская политика нацелена на наднациональную интеграцию), многополюсность в военной области маловероятна как цель. Более реальной для Европы представляется задача создать противовес экономическому могуществу и „мягкой” мощи США, используя его для ограничения унилатерализма. Многополюсность – это, может быть, химера, многосторонность – нет...». Поэтому некоторые европейские политики вновь выдвинули идею многополюсного мира. Однако Най ее решительно отвергает. Но этот его отказ не означает того, что пытаются доказать некую мессианскую роль США в мире. По его мнению, США не только будут, но

¹⁷¹ Washington Profile. – 2005. – November, 24.

и должны учитывать мнение или мнения Европы как одной из сторон или нескольких сторон одновременно. Таким образом, происходит отказ от понятия «многополюсный мир» – на смену ему приходит «многосторонний мир».

Такой мир должен базироваться не просто на взаимном уважении ценностей и интересов, но и на том, чтобы другие страны в той или иной форме все-таки признавали лидерство США. Основными каналами, в рамках которых может развиваться политика этого обновленного американо-европейского мира, могут стать различные международные организации, созданные и действующие по инициативе и под эгидой США. В связи с этим Най указывает на то, что не следует принижать роль МПО как актора международных отношений, например в деле разрешения сложных международных противоречий в регионе Ближнего Востока: «...единственный путь к осуществлению желаемых перемен заключается в том, чтобы действовать в согласии с другими и избегать противодействия, которое возникает, когда в США видят единовластную империалистическую державу. Поскольку демократию нельзя установить силой, а для ее укоренения требуется значительное время, наиболее верный путь к достижению наших долгосрочных целей лежит через международную легитимность и распределение бремени между союзниками и международными организациями. Нетерпимость администрации в отношении таковых может сорвать наши собственные планы. Это тем более обидно, что именно Соединенные Штаты создали союзы и институты, которые оказались в числе самых долговечных из тех, что имели место в современном мире и более полувека служили опорой американского могущества...».

По мнению Дж. Найа, важный компонент реализации политики «мягкой силы» связан с тем, как США используют информацию и информационные технологии. Най в значительной степени совершенно верно указывает на то, что США обладают не только значительным военным и экономическим, но и информационным потенциалом. Казалось бы, информация, которая имеет сугубо информативный или утилитарный характер, значительной роли в формировании внешней политики играть не может, но Дж. Най указывает на то, что многие американские аналитики недооценивают потенциал информационной политики для позиционирования США в мире: «...это информационное преимущество способно помочь в сдерживании или нейтрализации традиционных военных угроз при сравнительно низких затратах. В мире, где изменился смысл понятий сдерживания, ядерного зонтика и неядерного устрашения, наличие информационного преимущества способно укрепить интеллектуальную связь между внешней политикой США и их военной мощью и вызвать появление новых способов сохранения лидерства в альянсах и временных коалициях...»¹⁷².

¹⁷² International Affairs. – 1996. – March – April.

Позиционируя США как носителей «мягкой силы», Дж. Най признает и то, что Штаты не являются единственной страной, которая в состоянии проводить такую политику. По его словам, значительным потенциалом и возможностями обладают и европейские страны. В такой ситуации именно Европа является для США наиболее актуальным и серьезным конкурентом. И эта конкуренция может иметь не только экономический и политический, но и культурно-исторический характер: «...Европа выступает наиболее серьезным конкурентом Соединенных Штатов с точки зрения „мягкой“ силы. Европейское искусство, литература, музыка, дизайн, мода и кухня издавна воспринимаются в мире с доброжелательным интересом. Многие страны Европы обладают сильной культурной притягательностью: из десяти наиболее широко распространенных в мире языков половину составляют европейские. Испанский и португальский связывают Пиренейский полуостров с Латинской Америкой, английский является общепринятым в обширном Британском содружестве, а представители почти 50 стран собираются на встречах, где их объединяет французский язык...».

Перечисляя «мягкие ресурсы» Европы, Най указывает на ряд факторов:

1) Франция занимает первое место по числу Нобелевских премий в области литературы;

2) Великобритания находится на первом, Германия – на втором месте в списке стран, где стремятся найти убежище беженцы и эмигранты;

3) Франция, Германия, Италия и Великобритания превосходят США по средней продолжительности предстоящей жизни своих граждан;

4) европейские государства направляют на помощь развивающимся странам большую часть своего ВВП, чем Соединенные Штаты;

5) Великобритания и Франция намного меньше Америки, они расходуют на публичную дипломатию примерно столько же средств, сколько и США.

Как бы ни казались возможности Европы меньшими, чем возможности США, по словам Дж. Найа, американским политикам следует помнить о европейском факторе. В своем «мягком» противостоянии США Европа может и умеет использовать свои институты, может она и выступать в качестве самостоятельного актора в международных институтах – например в ООН: «...европейцы способны использовать многосторонние институты с целью ограничения "мягкого" владычества Америки. Это, в частности, проявилось в том, что Франция и Германия сумели воспрепятствовать стремлениям США добиться второй резолюции Совета Безопасности ООН к началу войны в Ираке. Соединенным Штатам эта война обошлась дороже, чем могла бы обойтись, если бы они эффективно использовали свою "мягкую" силу, в том числе и на этапе умиротворения и реконструкции Ирака...».

Прочитав работы Дж. Ная, мы поймем, что американско-европейские отношения – волнующая тема для американского интеллектуального и исследовательского сообщества. И для волнений есть все основания. Дж. Най пишет, что «...спустя сорок пять лет после объявления о плане Шумана, с которого началось объединение экономик Франции и Германии, в состав ЕС входят 25 государств, а по численности населения Европейский Союз превосходит США. Восемь новых стран-членов являются бывшими коммунистическими странами, находившимися за "железным занавесом" на протяжении почти полувека. Их тяготение к ЕС является признаком привлекательности „мягкой силы” – идеи европейского объединения». Вероятно, Дж. Най – один из самых влиятельных «американских еврооптимистов...». Это неудивительно – интеллектуально Дж. Най сформировался под влиянием европейской традиции, а сами США своим рождением обязаны европейской колонизации Америки: «...с точки зрения ценностей, в то время как между Америкой и Европой существуют некоторые различия, в основополагающих вопросах, таких как демократия и права человека, никакие две другие части земного шара не имеют столько общего...». Признавая безусловные успехи европейской интеграции, он видит то, что ЕС имеет весьма позитивные перспективы.

С другой стороны, Най указывает на то, что современный, динамично и активно растущий Европейский Союз сталкивается с немалыми сложностями: «...конечно, у новой Европы много проблем. Доход на душу населения в новых странах-членах в два раза меньше, чем в пятнадцати странах, к которым они присоединяются. Существуют опасения насчет напыльва дешевой рабочей силы. Однако средние темпы роста ВВП в новых странах-членах ЕС в два раза выше, чем в первоначальных, что может стать долгожданным стимулом для инертного рынка труда и вялой экономики этих стран. Политические взаимоотношения немного более проблематичны. В настоящее время ведутся переговоры о пересмотре проекта конституции ЕС. Некоторые европейцы опасаются, что конституция даст возможность судам провести процесс интеграции быстрее и глубже, чем это будет приемлемым для общественности в странах-членах. Отсутствие народной поддержки может привести к непринятию конституции в таких странах, как Великобритания, где правительство обещало провести референдум, прежде чем новые законы вступят в силу...».

Анализируя проблемы места Соединенных Штатов в современной политике, Дж. Най особое внимание уделяет и проблемам отношений между США и РФ. Полагая, что США и Россия заинтересованы в поддержании хороших отношений, Най мотивирует это рядом факторов: «...во-первых, сохраняется некая ядерная угроза, а, во-вторых, Россия и США имеют общие интересы в борьбе с международным терроризмом. Обе страны могут получить выгоду от активизации торговли и оживления иных связей.

США также волнует будущее гражданского общества в России. Вашингтон хотел бы увидеть развитие плюрализма и демократии – это мнение, как мне кажется, разделяется и самими россиянами. Поэтому, перспективы двусторонних отношений весьма радужные...»¹⁷³.

Анализ американско-российских отношений в работах Дж. Най сочетается с попытками осмыслить ситуацию на постсоветском пространстве. Най указывает на то, что роль РФ как правопреемницы СССР несравнимо меньше той роли, которую Советский Союз играл, например на территории Центральной Европы. Най считает, что Россия, перестав быть политической сверхдержавой, остается сверхдержавой энергетической, обладая огромными запасами нефти и газа. В такой ситуации газ является более экономическим рычагом – его крайне сложно заменить другими видами топлива. Анализируя газовую политику Москвы, Дж. Най указывает на то, что газ уже использовался Кремлем как инструмент давления на соседей и против соседей¹⁷⁴.

Дж. Най принадлежит к числу тех американских интеллектуалов, которые, признавая особую роль в США в мире, замечают на политической карте не только США, Россию и европейские государства. Это вовсе не означает того, что другие представители американского интеллектуального сообщества слабо знают географию. Зная ее, они свято верят в то, что мир должен стать американским – в такой ситуации всем прочим странам они приписывают то, что от них исходит опасность США. Дж. Най с таким подходом в значительной степени не согласен. Описывая отношение в Америке к Китаю, Дж. Най признает, что среди американских политиков и исследователей единой точки зрения в отношении Китая и перспектив сотрудничества с ним нет: «...все согласны с тем, что возвышение Китая является одним из преобразовательных изменений нынешнего столетия, но Вашингтон разделен на "китаелюбов", которые это приветствуют, и "китайских ястребов", которые бьют тревогу...»¹⁷⁵. Най вообще зарекомендовал себя как реалистически мыслящий политик и критик американских крайних правых: «...некоторые аналитики, в частности, Джон Мершаймер из Чикагского университета, полагают, что Китай не может мирно развиваться, предсказывая, что США и Китай, возможно, столкнутся в вопросе безопасности, и с большой вероятностью произойдет конфликт. Оптимисты отмечают, что Китай ведет политику добрососедства с 1990-х годов, предлагая мирное решение приграничных конфликтов. Роль страны в международных институтах все усиливается. Скептики возражают, утверждая, что Китай выжидает, пока экономика создаст основы его гегемонии в будущем...»¹⁷⁶.

¹⁷³ Washington Profile. – 2005. – November, 24.

¹⁷⁴ Le Temps. – 2006. – January, 26.

¹⁷⁵ The Boston Globe. – 2006. – April, 19.

¹⁷⁶ Le Figaro. – 2005. – March, 22.

Анализируя проблемы китайского фактора в американской внешней политике, Дж. Най указывает на то, что его оппоненты не совсем знают то, о чем пишут. По словам Ная, американские крайне правые видят в Китае азиатскую диктатуру, которая в силу случайного стечения обстоятельств в конце XX века стала составлять конкуренцию США. Най, наоборот, считает, что в этом нет ничего случайного: «...на деле "взлет Китая" – плохая формулировка. "Новое появление" звучит лучше, поскольку по своим масштабам и по своей истории срединная империя издавна является одной из азиатских держав. По техническим и экономическим показателям Китай был мировым лидером в период между 500 и 1500 годами. Лишь во второй половине тысячелетия Европа и Америка обошли Китай. По оценкам Азиатского банка развития, в 1820 году, на заре индустриальной эры, производство в Азии составляло три пятых от мирового...»¹⁷⁷.

Дж. Най полагает, что к 2025 году Азия / Восток (Китай, Япония и Индия) восстановят свои исторические позиции, подорванные эпохой колониализма. Вместе с тем, Дж. Най указывает на то, что современный динамично развивающийся Китай – не просто экономически опасный конкурент, это и страна со значительными авторитарными тенденциями, далекая от политической стабильности. Но демократия – политический идеал, к которому надо стремиться. Най этого и не отрицает. Но он понимает и то, что вероятная (но очень туманная и хронологически отдаленная) демократизация Китая может стать мощнейшим фактором политической нестабильности: «...установление примата права и создание институтов, благоприятствующих участию в политике, – следствие экономического роста и растущего неравенства, массовой внутренней миграции, недостаточных выплат по социальному обеспечению и коррупции – все это может привести к политической дестабилизации...»¹⁷⁸.

Дж. Най считает, что серьезное обострение отношений между США и КНР маловероятно. Причина – развитые экономические связи. Как бы ни выступали американские правые о необходимости пересмотреть отношения к стране, где смертные казни публично приводятся в исполнение, экономика всегда будет решающим фактором при принятии политических решений: «...Китай сегодня является нашим третьим по величине торговым партнером и вторым крупнейшим официальным кредитором. Критики утверждают, что торговля с Китаем сделала нас уязвимыми. Китай мог бы причинить нам вред, избавившись от своих долларовых запасов, но если он так поступит, то одновременно подорвет собственную экономику...»¹⁷⁹.

Не обходит вниманием Дж. Най и политику соседней к Китаю КНДР. Най исходит из того, что американское общество в период первой администрации Буша-мл. в отношении КНДР руководствовалось своими иллю-

¹⁷⁷ Le Figaro. – 2005. – March, 22.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ The Boston Globe. – 2006. – April, 19.

зиями, плохо зная реальную ситуацию. Многие американские аналитики серьезно верили в то, что режим может быть сменен путем ограниченного политического вмешательства и воздействия из США. Многие надеялись на универсальность американских культурных ценностей, но, как указывает Дж. Най, то, что северо-корейский диктатор любит смотреть голливудские фильмы, не оказало никакого воздействия на его режим в сторону хотя бы минимальной либерализации. В связи с этим Дж. Най анализирует и возможные варианты американской политики в отношении Северной Кореи. По его словам, среди американских политиков сложилось два полюса. Одни выступают за военный удар, вторые – за переговоры. В такой ситуации Дж. Най, комментируя возможность военной операции, указывает на то, что, принимая во внимание тот радикализм, с которым Джордж Буш-мл. взялся за наведение порядка в Афганистане и Ираке, военный вариант кажется вполне реальным. Однако Най считает, что военное вмешательство будет иметь весьма ограниченный эффект и не приведет к смене режима. В такой ситуации, по его словам, только путь переговоров может привести стороны к примирению.

В своих работах Дж. Най затронул и проблемы иранского фактора в международных отношениях. По мнению Найа, отношение США к Ирану – очень сложная проблема. США после исламской революции стали страной, куда уехало немало иранских политических эмигрантов. С другой стороны, современные американо-иранские отношения далеки от стабильности. Крайне правые американские политики указывают на то, что США в праве провести военную операцию против Ирана по аналогии с военными действиями в Афганистане и Ираке. К подобной точке зрения Дж. Най относится крайне скептически. Он понимает, что в результате военной операции против Ирана США не достигнут того, что хотя бы иранские эмигранты – исламский режим в стране сохранится.

Най полагает, что нападение США на Иран будет иметь тройкие результаты: во-первых, Иран вынужденно временно прекратит свою ядерную программу, что относительно выгодно для США («воздушный удар может отсрочить программу Ирана на несколько лет»), во-вторых, исламский режим станет более крепким и стабильным («...процесс затяжных ударов может помешать положительным политическим изменениям среди младшего поколения, тем самым сокращая шансы на появление в будущем более демократического и мягкого Ирана...»), и, в-третьих, Иран имеет все возможности, чтобы адекватно ответить на агрессию («...в то же время у Ирана есть эффективные способы возмездия. Возможно, ему не удастся закрыть Хормузский пролив, но угрозы по отношению к очистительным заводам, складам и танкерам поднимут цены на нефть еще выше. Более того, поддержка Ираном таких террористических организаций, как Хезболла, может принести насилие другим странам...») – и если сами США могут и

не пострадать, то результаты для американских союзников, например Израиля, будут куда более серьезны.

В своем анализе иранской проблематики Дж. Най указывает на то, что в Иране сталкиваются интересы еще двух стран, отношения с которыми для США остаются крайне важными. Эти страны – Россия и Китай. Най понимает, что «...Россия и Китай беспокоятся, что даже умеренные целевые санкции могут перерасти в применение силы американцами и, в конечном счете, узаконят их действия, чего они хотят избежать...». В своей политике в отношении Ирана США должны помнить о том, что Китай хочет сохранить свой доступ к иранской нефти, а Россия стремится сохранить ценный коммерческий рынок. С другой стороны, Дж. Най указывает и на то, что в США понимают все политическое значение Ирана – страна, хотя и далека от демократии, она, тем не менее, не забывает о своих экономических интересах и в отличие от крайне идеологической КНДР иранское руководство думает о политических последствиях.

Анализируя политику США на Ближнем Востоке и в отношении Ирана, Дж. Най затрагивает и исламский фактор. Най решительно отвергает идею С. Хантингтона о современной ситуации в отношениях между христианским Западом и мусульманским Востоком как идею о столкновении цивилизаций: «...но сегодняшняя террористическая угроза не является столкновением цивилизаций Сэмюэла Хантингтона. Это – гражданская война внутри самого ислама между большинством нормальных людей и небольшим меньшинством, желающим заставить других принять высоко идеологическую и политизированную версию их религии. Мы не сможем одержать победу, если ее не одержат умеренные мусульмане. Мы не сможем одержать победу, если количество людей, завербованных экстремистами, не будет меньше числа экстремистов, сдерживаемых и уничтожаемых нами...». По его мнению, корень основных проблем надо искать не в цивилизационных и религиозных различиях. Най указывает на то, что проблема более сложна, а сторонники цивилизационного подхода в значительной степени ее упрощают.

Значительное внимание в своих работах Дж. Най уделяет и той роли, которую может играть или играла политика «мягкой силы» в развитии и популяризации, экспорте и экспансии демократических ценностей. По мнению Най, в этом отношении она самым тесным образом связана с информационной политикой США. Най считает, что иногда такая своеобразная информационная агрессия может оказаться не только полезной, но продуктивной, приводя к смене политических режимов: «...такие организации, как Информационное Агентство США, играют важнейшую роль, помогая другим государствам в переходе к демократическому строю. В этом смысле Китай являет собой наглядный пример. Радиостанция "Голос Америки", являющаяся рупором международного вещания ЮСИА, за по-

следние несколько лет стала важнейшим источником новостей для 60 процентов образованных китайцев...».

С другой стороны, Дж. Най реалистично смотрит на информационные потенции США и вынужденно признает, что «...холодную войну пережили многие недемократические режимы, в число которых входят не только коммунистические государства, такие как Китай и Куба, но и целый ряд стран, правительства которых не избирались, а формировались авторитарными или доминирующими социальными, этническими, религиозными или семейными кланами. Правительства некоторых таких стран предпринимают зловещие попытки заполучить ядерное оружие, например, правительства Ливии, Ирана, Ирака и Северной Кореи. Политика США в отношении этих государств проводится в соответствии с конкретными обстоятельствами, в которых находятся эти страны, и их международным поведением. Соединенным Штатам следует и впредь на выборочной основе устанавливать и поддерживать контакты с такими странами, например с Китаем, которые склонны к вступлению в международное сообщество, и одновременно предпринимать усилия для сдерживания режимов, таких как иракский, которые с этой точки зрения являются безнадежными. В попытках установить контакты с недемократическими режимами или изолировать их, Соединенные Штаты должны общаться с народами этих стран, информировать их о событиях, происходящих в мире, и помогать им готовиться к построению демократического рыночного общества, когда для этого возникнут условия...»¹⁸⁰.

Кроме информационной политики свою роль в этом направлении, по мысли Дж. Найа, могут играть и различные неправительственные организации. Най исходит из того, что «...сегодняшняя информационная эпоха характеризуется возросшей ролью неправительственных организаций, осуществляющих свою деятельность на международной арене...». Анализируя деятельность этих акторов, по мнению Найа, следует принимать во внимание, что характер многих международных организаций существенно различается – среди них есть и те, что озабочены только проблемами культуры, но есть и более радикальные, которые считают допустимым и возможным оказывать давление на те или иные государственные структуры и даже целые государства: «...многие неправительственные организации стремятся действовать в качестве "глобальной совести", представляя широкие общественные интересы, выходящие за пределы отдельных государств. Они устанавливают новые нормы, оказывая непосредственное давление на правительство и деловые круги, призывая их изменить установленный политический курс и косвенным образом изменяя общественное восприятие того, какие функции входят в компетентность государства и бизнеса. Неправительственным организациям не свойственен "жесткий" характер си-

¹⁸⁰ International Affairs. – 1996. – March – April.

лы, однако зачастую они прибегают к политике "мягкой" силы, которая заключается в достижении результата путем заинтересованности, а не принуждения. Поскольку они привлекают последователей, правительства обязаны принимать их в расчет в равной степени как союзников, так и противников...». Несмотря на такую активность, Най далек от абсолютизации роли МПО и их идеализации в целом.

Най считает, что любые международные организации рано или поздно вступят в конфликт с интересами отдельных государств, так как преследуют свои собственные цели, ведут себя очень агрессивно и не хотят замечать на международной арене такого старого игрока, как государство. Комментируя эту ситуацию, Най пишет: «...делают ли неправительственные организации мировую политику более демократичной? Нет, в привычном смысле слова. Большинство из них являются организациями элиты, охватывающими узкие слои населения. Некоторые действуют безответственно и неподотчетно. Но, несмотря на это, они приносят в мировую политику плюрализм, привлекая внимание к проблемам, которые правительства предпочитают игнорировать, а также выступая в качестве международных групп давления. И в этом смысле они служат своего рода противовесом в отношении традиционной правительственной бюрократии...». Поэтому МПО превращаются в одного из многочисленных, но отнюдь не самых влиятельных акторов международных отношений.

Дж. Най не чужд и попыток теоретического осмысления современной внешней политики США. По его мнению, верное понимание сути внешней политики невозможно без ответа на вопрос, каким государством является Америка. Иными словами, Америка – империя или нет? Дж. Най указывает, что еще тридцать лет назад об имперском статусе Америки говорили только левые интеллектуалы, что делалось ими намеренно, чтобы подчеркнуть несправедливый характер американской политики. Тридцать лет спустя этот термин широко используют и левые, и правые, а само понятие «Американская Империя» утратило свое негативное значение. В целом, Дж. Най считает, что Америка не является империей, хотя некоторые атрибуты имперского поведения для нее характерны: «...во многих отношениях сравнение с империей звучит правдоподобно. Американские военные базы расположены по всему миру, а командующие в регионах иногда ведут себя как проконсулы или губернаторы колоний. Английский язык стал "лингва-франка", как когда-то латынь. Экономика США – самая большая в мире, а американская культура притягивает как магнит. Но ошибочно смешивать понятия превосходства и империи...». Для Дж. Найа Америка не относится к классическим империям: «...Соединенные Штаты точно не являются империей в том виде, в каком мы представляем себе европейские империи XIX и XX веков, потому что основной чертой того империализма была политическая власть. Несмотря на существование неравных отноше-

ний между США и более слабыми государствами, которые теоретически могут привести к их эксплуатации со стороны США, термин „имперский” является не только неточным, но и ошибочным ввиду отсутствия официального политического контроля...».

Дж. Най, отрицая классическую имперскость современной Америки, все же указывает на то, что США знают в своей истории период империализма, который, правда, продлился крайне недолго. По мнению Найа, сама идея империи противоречит всей американской национальной идентичности в целом. США сами возникли как протест, как несогласие с ранней имперской английской политикой. Поэтому весь последующий американский империализм имел освободительный, антиимперский, но демократический характер: «...настоящий империализм привлек на некоторое время внимание Америки, когда она превратилась в мировую державу сто лет назад, но период официальной империи не продлился долго. В отличие от Великобритании американцы никогда не чувствовали себя комфортно в роли империалистов, и только небольшая доля военных оккупаций США непосредственно привела к созданию демократических государств...».

В целом, Дж. Най полагает, что отношения между США и Европой, между США и РФ в дальнейшем будут развиваться по спирали – от очередного обострения к очередному потеплению. Чем это можно объяснить? Най высказывает мысль, что источник такой ситуации – экономические интересы и взаимозависимость американцев от европейцев и Европы от Америки: «экономические интересы также играют консолидирующую роль. Если посмотреть на атлантическую экономику с точки зрения прямых иностранных инвестиций, то, несмотря на неизбежные торговые споры, видно, что она остается высокоинтегрированной...». С другой стороны, многие европейцы относятся к США с пониманием и сочувствием. Америка же, в свою очередь, нуждается в таком же понимании и одобрении со стороны Европы: «...США нуждаются в легитимации своей внешней политики. Вопреки точке зрения приверженцев новой односторонности, считающих американскую демократию оправдывающей самое себя, опросы общественного мнения показывают, что на самом деле американцы жаждут одобрения со стороны других демократий. А Европа еще долгое время будет оставаться домом для большинства таких демократий...».

Заключение

История развития и изменения американских концепций внешней политики – сложная и дискуссионная проблема. Суммируя предыдущие лекции, мы можем сформулировать основные их положения следующим образом:

1) развитие американских теорий международных отношений и концептов внешней политики США на протяжении XX века было тесно связанным: иными словами, конкретные внешнеполитические доктрины нередко оказывались связанными с теми или иными теоретическими и методологическими концепциями развития международных отношений в целом;

2) несмотря на то, что в исследовательской литературе имели место попытки показать историю развития американской науки международных отношений как процесс последовательной смены теорий, невозможно выделить периоды влияния и доминирования исключительно политического реализма или либерализма; более поздние теории сосуществовали с более ранними;

3) разработкой основных положений и постулатов американской внешней политики занимается американский президент со своими экспертами и советниками; в такой ситуации совершенно особая роль принадлежит исследовательскому сообществу;

4) непосредственной технической реализацией принятых на уровне президента и его окружения внешнеполитических решений и инициатив занимается Государственный Департамент США во главе с государственным секретарем;

5) в функции американского Государственного Департамента входит также и аналитическая деятельность, в рамках которой американские эксперты и дипломаты пытаются теоретически обобщить внешнеполитические достижения и скорректировать внешнюю политику США в тех или иных направлениях;

6) американский Государственный Департамент занимает активную позицию относительно популяризации своей точки зрения и ее донесения до американского населения, исследовательского и интеллектуального сообщества. Поэтому издания и публикации Государственного Департамента США стали аналитической площадкой и средством популяризации внешнеполитической доктрины Америки;

7) в своей деятельности аналитики Государственного Департамента уделяют особое внимание как региональным аспектам международных отношений, мировой политике в целом, так и проблемам связи внутренней и внешней политики. Поэтому официальные публикации Государственного Департамента, осылая широкий круг проблем и вопросов, являются од-

ним из важнейших источников при изучении американских внешнеполитических доктрин;

8) формирование внешней политики США не ограничивается исключительно деятельностью американского Государственного Департамента: при выработке отношения Соединенных Штатов к тем или иным международным проблемам американское внешнеполитическое ведомство в значительной степени пытается ориентироваться на позиции американского Сената и Конгресса, учитывать мнения других американских министерств и по возможности неправительственных организаций;

9) внутригосударственный диалог является одной из гарантий относительно эффективной внешней политики США: стабильность американской политической системы, невозможность радикального смещения внутривластного маятника в США резко влево или резко вправо, сотрудничество между различными государственными структурами, способствует реализации американских внешнеполитических инициатив и укреплению позиций США в мире;

10) особенностью формирования доктрин американской внешней политики на современном этапе состоит в том, что в США активно действует сеть аналитических центров, связанных с различными фондами и учреждениями: часть этих организаций действуют при американских университетах, ведомствах или департаментах; другие связаны с частными или государственными фондами, созданными в честь американских политиков – конгрессменов, сенаторов или президентов;

11) активная деятельность этих организаций – залог и гарантия не только динамичного развития американской политологии и науки международных отношений, но и одно из условий столь динамично развивающейся внешней политики; кроме этого, существование сети исследовательских учреждений обеспечивает диалог между государственными учреждениями и американским обществом в лице исследовательского сообщества по такой важной проблеме, как внешняя политика американского государства.

Суммируя предыдущие лекции, посвященные внешнеполитическим концептам Збигнева Бжезинского, Патрика Бьюкенена и Анатолия Ливена, мы можем сформулировать основные их положения следующим образом.

Относительно теории Збигнева Бжезинского:

1) Бжезинский полагает, что среди всех мировых регионов Евразии принадлежит особая роль. Именно там разворачивается борьба за влияние, контроль, ресурсы и в итоге за будущее, точнее за то – каким оно будет. И

в такой ситуации особую роль в развитии Евразии, в определении ее судьбы могут и должны играть США;

2) Збигнев Бжезинский связывает утверждение США на международной арене с кризисом европоцентристского мира: события (первая мировая война, радикальная смена политической карты в Европе, конец т. н. «европейского мира»), возникновение американского фактора в европейской политике), которые способствовали развитию и росту США, для Европы имели самые негативные и катастрофические результаты;

3) согласно точке зрения З. Бжезинского, в результате политической, экономической и идеологической конфронтации США и СССР, Советский Союз потерпел крах, что привело не только к территориально-политическому распаду СССР, но и ликвидации восточного блока и возвращению бывших советских саттелитов в Европу – в такой ситуации Америка стала развиваться в принципиально новых условиях, и именно эта новая ситуация позволила Америке реализовать себя как единственную сверхдержаву;

4) Бжезинский указывает на невозможность понимания современной системы международных отношений через анализ лишь отдельных ее аспектов: изучение, например, Евразии возможно только в европейском контексте. Бжезинский полагает, что Евразия представляет собой регион, где находится несколько относительно мощных и влиятельных государств, которые в одинаковой степени претендуют на лидерство в регионе. Поэтому такая Евразия обречена на постоянное влияние со стороны ЕС и Америки, и должна в одинаковой мере учитывать европейские и евразийские факторы;

5) залог успеха американской дипломатии состоит в том, что США смогли выработать особую систему отношений со своими союзниками, отказавшись от политики традиционного принуждения, которой нередко руководствовались империи прошлого, и что в результате и привело к их кризису: важнейшей предпосылкой американского внешнеполитического успеха стало то, что американская стратегия при определении американских интересов пытается учитывать не только исключительно американские потребности и интересы, но и аналогичные запросы со стороны своих союзников;

6) по мнению З. Бжезинского, Европе принадлежит особая роль в развитии американской внешнеполитической стратегии, в силу того, что между США и Европой существует немало общего в историческом, религиозном, культурном, политическом и ценностных отношениях, что в значительной степени облегчает американо-европейское взаимодействие;

7) политическая неустойчивость в евразийском регионе, по мнению З. Бжезинского, связана с Россией, для которой распад Советского Союза привел к повышению общей нестабильности, так как переставший существ-

вывать СССР уступил свои позиции Китаю, усиление которого не может не вызвать роста американской озабоченности;

8) крах Советского государства, по мнению Бжезинского, радикально изменил не только облик и территориальные очертания региона, но и политическое и экономическое значение России; с другой стороны, исчезновение с политической карты мира СССР подтвердило то, что это государство, продолжает Бжезинский, возникло в силу случайного исторического стечения обстоятельств и могло существовать лишь при условии сохранения недемократического политического режима;

9) анализируя современный российский фактор в мировой политике, Бжезинский указывает на то, что при его изучении всегда следует принимать во внимание особенности внутривнутриполитического развития России, в отношении перспектив которой Бжезинский придерживается крайне скептической точки зрения, полагая, что процесс демократизации России не будет успешным в силу того, что Россия исторически не готова к демократии, а значительная часть россиян не принимает и отторгает демократические ценности.

Относительно концептов Патрика Бьюкенена:

1) одна из центральных и доминирующих идей в концепции Патрика Бьюкенена состоит в том, что современная политическая ситуация в США отвечает интересам только правящей американской элиты. Поэтому американская политическая система представляет собой один из самых несправедливых вариантов организации жизни общества;

2) Бьюкенен критикует американские политические институты, обвиняя и упрекая их в отсутствии прозрачности и возможности реального выбора, с одной стороны, и в постепенной консервации американской политической системы, с другой; такая тенденция, по мысли американского политика, делает американскую систему крайне чувствительной к новым вызовам;

3) в сфере международных отношений П. Бьюкенен выступает за отказ от активной внешней политики и пропагандирует возвращение к политике последовательного изоляционизма и за реализацию, в первую очередь, американских внутривнутриполитических интересов, а не внешних амбиций американских политиков;

4) во внутренней политике, согласно П. Бьюкенену, США особое внимание следует уделять защите американских ценностей, популяризации американского образа жизни по причине того, что сама американская культура находится под угрозой со стороны постоянно прибывающих мигрантов;

5) приоритетом развития американской внешней и внутренней политики должны стать меры, направленные, с одной стороны, на снижение миграции в США, а с другой – на поиск новых путей и технологий для развития американской экономики без привлечения мигрантов;

6) в сфере внутренней политики американская Администрация должна проводить линию, направленную на последовательную децентрализацию и увеличение прав отдельных американских штатов, то есть такую политику, при которой сами американские штаты будут, например, в праве развивать и выстраивать свою собственную систему образования таким образом, чтобы она максимально эффективно отвечала и реагировала на идентичностные вызовы, исходящие от мигрантов;

7) массовая иммиграция, обусловленная потребностью развитых стран в трудовых ресурсах, по мнению П. Бьюкенена, несет в себе больше негативного, нежели позитивного, так как подавляющая часть иммигрантов, является представителями других рас, религий и культур, что, в свою очередь, способно не только изменить этнический состав населения США, как мощнейшей державы западного мира, но и радикально (то есть негативно) повлиять на исторически сложившийся облик Запада, его культурный характер, исторические традиции, ценности и политические устои;

8) большинство проблем современной Америки связано с тем, что США все более отходят от исторически американского общества прошлого, добровольно отказываясь от заветов «отцов-основателей», стремившихся к равномерному распределению новых поселенцев среди коренного населения; иными словами, если США не смогут эффективно выстроить политику интеграции и ассимиляции своих новых граждан, политическая стабильность и мировая гегемония Америки могут оказаться под угрозой.

Относительно воззрений Анатоля Ливена:

1) политическим идеалом, о котором часто пишет в своих работах А. Ливен, является демократия, гарантирующая не только справедливое распределение экономических и природных благ, но и реализацию прав человека;

2) анализируя демократию, А. Ливен предостерегает от ее идеализации, так как многие демократические государства, которые пользуются поддержкой США, в действительности далеки от подлинной демократии, обладая отрицательными характеристиками, которые демонстрирует, например, политический режим Пакистана, правящие круги которого при внешнем декларировании своей предрасположенности к демократии, не в состоянии решить существующие проблемы в сфере экономики;

3) анализируя проблемы внешней политики, по мнению А. Ливена, особое внимание следует уделять тому, как фактор экономики связан с правами человека;

4) любое общество, по словам А. Ливена, далеко от стабильности и не застраховано от крайностей демократического правления, что нередко ведет к негативным результатам, что может проявляться в утверждении недемократических политических режимов;

5) в своих теоретических построениях особое внимание А. Ливен уделяет центрально-европейскому фактору: по его мнению, развитие Центральной и Восточной Европы после краха коммунизма демонстрирует целый ряд интересных тенденций, анализ которых необходим для правильного понимания той политики, которую проводят сами европейские страны и Америка в отношении этого региона;

6) анализируя современную Центральную Европу, А. Ливен неизбежно выходит на фактор национализма; согласно Ливену, приход национализма в политику может иметь самые разные политические результаты и последствия – в такой ситуации общество и демократия оказываются в достаточной степени ослабленными и уязвимыми, так как исследовательское сообщество не в силах предсказать то, как будет развиваться национализм в том или ином регионе;

7) различные националистические движения, по А. Ливену, и связанная с ними т. н. националистическая мобилизация могут радикально изменить политический режим, существенно сократив уровень демократии или заставив общество полностью от нее отказаться;

8) националистическое правление, согласно А. Ливену, которое нередко сопровождается отказом от некоторых демократических институтов, может стать залогом не только роста авторитарных тенденций, но и гарантией политической и экономической стабильности;

9) современная Россия, в соответствии с работами А. Ливена, представляет собой страну, обладающую колоссальными ресурсами и возможностями для быстрого и форсированного развития; этот сценарий будет успешно реализован только в том случае, если весь потенциал российских природных ресурсов будет направлен на модернизацию современного российского государства;

10) победа демократических ценностей, по мнению А. Ливена, создание национального государства, триумф европейских демократий были только историческими случайностями; в случае радикальных изменений природного и климатического характера вектор политического развития Европы может измениться в сторону отказа от европейских ценностей;

11) анализируя феномен т. н. «цветных» революций, А. Ливен указывает на то, что они, как правило, имеют очень ограниченный эффект и поверхностный характер, а сами революционные лидеры, генетически и ор-

ганически связанные со старой, или даже советской, политической элитой и системой, не в состоянии реализовать серьезные политические лозунги и провести радикальные политические реформы, подлинно приблизив свои страны к европейским демократиям;

12) Анатолий Ливен призывает отказаться от евроцентризма; политика США и западных демократий не должна ограничиваться исключительно Старым Светом, двумя Америками и Австралией, так как Восток стимулирует американскую и европейскую политику к постепенному отходу и добровольному отказу от узкого евроцентризма.

Суммируя предыдущие лекции, посвященные внешнеполитическим концептам Иммануила Валлерстайна, Дмитрия Саймса и Джозефа Ная, мы можем сформулировать основные их положения следующим образом.

Относительно концепции И. Валлерстайна:

1) методологически теоретические построения И. Валлерстайна основываются на миро-системном анализе, под которым он понимает «протест против способов, которыми было структурировано социальное научное исследование при его возникновении в середине XIX века»;

2) миро-системный анализ, согласно И. Валлерстайну, утверждает метод научного исследования, практикуемый во всем мире, оказал в большей степени «эффект закрытия, нежели вскрытия многих наиболее важных и наиболее интересных вопросов»;

3) миро-системный анализ позиционируется И. Валлерстайном как моральный и политический протест против существовавших теорий гуманитарного знания;

4) И. Валлерстайн вводит в научный оборот понятие «анализ мировых систем», под которым он понимает призыв к конструированию исторической социальной науки, которая «чувствует себя комфортно с неопределенностями перехода, которая вносит вклад в трансформацию мира, объясняя выбор без обращения к вере в неизбежный триумф добра»;

5) относительно современной системы международных отношений И. Валлерстайн высказывает предположение, что она переживает глубокий кризис и, вероятно, может вообще перестать существовать в современном виде;

6) по мнению И. Валлерстайна, современная система, которая является капиталистической, истощила свои ресурсы и уже не имеет перспектив и возможности для развития, приближаясь к своему концу, к «эпохе перехода», о результатах которого исследовательское сообщество не в силах сделать конкретных выводов;

7) согласно И. Валлерстайну, в рамках старой системы международных отношений существовало три системообразующих элемента, связан-

ных с урбанизацией, истощением ресурсов и процессом постепенной демократизации мира;

8) мир на протяжении Новой истории, по мнению И. Валлерстайна, развивался чрезвычайно быстро и динамично; именно эта динамика стала основой изменения международной системы в XX веке;

9) согласно И. Валлерстайну, история международных отношений в XX веке может быть разделена на три периода: первый подпериод начинается в 1945 году и продолжается примерно до 1970 года, второй продолжался примерно с 1970 года по конец XX века, третий начинается после 2001 года и продолжается в настоящее время;

10) по мнению Валлерстайна, истоки успешности американской внешнеполитической стратегии состоят в том, что США отказались от точки зрения, согласно которой США должны лидировать в мире, определяя не только свою внешнюю политику, но и направляя внешние политики других государств;

11) успехи Америки, по И. Валлерстайну, стали результатом отказа США от прямого и непосредственного вмешательства в дела Запада; в такой ситуации политика Соединенных Штатов меняется, становясь иной и более продуманной и учитывающей интересы своих партнеров;

12) в условиях кризиса американского или американоцентричного мира, полагает И. Валлерстайн, США начали прикладывать массу усилий, чтобы укрепить его стабильность и остановить процесс распада системы американской гегемонии в мире и американского доминирования в отдельных, наиболее стратегически важных, регионах.

В отношении концептов Дм. Саймса:

1) подход Дм. Саймса в отношении формирования внешней политики тесным образом связан с проблемами внутренней политики; иными словами, в формировании американской внешней политики внутренние аспекты играют столь же важную роль, как и внешние факторы;

2) в крупнейших странах Запада и России задачи внутренней и внешней политики после событий 11 сентября, указывает Дм. Саймс, оказались подчинены борьбе с терроризмом;

3) по мнению Дм. Саймса, США должны постоянно совершенствовать собственные вооруженные силы и вести активную борьбу против международного терроризма, подавая в этом отношении пример остальному миру;

4) террористические акты 11 сентября привели к тому, что американское общество изменило свое отношение к спецслужбам, подвергнув их резкой критике, в то время как в России в противоборстве между обществами и спецслужбами проиграло общество;

5) политика США альтернативна: например, Америка могла избежать военного вторжения в Ирак и попытаться разрешить возникшую кризисную ситуацию мирным путем;

6) по мнению Дм. Саймса, на некоторых этапах американо-иракских отношений в целом отвечало интересам США, а изменение американской позиции стало результатом новых вызов американской безопасности;

7) к концу XX века, указывает Дм. Саймс, США стали совершенно другим государством, в значительной степени отличным от Америки середины и начала XX века, что выразилось в изменении статуса США и связанным с ним новыми вызовами, направленными против американской гегемонии в мире и внутренней безопасности;

8) Дм. Саймс считает, что американская внешнеполитическая стратегия должна быть более продуманной; поэтому США надо позиционировать себя как справедливое и стабильное государство, как развитую демократию, но не как империю.

Относительно концепции развития внешней политики, предлагаемой Дж. Наем:

1) Дж. Най исходит из того, что при выработке внешней политики американской Администрации всегда следует принимать во внимание фактор комплексности мира: современный мир стал более сложным, усилилась взаимная зависимость между отдельными странами – поэтому поверхностный подход и игнорирование многочисленных постоянно действующих факторов могут оказать негативное влияние на положение и место США в мире;

2) политическая ответственность – одна из центральных категорий, анализируемых Дж. Наем, под которой он склонен понимать зависимость между внешней и внутренней политикой;

3) анализируя проблемы и перспективы внешней политики США, Дж. Най значительное внимание уделяет и внутренним политическим дискурсам: одно из наиболее важных, но вместе с тем и трагических событий в новейшей американской истории, которое подчеркивает эту зависимость – 11 сентября;

4) популяризируя идею взаимного уважения между различными течениями в американской политике, Дж. Най указывает на то, что именно от стабильности во внутренней жизни зависит успех внешней политики США. Дж. Най исходит из того, что внешняя политика должна быть многоуровневой: поэтому при формировании ее направлений и при принятии внешнеполитических решений никогда не следует абсолютизировать военный фактор в международных отношениях;

5) Дж. Най полагает, что извлечение уроков из холодной войны, исторический опыт противостояния двух сверхдержав привели США к тому,

что в современном мире они начали играть роль страны-лидера, поэтому Най не отрицает того, что Америке должна принадлежать особая роль при условии, что США будут постепенно вовлекать в международные отношения и другие государства;

6) в такой ситуации другие страны, в свою очередь, оказываются младшими партнерами американской дипломатии, но эта зависимость оказывается выгодной, например как для Европы, так и для Америки – вместе они могут достичь и добиться гораздо больше, чем действуя самостоятельно и независимо друг от друга;

7) важнейшая сфера взаимодействия американских и неамериканских, в первую очередь европейских, интересов – это борьба с терроризмом, поэтому исторически сложились все условия, чтобы США как наиболее мощная держава стала лидером международной борьбы против международного терроризма;

8) европейским и азиатским партнерам США следует избавиться от американофобских настроений, так как Америка не несет угрозы их безопасности: основной источник обострения отношений между Россией, Европой и США, по словам Най, – крайне радикально настроенное течение среди американских интеллектуалов и политиков, которые верят в то, что Америка имеет право и должна всеми возможными и доступными средствами утверждать свое превосходство;

9) рост антиамериканских настроений в мире Дж. Най пытается проанализировать в рамках глобализации: сама глобализация не является институтом американского влияния на мир и не ведет к его полной унификации;

10) для более полного и объективного анализа внешней политики Дж. Най вводит термин «мягкая сила», под которой следует понимать способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения;

11) важным инструментом, который будет содействовать постепенному восстановлению американских позиций в Европе, может стать, по словам Дж. Най, растущая в Европе популярность и востребованность американского стиля и образа жизни, американской массовой культуры;

12) Дж. Най полагает, что отношения между США и Европой, между США и РФ в дальнейшем будут развиваться по спирали – от очередного обострения к очередному потеплению; истоки подобной ситуации он видит во взаимозависимости между американскими и европейскими партнерами.

Список литературы

Основная литература.

- Бжезинский Зб. Великая шахматная доска : Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М., 1998. – 254 с.
- Буш Дж. Мир стал другим / Дж. Буш. – М., 2004. – 502 с.
- Гудби Дж. Неразделенная Европа : Новая логика мира в американо-российских отношениях / Дж. Гудби. – М., 2000. – 333 с.
- Загладин Н.В. США : общество, власть, политика / Н. В. Загладин. – М., 2001. – 539 с.
- Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Г. Киссинджер. – М., 2002. – 350 с.
- Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке / Р. Кейган. – М., 2004. – 158 с.
- Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны : эволюция политической теории / В.Н. Коньшев. – СПб., 2004. – 372 с.
- Коньшев В.Н. Современная американская политическая мысль : историография неореализма / В.Н. Коньшев. – СПб., 2006. – 150 с.
- Лойко С.Л. Шок и трепет. Война в Ираке / С.Л. Лойко. – М., 2004. – 254 с.
- Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений / К. Престовиц. – СПб., 2005. – 605 с.
- Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы / ред. О.А.Колобов. – Н.Новгород, 1992. – 235 с.
- США и Европа: Перспективы взаимоотношений на рубеже веков / ред. А.И. Уткин. – М., 2000. – 190 с.
- Троицкий М.А. Трансатлантический союз, 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биополярности / М.А. Троицкий. – М., 2004. – 246 с.
- Хонин В.Н. Теория международных отношений / В.Н. Хонин. – Киев, 2005. – 453 с.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков. – М., 2003.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке: Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002) / Т.А. Шаклеина. – М., 2002. – 442 с.

Дополнительная литература.

Brown C. Understanding international relations / C. Brown. – NY., 2001. – 296 p.

Crawford N.C. Argument and change in world politics: ethics, decolonization, and humanitarian intervention / N.C. Crawford. – Cambridge – NY., 2002. – 466 p

The globalization of world politics : an introduction to international relations / ed. by John Baylis and Steve Smith. – Oxford, 2001. – 690 p.

Flanders S.A. Dictionary of American foreign affairs / S.A. Flanders. – NY., 1993. – 833 p.

Hastedt G. Encyclopedia of American foreign policy / G. Hastedt. – NY, 2004. – 562 p.

Melusky J.A. The American Political System : An Owner's Manual / J.A. Melusky. – Boston, 2000. – 374 p.

Meaning and international relations / ed. by P. Mandaville. – L. – NY., 2003. – 186 p

Preston Th. The president and his inner circle : Leadership style and the advisory process in foreign affairs / Th. Preston. – NY., 2001. – 347 p.

Puchala D.J. Theory and history in international relations / D.J. Puchala. – NY. – L., 2003. – 271 p.

Rourke J.T. Making American Foreign Policy / J.T. Rourke. – Guilford, 1994. – 517 p.

Учебное пособие

Кирчанов Максим Валерьевич

**ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ДОКТРИН США**

Учебно-методическое пособие для вузов

Редактор Т.Д. Бунина

Подписано в печать 09.06.07. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 9,3.
Тираж 100 экз. Заказ 1211.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, пл. им. Ленина, 10. Тел. 208-298, 598-026 (факс)
<http://www.ppc.vsu.ru>; e-mail: pp_center@typ.vsu.ru

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3. Тел. 204-133.